

Антон Грановский Тайный враг

Гиблое место – 5



Антон Грановский Тайный враг

Моим племянникам – Алексею Храброму и Анастасии Премудрой

Глава первая

1

Порыв ветра пробежал по кронам черных пихт и елей, словно вздох огромного чудовища, оплакивающего своих безобразных отпрысков, сраженных рукою чужака.

Крев столкнулся с себя обезглавленное тело твари и поднялся на ноги. Несмотря на пронизывающий ветер, он обливался потом. Ему не впервой было драться с тремя противниками одновременно, но таких живучих и жутких гадов он еще не встречал.

Отряхнув порванный комбинезон, Крев поискал на земле выжигатель, который выронил во время схватки, нашел его, стряхнул с него мусор и сунул оружие в чехол. Затем поднял сумку и, поморщившись от боли в ушибленной груди, забросил ее на плечо.

Избитое тело болело, но особых причин для расстройства не было – твари так и не сумели вцепиться в него зубами и не нанесли ему смертельных или опасных ран.

Крев огляделся. Сумерки в лесу стремительно сгущались. Еще полчаса, и мрак станет непроглядным. А этот странный лес и при дневном свете казался жутким. Отблесков далекого зарева над лесом уже не было видно. Судя по всему, огонь на месте разверзшегося ада уже угас. Хорошо хоть не перекинулся на деревья.

Еще немного передохнув, Крев поправил на спине сумку и зашагал через мрачный и черный лес-глушняк, стараясь не сойти в сумерках с едва видневшейся тропки. Рано или поздно эта тропка куда-нибудь его приведет.

Он прошел шагов двадцать, когда ночную тишину леса взрезал жуткий многоголосый

вой. По спине Крева пробежал мороз, но он не остановился. Лишь прижал ладонь к груди, к тому месту, где под прочной тканью комбинезона висел на шее платиновый крестик, и хрипло прошептал:

– Господи, помоги мне выбраться отсюда.

Сомкнув губы, Крев горько усмехнулся: надеяться на бога не стоило, ведь он отвернулся от Крева еще два года назад. Крев сплюнул себе под ноги, двинулся дальше.

Интересно, выжил ли еще кто-нибудь? Крев вспомнил ухмыляющуюся физиономию Раха... Этот смертоносный дьявол вполне мог выжить. Рах силен, ловок и хитер. Крев отлично помнил, как, не зная сна и отдыха, шел по следу Раха, чтобы пресечь его кровавый путь, устеленный трупами невинных людей.

И вот теперь он снова вынужден думать об этом дьяволе во плоти и оглядываться по сторонам, опасаясь внезапного нападения.

Резкий порыв ветра заставил Крева поежиться. Рванный комбинезон – плохая защита от холода и ветра. Хорошо бы сейчас развести огонь, но, увы, нечем.

Тьма становилась все гуще, и вот уже на небе проступили звезды.

И вдруг Крев остановился. За деревьями полыхал костер. Сердце Крева подпрыгнуло в груди и, забыв об опасности, он бросился вперед. Теперь он не обращал внимания ни на бьющие по лицу ветки, ни на чавкающую под ногами грязь. Лишь бы побыстрее выбраться из этой проклятой, промозглой чащобы к огню, к людям и – черт побери! – к еде. Он так давно не ел настоящей пищи, что почти забыл ее вкус. И все же мысли о жирном, хорошо прожаренном куске мяса вызывали в его желудке судороги и заставляли дрожать от вожделения.

Впереди, за деревьями, он увидел людей.

Их было четверо, и один из них явно услышал или почувствовал его приближение. Он был высок и широкоплеч и стоял спиной к костру, положив руку на пояс. (Вероятно, затем, чтобы побыстрее выхватить оружие в случае необходимости.) С этим нужно держать ухо востро, решил Крев.

У ног одного из странников, юного, белокурого парня, лежал старый пес.

Раздвинув кусты, Крев вышел на лужайку и остановился так, чтобы отблески костра падали ему на лицо. Пес лениво поднял морду, скользнул по Креву безразличным взглядом и снова положил голову на толстые лапы. Выждав несколько секунд, Крев решил, что незнакомцы успели его разглядеть, и громко спросил:

– Кто вы, странники?

Тот, что стоял спиной к костру, самый рослый и крепкий из всей компании, поднял левую руку в приветственном жесте и пробасил:

– Я ходок. Зовусь Ставром Смелым. Воевода Видбор – мой дядя. А ты...

– Ходок? – переспросил Крев.

Парень кивнул.

– Да. Ходок в места погиблые. А это... – Он обвел широким жестом троих своих спутников. – ...Мои ведомые. Люди, которых я привел сюда за чудными вещами. А кто ты такой, добрый человек?

– Ты назвал меня добрым человеком?

– Да.

Крев усмехнулся. Затем огляделся и спросил:

– Далеко отсюда до города?

Странники, сидевшие у костра, изумленно переглянулись, а их предводитель, назвавший себя ходоком, ответил:

– Далеко.

Крев поскреб пальцами поросшую русой щетиною щеку и, нахмурившись, сказал:

– По дороге к вам на меня напали какие-то сумасшедшие. Я снес одному голову, но он продолжал цепляться за меня. – Крев передернул плечами. – Должно быть, я слишком устал и бредил наяву.

Сплюнув себе под ноги, он достал из кармана плоскую флягу, свинтил крышку и приложился к горлышку. Отхлебнул он торопливо, и вода полилась по подбородку.

Трое «ведомых», сидевшие у костра, испуганно о чем-то зашептались. А ходок Ставр хмуро спросил:

– Где ты взял эту воду, странник?

– Набрал в роднике, – последовал ответ. – А что?

– В Гиблом месте ничего нельзя пить и есть.

– Правда? Ну, теперь уже поздно об этом говорить. – Крев небрежно вытер рукавом рот и сказал: – Если вы направляетесь в город, я пойду с вами. А если у вас есть еда, я готов за нее...

Договорить он не успел. Наверху послышался странный шум – словно огромные знамена забились на резком ветру. В правой части неба звезды вдруг исчезли, и Крев не сразу понял, что мгла, поглотившая звезды, имеет контур огромной птицы.

– Спуржун! – завопил сидевший у костра толстяк.

Ходок Ставр молниеносно подхватил с земли лук и быстро вложил стрелу на тетиву. Стрела сорвалась с тетивы и со свистом ушла в небо.

Дальнейшее произошло так быстро, что Крев не успел ничего предпринять. Огромная птица спикировала на него с неба и вцепилась ему в заплечную сумку острыми когтями. Метров пять проклятая тварь волокла его ногами по земле, а затем сорвала с его спины сумку и устремилась с ней вверх.

Ставр пустил ей вслед еще одну стрелу, но снова промазал – стрелок он явно был неважный.

Упав на землю, Крев тут же вскочил на ноги, выхватил из чехла выжигатель, направил его на улетающее чудовище и нажал на спуск.

Огненная стрела, стремительно вырвавшись из дула выжигателя, прочертила в черном воздухе пылающую дорожку и ударила птицу в огромную голову. Чудовище оглушительно вскрикнуло и выронило сумку, а затем, тяжело замахав крыльями, спикировало вниз и рухнуло на землю за черной стеной деревьев.

Крев перевел дух и взглянул на Ставра.

– Что это было? – напряженным голосом спросил он.

– Спуржун-птица, – ответил ходок. – Тебе повезло, что она схватила твою суму, а не тебя.

Крев натянуто улыбнулся.

– Да, – хрипло произнес он. – Мне и впрямь повезло.

Он взглянул на сумку. Сумка лежала метрах в пятнадцати от того места, где стоял Крев, посреди голого, довольно большого участка земли. Слава богам, крылатое чудовище не успело унести ее далеко.

Крев облегченно вздохнул и двинулся к сумке, но молодой ходок внезапно встал у него на пути.

– Что такое? – удивленно нахмурился Крев.

– Эта голая пустошь – голодная прогалина, – ответил Ставр. – Если ты ступишь на нее, она объест тебе ноги.

Несколько секунд Крев смотрел в глаза парню, пытаясь определить, шутит тот или нет, затем усмехнулся и сказал:

– Мне-то казалось, что это я – сумасшедший. – Он повернулся к белокурому юнцу, сидевшему ближе всех к костру, и приказал: – Ты! Иди туда и принеси мне сумку!

Даже при свете костра было видно, как сильно побледнел юнец. Он качнул головой и проговорил дрогнувшим голосом:

– Нет.

– Нет?

– Нет, – снова повторил юнец. – Прошу тебя, странник, не заставляй меня идти туда.

Крев прищурил глаза и облизнул губы. Эти перепуганные бродяги, которые наделали в

штаны от одного вида огромной птицы, отказывались подчиняться ему. Что ж, придется преподавать им урок.

Он поднял выжигатель, наставил его на неповоротливого старого пса, стоявшего у ног юнца, и нажал на спусковую панель. Пес грузно, как мешок с мукой, упал набок.

Юнец вскрикнул, схватил пса за шкуру и тряхнул его. Но пес остался неподвижен. Юнец поднял взгляд на Крева и испуганно спросил:

– Он мертв?

Крев натянуто усмехнулся и ответил:

– Мертвее жареного бекона.

Юнец зарыдал, а Ставр нахмурился и глухо проговорил:

– Зачем ты убил собаку, странник?

Крев заметил, как пальцы парня скользнули к поясу. Он быстро направил на него выжигатель и холодно произнес:

– Убери руку с оружия, ходок.

Ставр нехотя подчинился.

– Мы не сможем достать твою суму, – угрюмо пояснил он. – Любой, кто попробует до нее добраться, погибнет.

– Уверен, что толстяк справится, – жестко проговорил Крев и навел выжигатель на перепуганного увальня. – Давай, толстяк! Считаю до трех! Раз!.. Два!..

Толстяк с испуганным и растерянным видом поднялся с бревна.

– погоди! – остановил его ходок.

Он подошел к вороху толстого валежника, заготовленного для костра, поднял его, подошел к краю прогалины и одну за другой пошвырял палки в грязь.

– Старайся идти по палкам, – сказал он.

Толстяк кивнул и, опасливо косясь на выжигатель, двинулся вперед. Все затихли, напряженно следя за его передвижением. Шаг. Еще один. И еще. Грязь дрогнула у него под ногами и слегка забурлила. Черный блестящий язык быстро поднялся из прогалины и лизнул сапог толстяка, словно пробовал его на вкус.

И тут нервы толстяка сдали – вскрикнув, он повернулся и бросился обратно, однако движения бедолаги были столь неуклюжими, что он тут же поскользнулся на ветке и рухнул в грязь животом и лицом.

Черная, жирная жижа мигом вползла ему на открытые участки кожи и принялась с чавканьем пожирать их. Толстяк закричал от ужаса и боли и попытался встать, но грязь, впившись ему в лицо и шею, как огромная пиявка, потащила его обратно.

Ставр, прорывав какое-то ругательство, хотел броситься ему на помощь, но Крев наставил на него выжигатель и коротко приказал:

– Стоять!

Затем снова глянул на толстяка. Тот уже не кричал. Тело его оплыло и смешалось с грязью. Еще несколько секунд – и грязь растворила его, подобно кислоте.

Крев повернул к угрюмо молчащим странникам свое бледное лицо и спросил:

– Вы тоже это видели?

– Да, – глухо ответил ходок, с ненавистью глядя на него и сжимая кулаки.

Крев вытер рукавом камзола испарину, выступившую на лбу, и с облегчением произнес:

– Хорошо. Значит, я не сумасшедший. А теперь объясните мне, какого дьявола здесь происходит? Но имейте в виду: если ваше объяснение мне не понравится, я вышибу вам мозги.

Несколько секунд все молчали, затем Ставр разомкнул плотно сжатые губы и, яростно сверкая глазами, изрек:

– Ты в Гиблом месте, бродяга.

Крев облизнул губы. Бродягой его еще никто никогда не называл.

– И что? – спросил он. – Здешняя грязь – не грязь?

Ходок снова разомкнул губы – казалось, с еще большим усилием, чем прежде, и ответил:

– В Гиблом месте все не то, чем кажется, бродяга.

Крев сдвинул брови и гневно пообещал:

– Еще раз назовешь меня бродягой, и я...

И вдруг слова застряли у него в глотке. В глазах у Крева потемнело, а голову пронзила острая боль, словно ему протащили сквозь виски раскаленную проволоку. Крев сжал зубы и быстро и хрипло задышал. Выжигатель выпал из его разжавшихся пальцев в траву, а он этого даже не заметил.

– Что... – хрипло пробормотал Крев, сцепив зубы от боли. – Что со мной?

– Ты выпил воду из родника, – холодно пояснил ходок.

Новый приступ боли выдавил из утробы Крева глухой, долгий стон. Странники вскочили с бревен и стали пятиться от костра, с ужасом глядя на его голову. Крев поднял к вискам трясущиеся руки и оцупал свой череп. Черепная кость пульсировала и разрасталась под пальцами.

– Как это прекратить? – с ужасом прохрипел Крев.

– Это уже не прекратишь, – отчеканил ходок.

Новый приступ нестерпимой боли заставил Крева упасть на колени и хрипло застонать.

– Бежим! – крикнул Ставр.

Он подхватил с земли сумку с провизией и амулетами, повернулся и первым бросился во тьму, указывая своим спутникам дорогу. Белокурый юноша и долговязый мужик побежали за ним.

За спинами у них послышался отчаянный крик, переросший в жуткий рев, который не мог принадлежать ни человеку, ни зверю. А затем что-то быстрое настигло их. Долговязый странник взвился в воздух, пролетел две сажени и упал животом на груды сухих веток, пронзивших его тело.

Юноша ускорил бег, но голова его вдруг на полном ходу с хрустом повернулась в обратную сторону. Он пробежал по инерции еще несколько шагов и упал на землю замертво с нелепо вывернутой головой.

Потеряв своих ведомых, молодой ходок остановился, выхватил из ножен меч и резко повернулся навстречу преследующему его кошмару.

– Давай, тварь! – крикнул он полным отчаяния и решимости голосом. – Давай!

Что-то темное понеслось из мрака к Ставру, оледенив ему лицо дуновением ветра.

– Бог Хорс, помоги мне! – прокричал ходок и, сцепив зубы, бросился навстречу темной твари.

Однако не успел он пробежать и двух шагов, как сильный удар сбил его с ног. Ставр упал на землю и хотел снова вскочить на ноги, но вдруг увидел рядом с собой высокую фигуру, закутанную в плащ. Полы плаща незнакомца развевались на ветру, словно крылья, а в руке он сжимал меч.

– В сторону! – рявкнул незнакомец.

Голос показался Ставру знакомым, но он не стал вспоминать, где его слышал, а просто откатился в сторону.

Незнакомец в развевающемся плаще шагнул вперед, к высоченной двухсотлетней пихте, и ударил мечом по нижней ветке. В то же мгновение наверху что-то ухнуло, и огромные сосновые бревна обрушились вниз, прямо на голову выпрыгнувшей из чащобы твари.

Чудовище взревело от боли и заскрежетало лапами, пытаясь вырваться из западни, но безрезультатно. Ловушка из тесаных бревен прочно придавила его к земле.

Ставр перевел дух, изумленно взглянул на незнакомца и хрипло спросил:

– Кто ты?

– Меня зовут Глеб – Я охотник, – ответил тот.

– Это твоя ловушка?

– Да.
– Тварь, которая в нее попалась...
– Да, я знаю, – кивнул незнакомец. – Если тебе надоело лежать, ты можешь встать и посмотреть на эту тварь вместе со мной.
Незнакомец с лязгом вложил меч в ножны, затем сделал рукой неуловимое движение, и в ней появился странный предмет, похожий на обрубленный посох.
– Что это? – недоуменно спросил Ставр, поднимаясь с земли.
– Ольстра, – коротко ответил незнакомец. – Держись у меня за спиной, ходок.
И он первым шагнул к придавленному бревнами чудовищу.

2

Шумен и весел был Порочный град, созданный когда-то купцом Бавой Прибытком. От самого Бавы давно уж остались рожки да ножки, а творение его жило и процветало. Княжеством в княжестве называли его иные острословы и были правы.

В Порочном граде было разрешено все то, что запрещалось на прочих просторах княжества. Здесь можно было бражничать, развратничать, драться и смотреть на драки, а еще делать ставки на темных тварей, сражающихся на деревянном помосте Большого Кружала.

Одна беда – располагался Порочный град почти у самой границы Гиблого места, и порою твари прорывались сюда по ночам, чтобы задрать пару-тройку бедолаг, не успевших добежать до ближайшего поста охоронцев. Но это не останавливало желающих развлечься и позабыть о тяготах обычной жизни. Призрак смертельной опасности, парящий над Порочным местом, придавал всем развлечениям какой-то отчаянный и болезненно разудалый вид.

Остановив телегу у Большого Кружала, охотник Глеб неторопливо огляделся и сказал:

– Вижу, жизнь в Порочном граде бьет ключом. Кто здесь всем заправляет?

– Раньше был купец Бава Прибыток, – ответил Ставр, – но потом он умер, и теперь главный здесь Крысун Скоробогат. Знаешь его?

Охотник усмехнулся и холодно проговорил:

– Да уж, слышан.

Ставр улыбнулся.

– При Крысуне Порочный град расцвел. В кружалах не переводятся посетители. Все пьют и веселятся до упаду...

Не успел Ставр закончить фразу, как дверь кружала запахнулась, и на улицу вылетел человек. Шмякнувшись на землю, он блаженно улыбнулся и затих.

Охотник посмотрел него, перевел взгляд на ходока и невозмутимо осведомился:

– Здесь все еще подают водку?

Ставр кивнул:

– Да. Бава Прибыток завещал Крысуну водочный секрет. Видел бы ты, охотник, какие бои здесь устраивает Крысун! На прошлой неделе он выставил против двух оборотней одного огромного волколака. Что это была за битва! – Ставр вздохнул: – Я и сам сделал ставку, но проиграл.

– На кого же ты поставил?

– На оборотней. Но волколак разорвал их раньше, чем я успел допить свою брагу.

– А как насчет срамных домов? В них по-прежнему можно развлечься с девкой-упырихой или волколачихой?

Ставр потемнел лицом и хмуро обронил:

– Я таким срамом не занимаюсь.

Охотник усмехнулся.

– Значит, я связался с правильным парнем.

Он пружинисто спрыгнул с телеги и небрежно набросил поводья на коновязь. Затем повернулся к молодому ходоку и сказал:

– Ставр, ступай к Крысуну и расскажи ему про тварь, которую мы привезли. Парень нахмурился и покачал кудлатой русой головой:
– Нет, Глеб. Это твоя добыча. Тебе и идти.
– Мы поймали эту тварь вдвоем, – возразил Глеб. – И потом, я простой охотник. Крысун не станет со мной говорить. И даже не пустит меня к себе на порог.

Ставр подумал и кивнул:

– Да, ты прав. Но из денег, которые заплатит мне Крысун, две трети – твои.

– Это как ты скажешь, – смиренно ответил охотник.

Ходок оправил одежду, проверил, крепко ли держатся на поясе ножны, затем нахмурился и зашагал к кружалу. Охотник, чуть прищурившись, посмотрел ему вслед. Он видел, что Ставр волнуется. Должно быть, парню еще не приходилось предлагать Крысуну Скоробогату по-настоящему крупную и ценную тварь. Охотник усмехнулся: ничего, со временем и это станет обычным делом.

По-прежнему не снимая капюшона, охотник сложил руки на груди и глубоко о чем-то задумался. Вышел из своей задумчивости он лишь тогда, когда дверь кружала снова широко распахнулась, выпустив наружу громкую музыку и гул голосов, а помимо того – Ставра и шестерых сопровождающих его охоронцев.

Все шестеро были рослые и широкоплечие. Даже далеко не хилый Ставр на их фоне выглядел почти подростком.

– Ну? – спросил начальник охоронцев, угрюмо оглядывая двор, уставленный телегами. – И где тут ваша тварь?

– Вон в той телеге, – указал Ставр.

Охоронцы подошли к телеге, скользнули взглядами по рогоже, которой было накрыто связанное чудовище, затем подозрительно воззрились на охотника.

– Кто твой спутник? – поинтересовался у Ставра начальник охоронцев.

– Охотник-промысловик. Он и помог мне поймать эту тварь. Глеб, это начальник охоронцев – Избор.

Охотник кивнул начальнику. Тот прищурил недобрые глаза и поинтересовался:

– Ты всегда скрываешь свое лицо под наголовником, охотник?

Охотник покачал головой.

– Нет.

– Отчего же сейчас не откроешь?

– Две седмицы назад я встретился у водопоя с медведем, – спокойно и вежливо объяснил охотник. – Он искалечил мне лицо.

– Вот как? – Начальник Избор мрачно усмехнулся. – Я слышал, с охотниками такое случается. Но что, если мы захотим рассмотреть тебя получше?

Охоронцы, угрюмо глядя на охотника, положили пальцы на рукояти своих мечей.

– Прости, но я не позволю вам этого сделать, – спокойно заявил Глеб.

Несколько мгновений все молчали. Неизвестно, что произвело на начальника Избора большее впечатление – спокойный голос охотника или его благородные, гордые манеры, но неожиданно начальник отступил.

– Ладно, – примирительно произнес он. – Не хочешь показывать лицо, не надо. Ждан, Липа, Ивач! Гляньте, что там за тварь!

Трое охоронцев отделились от группы и шагнули к телеге.

– Будьте осторожны с этой тварью, – спокойно посоветовал охотник. – И не вздумайте прикасаться к веревкам. Эта тварь намного сильнее и опаснее волколака.

Начальник Избор жестом остановил своих людей и двинулся к телеге сам. Подошел, взялся сильными пальцами за край рогожи и приподнял ее. Тварь, лежащая под рогожей, тихо зарычала. Начальник Избор опустил рогожу и тихо проговорил:

– В жизни не видел твари ужаснее. Откуда она взялась?

– Полагаю, оттуда же, откуда и остальные, – ответил охотник.

– И как вы сумели ее поймать? У вас есть какие-то секреты?

Охотник едва заметно усмехнулся и проронил:

– Думаю, нам просто повезло.

Избор глянул на Ставра хмурым взглядом и сказал:

– Мы забираем тварь вместе с телегой.

Глаза молодого ходока взволнованно блеснули.

– Да, но...

Начальник Избор снял с пояса кожаный кошель и протянул его Ставру.

– Держи. Этого хватит на двадцать телег. Ждан, бери лошадь под уздцы и веди ее на конюшню!

Охоронец кивнул и двинулся к лошадке.

Не попрощавшись со Ставром и Глебом, охоронцы повернулись и зашагали к конюшне. Вскоре они свернули за угол и скрылись из вида вместе со своей добычей.

Ставр хмуро посмотрел им вслед, затем перевел взгляд на кошель с деньгами и о чем-то задумался. Охотник распрямил плечи и слегка размял шею.

– Что ж, сделка совершена, – сказал он. Затем покосился на задумчивое лицо парня и спросил: – Ты, кажется, чем-то недоволен, Ставр?

Молодой ходок вздохнул.

– Да вот все думаю: правильно ли мы поступили?

– Что тебя смущает?

– Эта тварь совсем недавно была человеком.

– Вот как? И тебе нравился этот человек?

Ставр покачал головой:

– Нет. Он убил толстяка Кочебора и собаку мальчишки Люта.

– На твой взгляд, он заслуживает смерти?

– Думаю, да.

– Тогда не забивай себе больше этим голову.

Охотник хотел отвернуться, но вдруг увидел в окне второго этажа человека. Окно было сделано из настоящего стекла и наверняка стоило дороже, чем десять самых матерых темных тварей.

Человек был одет в красный плащ, подбитый каракулем и расшитый золотыми нитями. В худых, длинных пальцах, усыпанных перстнями, он держал серебряный кубок. Увидев, что охотник смотрит на него, человек у окна скривил губы и холодно что-то проговорил. Охотник разобрал его слова по движениям губ, и слова эти были: «Чего уставился, смерд?»

Охотник отвел взгляд от окна.

– Открой кошель и пересчитай деньги, – велел он молодому ходоку.

Ставр кивнул, ослабил тесьму кожаного кошель и вывалил его содержимое на ладонь. Охотник шагнул к нему и торопливо прикрыл монеты рукою.

– Быстро спрячь их обратно в кошель, – приказал он.

Ставр удивленно уставился на охотника.

– Почему?

– Никогда не показывай, сколько у тебя денег. Вокруг полно проигравшихся пьяниц. Любой из них, не раздумывая, перережет тебе глотку, если узнает, что ты при деньгах.

Молодой ходок тревожно огляделся и спрятал кошель в сумку-ташку, притороченную к поясу.

– Я успел сосчитать монеты, – сказал он затем. – Там десять серебряных абассидских дирхемов. Семь из них твои, Глеб.

Охотник покачал головой:

– Нет. Мне хватит и пяти.

– Но...

– Не возражай.

Ставр вновь потянулся к кошель, но Глеб жестом остановил его.

– Не сейчас. Отдашь после.

Ставр взглянул на него удивленно.

– Ты доверяешь мне?

– Да, – кивнул охотник.

Ставр озадаченно и неуверенно нахмурился. Похоже, ему еще никогда не приходилось сталкиваться с таким благородством.

– Могу я еще чем-нибудь угодить тебе, охотник? – спросил он.

Глеб кивнул:

– Можешь. Ты знаешь, где живет кузнец Вакар?

– Кузнец Вакар? Конечно. Это все знают.

– Можешь отвести меня к нему?

– Я сделаю это с радостью, охотник. – Ставр покосился на двери кружала. – Но... не хочешь ли ты для начала немного развлечься, Глеб? В Порочном граде много заманчивых мест.

Охотник задумался. Было видно, что предложение Ставра не пришлось ему по душе, но он не мог подыскать убедительной причины для отказа. Заметив его колебания, Ставр смирился.

– Хорошо, я отведу тебя к кузнецу прямо сейчас. Но позволь мне купить в дорогу кувшин хмельного олуca. После долгих скитаний у меня совсем пересохло в горле.

– Хорошо, – с явным облегчением кивнул охотник. – Я подожду тебя здесь.

Ставр поправил на поясе ножны и зашагал к двери кружала, над мощными дверями которой были прибиты четыре огромных бычьих черепа. Когда он скрылся в кружале, охотник положил пальцы на рукоять меча и незаметно огляделся. Было видно, что его что-то беспокоит, но что именно – он, пожалуй, и сам не может пока понять.

Прошло две минуты, и вдруг в кружале послышался шум. Охотник насторожился, затем с досадой выругался и бросился бегом к кружалу.

Распахнув дверь, он нырнул в шумный хмельной мир питейного дома и растворился в нем, а через полминуты дверь снова с шумом распахнулась и двое испачканных кровью мужчин выскочили наружу.

– К коновязи! – крикнул охотник. – Быстро!

Двое охоронцев бросились им навстречу с обнаженными мечами. Первого Глеб сбил с ног ударом кулака в челюсть, а второго перебросил через себя и швырнул на землю, как мешок с пшеном.

Пока охоронцы приходили в себя, Ставр и охотник отвязали коней, вскочили на них и поскакали прочь от кружала.

3

Озар Сноп, выбившийся в люди из простых целовальников, был мужиком умным и дальновидным. После встречи с гофским путешественником Карлом Ясманом Озар повесил над дверью своего кружала, расположенного на западной окраине Хлынь-града, большую доску с надписью не чертами и резами, а настоящими рунами, гласящую: «Таверна «Три бурундука».

На этом лукавый здоровяк Озар не остановился и объявил свое кружало «семейным местом», прямо заявив о том, что отныне будет пускать в особый зал баб и детей от десяти годков, которые смогут пить в его кружале сладкий сбитень и квас, сколько их душеньки пожелают. Мужики отнеслись к выдумке Озара спокойно. Бабы сюда все равно не ходили – и не потому, что запрещали мужья, а потому что им было попросту некогда. А про детей и говорить не приходится.

Однако особый зал за деревянной перегородкой Озар держал нетронутым и мужиков сюда не пускал, надеясь, что со временем все переменится, и его «таверна» и впрямь станет «семейным местом». И вскоре дело потихоньку пошло на лад. В кружало стали заглядывать бабы. В основном это были приезжие купчихи, которые заходили к Озару попить сбитня,

киселя или сладкого кваса и поест пирожков.

Вот и сегодня в особый зал «Трех бурундуков» заглянула посетительница. Да не одна, а с ребенком! Посетительницу сию Озар знал давно. Странная она была баба, эта матушка Евдокия. Четыре года назад, переодевшись в мужское платье, отправилась в путешествие по западным королевствам, пробыла там два года, а вернувшись, объявила родичам, что теперь она христианка, и не просто христианка, а божий пастырь.

Благо бы просто болтала, так ведь нет – и впрямь принялась проповедовать. Целыми днями приобщала хлынцев к учению своего плачущего бога – сперва в пещере за оврагом, но с месяц назад начала строить настоящий деревянный храм.

Озар не доверял плачущему богу, но пару раз приходил на проповеди к Евдокии – но для того лишь, чтобы вновь увидеть ее взволнованное лицо, впитать мягкий свет ее ясных глаз. Красивая была баба Евдокия, что и говорить. Озар знал, что к ней подбивали клинья многие купцы да зажиточные мужики, но Евдокия всем им дала от ворот поворот.

Одета она всегда была в черное и голову накрывала черным платком, но однажды Озар увидел выбившийся из-под платка каштановый локон, и локон этот был такой чудной густоты и красоты, что даже Озар почувствовал внизу живота позыв вожделения, хотя ему уже шел шестой десяток.

Мальчишка, пришедший в кружало с проповедницей Евдокией, был худеньким и бледным. Темноволосый, хмурый, молчаливый, на вид – лет одиннадцати-двенадцати. Озар усадил гостей за стол, забросил рушник на могучее плечо и сказал:

– Сегодня у нас шумно, Евдокия. Уж не обессудь.

– Ничего, – спокойно ответила проповедница, скосив глаза на толпу мужиков, пьянствующих в большом зале. – Подай нам сладкого сбитня. Мне с имбирем, а мальчику – с мятой.

Озар кивнул и хотел идти, но остановился и спросил мальчика, глянув на него мягким, ласковым взглядом:

– Принести тебе петушка, малой?

Мальчик ничего не ответил и даже не взглянул на Озара.

– Он не разговаривает, – сказала Евдокия.

– Совсем? – удивился Озар.

Проповедница кивнула.

– Совсем.

– Гм... – проронил хозяин таверны и, сдвинув брови, отправился к дубовой стойке, за которой вершил все свои питейные и съестные дела.

Поставив перед Евдокией и мальчиком по кружке со сбитнем, Озар любопытствовал:

– Евдокия, этот малец – твой родич?

– Нет, – ответила матушка. – Он мне не родня.

– Откуда ж он взялся?

– Прибился к нашей общине четыре месяца назад.

Озар вновь взглянул на мальчика. Тот пил сбитень, держа большую кружку двумя руками, и, казалось, не слышал, что говорят о нем.

Щеки его были бледны и совсем не тронуты загаром, лицо – худое и тонкое, а кожа – нежная и чистая, словно у девочки.

– Откуда же он мог взяться? – недоуменно проговорил хозяин таверны.

Евдокия отпила сбитня и ответила:

– Он пришел из страны, которая находится за Гиблым местом.

На лице Озара появилось изумление.

– Но ведь за Гиблым местом ничего нет, – возразил он. – Там конец земли. Черный, бушующий океан, над которым летают незримые духи.

Евдокия едва заметно усмехнулась.

– Господь не терпит пустоты, Озар. Я думаю, что за Гиблым местом находятся земли, которые нам еще предстоит изведать.

Озар вдруг наморщил лоб и, недоверчиво глянув на Евдокию, проговорил:

– А ты ведь сказала, что мальчик не разговаривает. Откуда ж ты знаешь про неизведанные земли?

– Порою мальчик бредит во сне, – ответила матушка Евдокия. – Иногда он говорит столь жуткие вещи, что я никому не возьмусь их пересказать.

Хозяин таверны посмотрел на мальчишку, пьющего сбитень, задумчивым взглядом.

– И как же он оказался здесь?

Матушка Евдокия тоже посмотрела на мальчика и вздохнула.

– Точно не знаю. Из того, что он говорил во сне, я поняла, что пришел он сюда пешком. Шел долго, видел по пути много страшного. Когда я нашла его, он был тощ, как сухая ветка, и едва держался на ногах от усталости и голода. При себе у него был только корень золотника и пучок рысьей травы. Как я поняла, когда мальчик хотел есть, он жевал траву и облизывал этот корешок. Думаю, золотник отпугнул от него оборотней.

– Про золотник я знаю, – кивнул Озар. – А как насчет упырей? Упыри не боятся золотника.

Евдокия рассеянно улыбнулась.

– На этот вопрос я не могу ответить, Озар. Знаю одно: Господь для чего-то уберег этого мальчика.

Мужики в большом зале заржали.

– Эй, матушка! – крикнул один из них. – Не хочешь оседлать моего конька?

Евдокия даже не взглянула в их сторону.

– Охолони! – рявкнул на мужика Озар. – Ты в моем кружале!

– А ты на меня на гаркай! – отозвался мужик. – А то не посмотрю, что ты тут хозяин!

Он что-то сказал своим собутыльникам, и те снова загоготали.

– Тьфу ты, – сплюнул Озар с досадой. – Совсем распаскудился народец.

– Они нездешние, – сказала Евдокия. – Ты их знаешь?

Озар кивнул:

– Да. Это люди Крысуна Скоробогата.

– А что они делают в Хлынь-граде?

– Набирают новых парней в войнство Крысуна. – Озар невесело усмехнулся и добавил: – Скоро его войско станет больше, чем у самого князя.

Евдокия сдвинула соболи брови и сказала:

– Это неправильно.

– Конечно, неправильно. Но что тут сделаешь? Князь после войны слаб, да и казна его тоща. У кого деньги, у того и власть.

– Эй, матушка! – снова крикнул мужик. – Так что насчет моего конька-буранка? Может, взглянешь?

Евдокия сверкнула в его сторону глазами и грозно ответила:

– Только сунься ко мне со своим коньком! Враз его лишишься!

– Ты же христианка! – крикнул кто-то из мужиков. – Разве христианам положено убивать людей? А как же добро, которое ты должна нести людям?

– У моего Добра есть кулаки и зубы, – ответила матушка, глядя на бугая пылающими глазами. – И не советую тебе испытывать их крепость.

Мужик снова что-то крикнул в ответ, но звук его голоса потонул в скрипе дверных петель. В кружало вошел новый посетитель. Это был высокий, широкоплечий, огненно-рыжий мужчина. Он был перепачкан грязью, но не из-за неряшливости, а от долгой дороги.

Подойдя к стойке, незнакомец метнул взгляд на Озара и хрипло спросил:

– Что это за деревня?

– Это город, – ответил Озар, с угрюмым удивлением разглядывая оборванца.

Рыжий незнакомец облизнул губы.

– И что это за город? – спросил он своим хриловатым, усталым голосом.

– Хлынь, – ответил Озар, заходя за стойку.

– Хлынь, – повторил незнакомец и наморщил лоб. – Никогда о таком не слышал.

– Налить тебе чего-нибудь, странник?

– Да. Воду.

– Эй, оборванец! – крикнул один из бражничающих мужиков. – Здесь бродягам не наливают!

– Поди напейся жижицы из оврага, кукомоя потная! – поддержал его другой.

Мужики захохотали. Рыжий скользнул по ним взглядом и снова повернулся к Озару. Тот уже наполнял водою глиняную кружку.

– Эй, оборванец! – снова крикнул кто-то их бражников, но на этот раз грозно и без всякой насмешки. – Чеши из кружала, пока мы тебе башку не оторвали!

Рыжий, не обращая внимания на окрик, взял протянутую Озаром кружку и принялся с жадностью пить воду. Озар встретился взглядом с матушкой Евдокией, нахмурился и пожал плечами.

– Оборванец! – снова крикнул кто-то из бражников. – Ты что, оглох? Ежель так, то я тебе мигом уши прочищу!

– Верно! – поддержал другой. – Эй, оборванец, меня от одного твоего вида мутит и выворачивает! А ну – прочь отсюда!

Озар взглянул на бражников недовольным взглядом и примирительно проговорил:

– Чего вы разошлись, мужики? Не видите – человек с дороги.

– Заткни хлебало, Озар! – рявкнул бражник-верховод. – Мы не желаем бражничать под одной крышей с этим отребьем!

– И ежели ты сам не желаешь его выставить, то мы сделаем это за тебя! – гаркнул другой. – А ну, ребята, пошли!

Трое из десяти бражников, пьянствующих за длинным дубовым столом, поднялись, засучивая на ходу рукава дорогих, расшитых цветными нитями рубах, двинулись к стойке.

– Слышь, парень, – тихо проговорил Озар незнакомцу. – Ты прости, но лучше тебе уйти. Это люди Крысуна Скоробогата, и шутить они не будут.

Рыжий незнакомец поставил на стойку опустевшую кружку, вытер рукавом драной рубахи рот и повернулся к бражникам. Те стремительно приближались. Они, по всей вероятности, рассчитывали, что парень бросится вон из кружала, но его спокойствие сбило их с толку и окончательно вывело из себя.

– Ну, держись, бродяга! – рявкнул один и выхватил из ножен меч.

Его примеру тут же последовал второй, а секунду спустя и третий выхватил свой меч из ножен. Рыжего незнакомца, однако, это ничуть не напугало. Спокойно и неторопливо достал он из хлипких тряпичных ножен, висевших на боку, какую-то черную корягу, похожую на обломок посоха, и наставил ее на рассвирепевших бражников.

Затем, все так же спокойно и неспешно, надавил большим пальцем на небольшую выпуклость на боку посоха. И тут что-то случилось. Три белых всполоха ярко сверкнули в хмельном, темном воздухе кружала, и все три бражника повалились на пол, превратившись в обугленные головешки и не издав ни звука, – лишь их мечи лязгнули об дубовые доски пола.

– Все на пол! – крикнул рыжий незнакомец. – Быстро!

Бражники, сидевшие за столом, посыпались на пол, закрывая головы ладонями и бормоча заклинания-обереги против злых духов.

Рыжий незнакомец покосился на Озара и спросил:

– Сколько я должен тебе за воду, здоровяк?

– Ты ничего мне не должен, – проговорил Озар костяным голосом.

Незнакомец усмехнулся:

– Я так и думал. Прости, что намусорил у тебя в заведении. Убирать не стану.

Рыжий повернулся к двери, чтобы идти, но тут Озар не выдержал и спросил:

– Ты чародей?

Оборванец остановился, взглянул на Озара холодным, насмешливым взглядом и сказал:

– Я-то? Пожалуй, да. А что, чародеи у вас тут часто встречаются?

Озар покачал головой:

– Нет. Ты второй чародей, которого я вижу воочию.

Рыжий усмехнулся и хотел что-то сказать, но тут взгляд его наткнулся на женщину, одетую в черное, сидевшую в нише за толстыми дубовыми стойками, и прикрывшую ладонью глаза маленькому темноволосому мальчику.

– Эй, ты! – окликнул он женщину. – Как тебя зовут?

– Евдокия, – ответила женщина.

Лицо его было сурово и напряжено. Рыжий незнакомец усмехнулся и сказал:

– А меня Рах. Ты не бойся, обычно я смирный. – Он перевел взгляд на мальчика. – Это твой сын?

– Да, – ответила Евдокия.

– Ясно. – Рах обежал взглядом стройную, высокогрудую фигуру Евдокии и дернул уголками губ. – А ты красивая, – сказал он вдруг. – Но черный платок тебе не идет. Хочешь пойти со мной?

Проповедница побледнела и разомкнула губы, чтобы ответить, но тут мальчик оторвал от своих глаз ее ладонь и уставился на рыжего Раха. Рах встретился с мальчишкой взглядом и вдруг замер с открытым ртом.

Несколько мгновений мальчик и рыжий незнакомец смотрели друг другу в глаза, и вдруг рыжий стал тихо пятиться и испуганно вжимать голову в плечи, словно увидел перед собой не мальчика, а ужасное чудовище.

Рука рыжего дрогнула, и он вновь потянулся за своим черным посохом. Озар уловил его движение, нахмурился и вдруг одним тяжелым прыжком перемахнул через стойку, с грохотом приземлился на половицы и быстро обхватил рыжего чародея сзади, не позволив ему достать посох.

– Бегите! – крикнул он Евдокии.

Проповедница вскочила с лавки, схватила мальчишку за руку и бросилась к двери. Рыжий чародей бился и чертыхался в медвежьих объятьях Озара, но тот держал крепко. Бражники продолжали лежать на полу и бормотать заклинания, с ужасом поглядывая на обугленные останки своих собутыльников.

Евдокия распахнула тяжелую дверь и выбежала с мальчишкой на улицу. Кружало за ее спиной наполнилось грохотом и криками боли и ужаса.

Проповедница подхватила мальчишку на руки и швырнула его в крытую сеном и рогожей телегу, на которой восседал сонный мужик в дырявой шапке. Мужик вздрогнул и с изумлением воззрился на Евдокию.

– Матушка, что...

– Гони, Матвей! – крикнула Евдокия и запрыгнула вслед за мальчиком на телегу. – Гони же!

От ее ужасного крика сонливость разом слетела с опухших век Матвея. Встрепенувшись, он яростно хлестнул лошадку по крупу и завопил:

– Н-но, пошла!

Лошадка встрепенулась так же, как возчик, и, резко взяв с места, суетливо зацокала копытами по утопанной земле, стремительно покотив телегу на большак.

– Пошла! – подгонял лошадку Матвей. – Пошла, доходяга!

Телега выскочила на большак и, подняв серые облака пыли, стала быстро удаляться.

Из кружала выскочил рыжий оборванец. Одежда его была залита кровью, а глаза дико вращались. Он наставил на уезжающую телегу свой посох и подвинул палец к выпуклости на его боку, но затем вдруг передумал и убрал палец. Пристально посмотрев вслед уезжающей телеге, он опустил свой смертоносный амулет и с усмешкой проговорил:

– Еще увидимся, щенок.

Затем сплюнул себе под ноги, повернулся и снова зашагал к кружалу.

Войдя в кружало, рыжий чародей застал все ту же картину – перепуганные охоронцы

лежали на полу, прикрыв головы руками, а Озар за стойкой, сдвинув брови, мрачно таращился на дверь.

Подойдя к стойке, рыжий незнакомец остановился и пристально посмотрел Озару в глаза. Затем спросил:

– Ты меня боишься?

– Да, – тихо проговорил Озар.

Рыжий усмехнулся.

– Правильно делаешь. По-хорошему, мне следовало бы тебя убить. Но ты мне нравишься. В отличие от трусливых скотов, прячущихся под столом, ты человек.

Озар молчал. Лицо его было непроницаемо спокойно, но на широком лбу выступила испарина.

– А теперь отвечай, – продолжил рыжий чародей, – ты хочешь, чтобы я сохранил тебе жизнь?

– Да, – тихо пробормотал Озар.

– Я не расслышал.

– Да! Хочу!

На узких губах незнакомца вновь появилась усмешка.

– Молодец, – похвалил он. – Теперь ты закроешь свое заведение на замок, я сяду на лавку, и ты мне подробно обо всем расскажешь.

– О чем я должен тебе рассказать? – тихо спросил Озар.

– Обо всем. Я первый день в этом городе и ничего о нем не знаю. Не хотелось бы попасть впросак. А пока ты не начал, налей-ка мне чего-нибудь выпить.

4

В чисто выметенной горнице с белеными стенами было еще светло, несмотря на то что солнце за окном стремительно заваливалось за черные вершины деревьев.

Матушка Евдокия отложила нож и отрезанный ломоть хлеба, чтобы накрыть мальчика одеялом и заботливо подоткнуть его со всех сторон.

– Чего ты его кутаешь, матушка? – проворчала старая Марфа, сидя с вязаньем на лавке, укрытой стареньким драным кафтаном. – В горнице и так жарко.

– Тебе жарко, а ему, может быть, холодно, – ответила проповедница. Она наклонилась к ребенку, вгляделась в его бледное лицо и тихо проговорила:

– Мальчик. Мальчик, посмотри на меня.

Тот не отозвался и не взглянул на Евдокию. Темные глаза его подернулись туманом рассеянности.

– Мальчик, мальчик, – снова проворчала из своего угла старая Марфа. – Назови его уже как-нибудь, матушка.

Евдокия покачала головой:

– Нет, Марфа. Я не знаю, какое имя ему дали при рождении. Что, если он крещен? Я не язычница, чтобы отваживать злых духов ложными именами.

– Негоже ребенку быть без имени, – упрямо повторила старуха, шевеля спицами. – Раз есть человек, значит, должно быть и имя. Это богоугодно.

Евдокия поморщилась.

– Ах, Марфа, оставь. – Она снова вгляделась в лицо лежащего мальчика, на этот раз еще тревожней, чем прежде. – Что с тобой, милый? Тебе плохо? Скажи мне, что у тебя болит?

– Ничего у него не болит, – проворчала старая Марфа. – Притворяется, чтобы ты дала ему варенья или меду.

– Этот мальчик не любит варенье.

– Все дети любят варенье, – возразила старая Марфа. – А он просто притворяется, что не любит. Только отвернись – вмиг утащит туес.

– Зачем?

– Как зачем? Да из хитрости. Знаю я таких хитрецов. С ними нужно держать ухо востро.

Матушка Евдокия вздохнула и задумчиво взгляделась в лицо мальчишки. Лицо это было спокойно и почти безмятежно. Однако на лбу прорезались тонкие, едва различимые морщинки заботы.

– Хотела бы я знать, о чем он думает, – с тихим вздохом проговорила Евдокия.

Несколько секунд она молчала, затем повернулась к Марфе и сказала:

– Сегодня в «Трех бурундуках» у Озара Снопа мы видели чародея.

Старуха пожала тощими плечами:

– Ничего удивительного. Нынче их много бродит по горам да весям.

– Там были какие-то ратники. Они пристали к нему, и он их убил.

– И это тоже не новость, – равнодушно отозвалась старая Марфа. – В кружалах каждый день кого-нибудь убивают. Не иначе бесы куражатся. Не ходила бы ты туда, матушка.

– Я ведь днем. И сбить у Озара такой вкусный – как тут устоишь?

– Все равно.

Евдокия протянула руку и положила ее на бледный лоб мальчика.

– Странно, – тихо проговорила она. – Жара нет. Марфа!

– Чего еще?

– Нужно звать лекаря Елагу. Побудь с мальчиком, а я съезжу за ним.

– В своем ли ты уме, матушка? Лекарь Елага берет плату серебром и не лечит босяков да голодранцев.

– Мы не босяки, – сказала Евдокия.

Старая Марфа кивнула.

– Точно. Мы голодранцы. Артельщикам, что строят храм, за две седмицы не плачено. Скоро они от тебя уйдут.

– Уйдут – закончим работу сами. У нас большая община.

– Большая? – Марфа усмехнулась. – Два десятка человек, из которых больше половины – бабы да старухи, а оставшиеся – немощные бродяги.

– Господь поможет нам, – сказала Евдокия. – Пригляди за дитем, а я обернусь за полдня.

Проповедница встала со скамьи, поправила платок и зашагала к выходу.

Как только дверь за Евдокией закрылась, старая Марфа преобразилась. Она положила вязание на стол и взглянула на дремлющего мальчика с такой ненавистью, какую даже невозможно было предположить в столь хрупком и морщинистом существе.

– Ну, что, бесенок? – хрипло проговорила Марфа. – Не дал тебе Господь покуражиться? Приковал к постели?

Мальчик молчал, глаза его были по-прежнему закрыты.

– Дьяволово отродье, – проговорила Марфа, сжав тощие пальцы в кулаки. – Нешто думаешь, я не знаю, откуда ты к нам пришел? Это ее ты можешь обманывать, а меня не обманешь.

Мальчик и на этот раз не откликнулся.

– Ничего... – проговорила тогда Марфа, чуть шепелявя подрагивающими губами. – Ничего... Господь поможет мне.

Хрустнув старческими артритными суставами, Марфа тяжело поднялась с кресла и медленно двинулась к кровати, на которой лежал мальчик.

Проходя мимо стола, старуха, не глядя, сгребла с него нож, которым Евдокия резала хлеб, и двинулась дальше.

– Меня не обманешь, – хрипло шептала она. – Я отправлю тебя обратно в ад, бесенок. Пусть твой отец-дьявол прожжет меня молниями, но я успею расправиться с тобой. Господь на моей стороне.

Подойдя к кровати, Марфа остановилась. Пристально взгляделась в бледное лицо

мальчишки, затем обхватила рукоять ножа обеими тощими руками и стала медленно поднимать нож над головой.

– Господи Иисусе, помоги мне расправиться с бесом... – бормотала она дрожащим голосом. – Дай мне силы для битвы... Будь со мной... Я всего лишь орудие в руках твоих...

И тут мальчик открыл глаза. Встретившись с ним взглядом, Марфа затряслась и смертельно побледнела, будто из нее внезапно выпили всю кровь. Тонкие морщинистые губы ее обвисли, нож выпал из разжавшихся пальцев и со стуком упал на пол, а вслед за ним на пол повалилась и сама старуха.

– Господи... – прохрипела она, силясь приподнять голову и скосив выпученные глаза в сторону кровати, на которой лежал мальчик. – Не оставь меня в своей благода...

Слова застряли у Марфы в глотке, глаза закатились под веки, и тощая голова стукнулась об пол.

Глава вторая

1

Матушка Евдокия и лекарь Елага, седой, осанистый, хорошо одетый, вышли из избы на улицу.

– Спасибо тебе, Елага-лекарь, – горестно проговорила Евдокия. – Не думала я, что тебе придется лечить и Марфу.

– Марфу уже не вылечишь, – ответил седовласый лекарь. – После удара она не оправится. Придется тебе искать человека, который будет за ней ухаживать.

– У нас большая община. Найдется кому за ней посмотреть.

– Это хорошо.

Они остановились у богатой, расписной телеги лекаря Елаги. Проповедница сдвинула брови и сказала:

– Мы уже на улице, как ты и хотел. Теперь ты можешь сказать, что за хворь напала на мальчика и чем мне его лечить?

Лекарь тоже нахмурился.

– Мальчику твоему лекари не помогут, – тихо сказал он. – Уж прости.

Лицо матушки Евдокии оцепенело.

– Не понимаю... – рассеянно проговорила она. – О чем это ты толкуешь? Нешто его хворь нельзя лечить? Ты только скажи, чем – а я достану.

– От его хворобы нет лекарства, – сказал Елага. – Не в теле коренится хвороба его, а в душе.

– В душе? – вскинула красивые брови Евдокия. – Хочешь сказать, что его душа больна?

– Больна. Его съедает не паразит и не влага земная, а тоска. Коли до причины той тоски не дознаешься, мальчик зачахнет и умрет.

Матушка Евдокия нахмурилась.

– Елага, – тихо проговорила она, – я слышала, что ты лучший лекарь в Хлынъ-граде. Неужто это все, что ты можешь сказать? Неужто не присоветуешь никакого снадобья?

Елага наморщил лоб.

– Еще раз говорю тебе, Евдокия, против хвори этого мальчика нет снадобий. Я бы мог обмануть тебя и вытянуть из тебя последние деньги, но не стану этого делать.

С полминуты проповедница стояла молча, хмуря брови и о чем-то размышляя, затем достала из кармана платья крохотный кошель и ослабила тесьму.

– Вот. – Она протянула лекарю несколько медных монет.

– Что это? – нахмурился Елага.

– Деньги.

Лекарь покачул головой и сказал:

– Убери это.
– Почему?
– Пять лет назад был я в отъезде, а сын мой заболел. Баба моя побежала к лекарю Сновиду, чтобы тот помог. Но кошель с деньгами был при мне, а она осталась дома без единой медяшки. Сновид отказался помочь, и мой сын умер.
Елага вздохнул и продолжил:
– Мне пора, матушка Евдокия. Запомни, что я тебе сказал, и не требуй от лекаря большего, чем он может сделать. Тут скорее поможет шаман или колдун.
Лекарь двинулся к телеге.
– Погоди, Елага, – окликнула его проповедница.
Лекарь остановился и обернулся.
– Я хотела спросить... Сновид по-прежнему живет с тобой по соседству?
Лекарь качнул седовласой головой:
– Нет. В прошлую зиму он захворал, а во всей округе не нашлось никого, кто смог бы ему помочь.
– Ты был в отъезде?
Елага покачал головой:
– Почему? Нет. Я был дома. Прощай, матушка.
И седовласый лекарь зашагал к телеге.
Пока он садился в телегу, и пока телега отъезжала от недостроенного храма, Евдокия все стояла и глядела ему вслед. Лицо ее было еще суровее, чем обычно, на чистом лбу прорезались едва заметные морщинки, а плотно сжатые губы побелели.
Сколько ужасов за один день, Господи! Сперва бойня в кружале у Озара. Потом, спустя час после возвращения, слег в постель мальчик. Теперь вот Марфа... И лекарь... О Елаге говорят, что он лучший в своем деле, и что же получается? Мальчик болен, а лекарь отказался лечить. Видано ли такое?
Сердце матушки Евдокии сжалось. Благо хоть Озар остался жив. Чужеземный чародей по своей странной, непостижимой простому уму прихоти пощадил его – об этом Евдокия узнала от одного из нищих бродяжек. Это была единственная хорошая весть за весь этот долгий, страшный день, который, несмотря на то что тени давно удлиннились, а небо выцвело и потемнело, никак не хотел заканчиваться.
Расписная телега Елаги прогромыхала по ухабам и скрылась за недостроенным остовом храма. Евдокия вздохнула, повернулась и, уныло опустив голову, побрела к дому. Что еще преподнесет ей этот тягучий, как кошмарный сон, день?
– Господи Иисусе, прости и помилуй меня, грешную, ниспошли выздоровление отроку, коего я пригрела, – прошептала она, истово перекрестилась и с тяжелым сердцем переступила порог избы.

2

Но не усидела Евдокия дома. Не смогла, не вынесла. Мальчику после ухода лекаря стало еще хуже – теперь его изможденное личико было так бледно и тенисто, что более приличествовало мертвецу, нежели живому человеку. Лоб его был холоден, как лед, а губы – обескровлены и белы, будто у голодного стригоя.

Устав от душевных переживаний, Евдокия сама отнесла мальчишку на телегу, сама, не дожидаясь запропавшего где-то возчика Матвея, взяла в руки поводья и сама направила лошадку за торжок к единственной вещунье, о которой она не слышала ни одного худого слова.

И вот она уже у Голицы. Голица – баба дородная, румяная, в белом кружевном чепце – смотрит на Евдокию удивленно, но без вражды.

– Не думала, что когда-нибудь увижу тебя здесь, Евдокия. – Голос у Голицы чистый и звонкий, а руки, лежащие на старательно выскобленной столешнице, нежны и мягки, как

поднявшийся хлеб. – Чего в глаза не смотришь, матушка? Али вину за собой какую знаешь?

– Ни в чем я перед тобой не виновата, вещунья. И виниться не собираюсь.

– Вот как? Зачем же тогда пожаловала?

Евдокия вздохнула и как-то вся обмякла, потускнела, будто со вздохом этим из ее стройного молодого тела улетучились остатки сил.

– Несколько месяцев назад к нашей общине прибился мальчик, – произнесла она. – Сейчас он болен и лежит в моей телеге. Я вызывала лекаря Елагу, но он сказал, что ничем не сможет помочь.

– И тогда ты вспомнила обо мне?

Евдокия кивнула:

– Да.

Голица чуть склонила голову набок и пристально вгляделась в лицо гостьи своими бледно-голубыми, почти бесцветными, глазами.

– Что же твой плачущий бог не поможет тебе советом? – спросила она спокойно, без тени насмешки или издевки.

Проповедница побледнела и медленно поднялась с лавки.

– Прости... – вымолвила она. – Я пойду.

– погоди, – остановила ее Голица и прищурила прозрачные глаза. – В спешке правды нет. Сядь. Сядь, говорю!

Евдокия снова опустилась на лавку. Голица улыбнулась улыбкой столь же светлой и прозрачной, как ее глаза, и неспешно, мягко проговорила:

– Не обижайся, Евдокия. Я не хочу ссориться ни с тобой, ни с твоим богом. Где мальчик?

– Лежит в телеге, – ответила матушка Евдокия. – Хочешь, чтобы я принесла его?

Она уже хотела подняться, но вещунья накрыла ее руку своей мягкой, белой ладонью и распорядилась:

– Сиди. Мой слуга это сделает. Валуи! – окликнула она.

В горницу вошел крепкий мужик в грубой, застиранной до ветхости рубахе.

– В телеге лежит мальчик. Принеси его сюда и положи на топчан.

Мужик повернулся и вышел из горницы. Голица вновь, еще внимательнее, чем прежде, взглянула на Евдокию.

– Хотела тебя спросить, матушка... Я слышала, ваш бог запрещает людям заглядывать в будущее. Правда ли это?

– Будущее уже предрешено, – сказала проповедница, не глядя вещунье в глаза. – Для всех.

– И что же со всеми нами будет?

– Высший судия придет судить людей. И каждому воздастся по заслугам его.

Голица задумалась.

– Это было бы справедливо, – сказала она после раздумий. – Но ничего этого не будет. Боги помогают только сильным.

– Мой Бог жалеет слабых и увечных, и сам открывает пред ними двери в царствие свое, – возразила Евдокия.

Голица усмехнулась:

– Что же это будет за царство, коли в нем станут жить только слабые да увечные?

– Царство добра, – спокойно ответила Евдокия. – В том царстве не останется лютости и несправедливости, и людям не будет нужды лить слезы.

Голица посмотрела на гостью мягким, лучистым взглядом, вздохнула и проговорила:

– Хотела бы я жить в таком царстве, матушка Евдокия. Но, боюсь, не доведется. Да и как сотворить такое царство?

– Просто, – ответила проповедница. – Коли вспомним, что мы люди, а не звери, так дело сразу пойдет на лад. Учение Христа потому и открыто всем до единого, что задает простые задачи. Занес руку для удара – опусти ее. Сжал кулак – разожми. Держи свой меч в

ножках, а ножны – в погреб. Коли все будут так поступать, то и сделается для всех благоденствие.

– Где ж это видано, чтобы людишки перестали драться? – усомнилась Голица. – Человеку только одного и надо: чтобы ближнему хуже жилось, чем ему. Даже если и злобы к нему не имеют, то все равно завидуют. А от зависти единый шаг до ненависти. Как тут за меч не взяться?

– Гнев – он ведь словно огонь. Возьми воду и залей. Источник с водой рядом.

Голица внимательно вгляделась в лицо Евдокии и усмехнулась.

– Нравится мне твой Бог, матушка, но уж больно он простодушен. Его учение не для нашего мира.

В горницу вошел Валуи с мальчиком на руках. Прошел к топчану и неуклюже опустил мальчишку на соломенный тюфяк, неловко подогнув ему ноги.

– Осторожнее, леший! – сердито окликнула его Голица. – Ногу-то не зажми!

Валуи поправил мальчишке ногу. Затем выпрямился и выжидающе посмотрел на вещунью.

– Ступай теперь, – распорядилась она. – Но далеко не уходи, скоро позову.

Валуи кивнул и вышел из избы. Голица и Евдокия поднялись с лавок и подошли к топчану. Рядом они смотрелись странно. Матушка Евдокия – высокая, тонкая, угловатая, с худым красивым лицом, вся закутанная в темную ткань. Голица – приземистая, ширококостная, в светлом чепце и светлом платье, медлительная до томности.

Вещунья склонилась над мальчиком и всмотрелась в его землисто-бледное лицо. Затем выпрямилась, чуток помолчала и сказала:

– Лекарь не обманул, твой мальчик очень хвор. И хворь его не в теле, а в душе. Душа его – как смятый цветок, брошенный в темный чулан, где нет лучика света.

Евдокия подалась вперед.

– Что это значит, Голица? – взволнованно спросила она.

Вещунья нахмурилась и четко проговорила:

– Он что-то оставил.

– Где?

– Там, откуда пришел.

Несколько мгновений Евдокия изумленно смотрела на Голицу, потом горько усмехнулась и качнула головой.

– Нет, вещунья, это невозможно. Для него нет дороги назад, ибо путь его лежал через Гиблое место.

Голица внимательно взглянула на матушку Евдокию и спросила, не скрывая любопытства:

– Это он сам тебе рассказывал?

Проповедница слегка стушевалась.

– Я слышала, как он бредит по ночам, – призналась она. – И в бреду своем он постоянно толковал о страшной чашобе, в которой бродят чудовища.

– Вот оно что. – Голица вновь перевела взгляд на мальчика. Тот все так же неподвижно лежал на топчане и смотрел в потолок безразличным взглядом. Личико его было бледным, как полотно, кончик носа заострился, а под темными глазами пролегли фиолетовые тени.

– Странно это все, – сказала Голица после долгой паузы. – И странный это мальчик. Пыталась я заглянуть в его прошлое, Евдокия, но увидела там одну лишь тьму. Но самое страшное, что и в будущем его – такая же тьма. И это сильно меня тревожит.

Лицо Евдокии стало растерянным.

– Что же мне теперь делать? – проговорила она тусклым голосом. – Лекарь Елага тоже говорил, что снадобьями мальчика не излечишь. Чем же мне его лечить?

– Ежели хочешь для него добра, не жалей и не заботься о нем, а положи его на телегу и отвези туда, откуда прибыл.

Лицо матушки вытянулось от изумления.

– Ты говоришь о Гиблом месте? – не поверила она своим ушам.
Голица кивнула:
– Да.
– Ты в самом деле хочешь, чтобы я отнесла его в чащобу, кишашую темными тварями?
– Этого хочу не я, – спокойно ответила Голица. – Этого хотят боги. Если ты оставишь его здесь, мальчик умрет через несколько дней.
Голица вдруг взяла со стола нож и потянулась к мальчику. Евдокия схватила ее за руку и испуганно воскликнула:
– Ты что!
– Не бойся, – сказала Голица. – Я не сделаю ему плохого.
Евдокия нехотя отступилась. Вещунья поддела пальцами прядку волос на голове мальчика и аккуратно срезала ее ножом. Затем поднесла прядку к горящей лучине.
Прядка вспыхнула, и Голица бросила ее на глиняную тарелку. Подождала, пока волосы прогорят, затем собрала пепел, взяла с полки какую-то круглую деревянную штуку, ковырнула ее пальцем и сунула в получившуюся щелку пепел. Затем протянула штуковину Евдокии и сказала:
– Это лешья указка. На иголку наткнута стрелка из кошачьей кости. Она укажет, куда идти.
Евдокия взяла штуковину и поднесла к глазам. Это была небольшая глубокая чаша, посреди которой колыхалась на железной игле костяная стрелка.
– Подожди, пока она остановится, – велела Голица. – Да сама не шевелись.
Дрогнув еще пару раз, стрелка замерла. Проповедница нахмурилась и взглянула на вещунью:
– Стрелка указывает на Гиблое место?
Голица кивнула:
– Да.
– Сколько же нам идти?
– Этого я не знаю. Но ежели ты не отвезешь мальчишку туда, куда ему нужно, он скоро умрет. Тебе решать.
Евдокия помолчала, обдумывая слова Голицы, потом вздохнула и сказала:
– Благодарю тебя за помощь, Голица. Сколько я тебе должна за эту вещь?
– Нисколько, – ответила вещунья.
– Но...
Голица усмехнулась:
– Просто помолись за меня своему доброму богу. И скажи ему, что я не так плоха, как он про меня думает.

3

Выйдя в отставку, воевода Видбор уже не носил шлем и броню, заменив их на шерстяную стеганку, серый суконный плащ и шапку замысловатого покроя. Но благодаря горделивой осанке, твердому взгляду и богатырскому сложению даже в этом одеянии он выглядел настоящим ратником.

Рыжеватую бороду, тронутую кое-где сединой, Видбор стриг теперь коротко – очевидно, для того, чтобы казаться моложе своих лет.

– Здравствуй, Евдокия! – с улыбкой поприветствовал он проповедницу и спешил с могучего коня.

– Здравствуй, воевода Видбор! – улыбнулась и Евдокия.

Видбор выпростал из-под плаща руку и протянул матушке берестяную коробочку.

– Это что? – вскинула брови Евдокия.

– Подарок, – пробасил Видбор.

– И что там?

– Открой и посмотри.

Проповедница взяла коробочку, откинула крышку и достала нечто разноцветное, невесомое, мягкое, как крыло бабочки.

– Платок? – удивилась Евдокия.

Видбор кивнул:

– Да.

Проповедница улыбнулась и покачала головой.

– Видбор, я ношу черный платок не потому, что у меня нет других. Мой черный платок – это знак того, что я отрешилась от этого мира с его соблазнами. Я ведь уже говорила тебе, что хочу стать невестой Иисуса.

– Разве женщина может стать невестой бога? – усомнился воевода Видбор. – Никогда не слышал, чтобы девки набивались в жены к Сварогу или Перуну.

Евдокия нахмурилась. Видбор заметил это и поспешно проговорил:

– Прости, Евдокия. Я, должно быть, слишком глуп, чтобы толковать о таких вещах. Я двадцать пять лет был ратником и отвык от обычной людской жизни. Теперь мне приходится многому учиться заново. Ты обещала прогуляться со мной в роще, помнишь?

– Не совсем так. Я обещала, что расскажу тебе о страстях Христовых.

Видбор покраснел.

– Прости, если я опять сморозил глупость, – смущенно произнес он.

Несколько секунд матушка Евдокия разглядывала богатыря, потом засмеялась.

– На тебя совершенно невозможно сердиться, Видбор. И ты тоже – не обижайся на меня. На самом деле, я ждала тебя.

– Правда? – вскинул брови воевода, и в голосе его послышалось тщательно скрываемое волнение.

Евдокия кивнула.

– Да. Мне нужна твоя помощь.

Глаза пожилого ратника блеснули.

– Я сделаю все, что ты скажешь, Евдокия, – пробасил он. – Клянусь Перуном.

– погоди, – остановила его проповедница. – Сперва послушай, а потом будешь клясться. Помнишь мальчика, который прибил к нашей общине?

– Конечно. В последнее время ты заботаешься о нем больше, чем о храме.

Евдокия поморщилась от его слов, и Видбор снова виновато нахмурился.

– Он, кажется, был не совсем здоров? – смиренно проговорил воевода.

– Он и теперь нездоров. Но хворь его усугубилась.

– И что я могу для него сделать? Если тебе нужен хороший лекарь, я сей же час...

Евдокия нетерпеливо качнула головой:

– Нет, Видбор. Лекари ему не помогут. Сегодня утром я возила мальчика к повитухе-вещунье Голице.

– Что? Ты ходила к Голице? Но ты ведь сама говорила, что вещуньи и ведуны противны твоему богу.

– Я вынуждена была это сделать, – с горечью пояснила Евдокия. – Я поступилась своими убеждениями ради мальчика, Видбор. Теперь я хочу, чтобы ты поступился своими.

Видбор посмотрел на проповедницу удивленно.

– О каких убеждениях ты говоришь, Евдокия? Клянусь, я сделаю все, что ты скажешь.

Евдокия прищурила зеленовато-карие глаза и сказала:

– Ловлю тебя на слове, Видбор. Помнишь, ты рассказывал мне, что ходил в Гиблое место?

По обветренному лицу воеводы Видбора пробежала тень.

– Да, – подтвердил он, сдвигая брови. – Я ходил туда. Но это было один раз. А почему ты спрашиваешь? – повторил он.

– Раз ты был там один раз, значит, сможешь пойти туда и во второй. Верно?

Видбор усмехнулся и качнул головой.

– Не думаю. В прошлый раз я едва унес оттуда ноги. А почему ты спрашиваешь? – повторил он.

– Вещунья Голица сказала, что мальчик умрет, если я не отведу его в Гиблое место. Я переговорила со всеми ходоками, которых знаю или о которых слышала, но ни один из них не взялся проводить меня в Гиблое место. И тут я вспоминал о тебе, Видбор. – Евдокия положила длинные, тонкие пальцы на могучее предплечье воеводы и заглянула ему в глаза. – Проводи меня и мальчика в Гиблое место.

Видбор взглянул на пальцы матушки и нахмурился.

– Евдокия... – проговорил он, тяжело, будто с трудом, ворочая языком. – ...Ты не понимаешь, о чем просишь. Я еще не настолько очерствел сердцем, чтобы губить тебя.

– Видбор, мальчик умрет, если мы не сделаем этого!

– Ты ошибаешься. Гиблое место не несет людям избавления, оно несет только смерть.

Евдокия прищурилась.

– А как же пробуди-трава, которую Первоход принес княжне Наталье и которая исцелила ее от смертельной немощи?

– Это все вранье.

– А что, если нет? Я пойду в Гиблое место, Видбор. С тобой или без тебя. Так каков будет твой ответ?

– Мой ответ будет «нет!», – отчеканил Видбор. – И лучше тебе совсем об этом забыть.

Проповедница долго молчала, кусая губы. Наконец, заговорила:

– Хорошо... Тогда я снова поищу среди ходоков. Кто-нибудь из них согласится мне помочь.

– Нынче мало ходоков, – возразил Видбор угрюмым голосом. – Те из них, которые решаются пойти в Гиблое место, берут за это огромные деньги серебром и золотом. У тебя нет таких денег.

– Я могу продать усадьбу отца! – порывисто заявила Евдокия.

– Это не поможет, – сказал Видбор. – Болото подступило к твоей усадьбе вплотную, и нынче она ничего не стоит.

Щеки Евдокии вспыхнули.

– Что ж, тогда я пойду одна! – выдохнула она дрожащим от негодования голосом.

– Не зная дороги, ты заблудишься в лесу, – вновь возразил Видбор. – Погубишь и себя, и мальчика.

Кровь отлила от щек матушки Евдокии, зеленовато-карие глаза блеснули недобрым светом, и она выпалила:

– Уходи, Видбор. Не хочу тебя больше видеть!

– Что? – не поверил воевода своим ушам.

– Уходи! – гневно повторила Евдокия. – Убирайся! И больше не показывайся мне на глаза!

Видбор открыл рот, затем снова закрыл его, с усилием сглотнул слюну и тяжело выговорил:

– Вот, значит, как. Ты выгоняешь меня из-за того, что я отказался тебя погубить. Что ж... – Он нахлобучил на голову шапку и повернулся к коню.

– Убирайся! – выкрикнула ему вслед матушка Евдокия, тряхнув маленькими кулаками. – И забудь дорогу к моему дому!

Видбор молча сел на коня. На проповедницу он больше не смотрел. Да и Евдокия не стала ждать, пока он уедет со двора, не махнула, как обычно, рукой, не проводила добрым взглядом, но резко повернулась и быстро зашагала к избе.

– Глупая девчонка, – с досадой произнес Видбор, глядя на удаляющуюся стройную фигурку, закутанную в черное платье. – Даром что проповедница... В голове суший ветер.

Он досадливо крикнул, повернул коня и направил его к большаку.

С наступлением сумерек жизнь в Порочном граде ожила. По узким улочкам, отделяющим кружала от срамных домов, сновали купцы и пьяные бродяги. Время от времени в игровых домах, где шла бойкая и шумная игра в кости и в карточки, открывались двери, и охранники вышвыривали очередного проигравшегося в пух и прах игрока.

Высокий рыжеволосый человек спрыгнул с телеги и швырнул возчику медную монетку.

– Выпей за мое здоровье, приятель!

– Отчего ж не выпить – выпью, – пообещал возчик, вновь взялся за поводья и тронул телегу с места.

Рыжеволосый огляделся и негромко изрек:

– Все-таки в дерьме что-то есть, ведь миллионы мух не могут ошибаться.

Он поправил на поясе чехол с торчащей из него черной ручкой выжигателя и зашагал к самому большому кружалу. Походка его была легка и бесшумна, словно у хищного зверя. Да и во внешности его было что-то звериное. Рыжая щетина так густо покрывала щеки, что напоминала стриженую шерсть. Лицо, узкое и худое, было вытянуто вперед, и нос с выпяченной верхней губой слегка напоминали звериную морду.

Войдя в кружало и услышав завывание рожков, гул голосов и грохот сдвигаемых кружек, рыжеволосый улыбнулся, словно попал в родную стихию.

– Эй, братец! – окликнул он целовальника.

Тот подошел, окинул рыжего безразличным взглядом и спросил:

– Чего подать?

– А чего есть?

– Олус, березовица, брага, квас, сбитень, водка...

– Водку, – оборвал перечень целовальника рыжий. – Дай мне стопку водки.

Целовальник небрежно поставил на деревянную стойку оловянный стаканчик и плеснул в него водки из оловянного кувшинчика. Рыжий взял стаканчик, выдохнул через плечо, затем резко выпил и хлопнул стаканчиком об стойку.

– Уф-ф... – сипло проговорил он. – Дрянь, конечно, но бодрит. А теперь скажи мне, братец, где тут у вас начальство?

– Чего? – не понял целовальник.

– Ну, где тут у вас самый главный?

– Ты про Крысуна Скоробогата?

– Если он главный, то про него.

Целовальник приосанился и произнес голосом торжественным, почти благоговейным:

– Господин наш Крысун располагается наверху, в своих покоях.

– Ну да, – кивнул рыжий незнакомец и криво усмехнулся. – Где ж ему еще и быть, как не наверху. Начальство всегда забирается на самую верхотуру. – Рыжеволосый подмигнул целовальнику, швырнул на стойку монету и зашагал к лестнице.

Целовальник повернулся в сторону начальника Избора, беседующего о чем-то у двери с группой охоронцев, и тихонько свистнул. Когда начальник Избор подошел к стойке, целовальник указал ему на рыжего и сказал:

– Вон тот спрашивал про Крысуна.

Избор взглянул на удаляющуюся спину незнакомца.

– Ждан! Липа! – окликнул он своих людей, резко повернулся и зашагал за незнакомцем.

Два охоронца быстро последовали за ним.

Рыжий ступил ногой на ступеньку, намереваясь подняться наверх, но охоронцы догнали его и преградили ему путь. Избор, подошедший сзади, положил руку на плечо незнакомцу и холодно поинтересовался:

– Далеко наострился, парень?

Рыжий глянул на него, перевел взгляд на охоронцев, снова оглянулся на Избора и сухо

вопросил:

– Может, уберешь лапу с моего плеча, здоровяк?

– А то что?

Рыжий пару мгновений пристально смотрел в глаза Избору, затем с явным усилием улыбнулся и сказал:

– Я не хочу ни с кем ссориться, здоровяк. Просто проводи меня к Крысуну Скоробогату.

– Зачем он тебе?

– Хочу предложить ему выгодное дельце.

– Что это за дельце?

– Извини, здоровяк, но тебя это не касается, – ответил рыжий незнакомец и посмотрел на Избора спокойным, небоязливым взглядом.

Избор оценил этот взгляд.

– Стой здесь, – сказал он, обошел рыжего незнакомца и зашагал наверх.

Незнакомец посмотрел ему вслед, затем подмигнул охоронцам и с усмешкой заявил:

– Здоровый у вас начальник, ребята. А взгляд – прямо насквозь прожигает. Я чуть не обделался от страха.

Охоронцы ничего на это не сказали.

Вскоре начальник вернулся.

– Ступай за мной, – коротко приказал он, повернулся и снова пошел наверх.

Рыжеволосый зашагал за ним. У двери, ведущей в покои Крысуна, начальник вновь остановил его и дал знак охоронцам. Один из них приставил к груди незнакомца острие меча, а другой быстро и умело обыскал его.

Пока происходил обыск, рыжеволосый стоял молча и ухмылялся – не дерзко и бесстрашно, а скорей насмешливо, словно все происходящее жутко его забавляло. Лишь раз он позволил себе заговорить – когда один из охоронцев попытался забрать у него висевшие на поясе ножны с какой-то черной деревяшкой.

– Э, нет, – сказал он и положил руку на деревяшку. – С этим я не расстанусь. Это мой личный оберег.

Охоронец взглянул на своего начальника – тот небрежно кивнул: можно.

Когда обыск был закончен, охоронец грубо толкнул гостя в спину.

– Иди.

Начальник, ухватившись за толстое чугунное кольцо, открыл дубовую дверь, прошел сам и чуть посторонился, впуская рыжеволосого гостя в покои самого могущественного купца княжества – Крысуна Скоробогата.

Шесть охоронцев, стоявших у двери, хмуро взглянули на вошедшего. Тот усмехнулся и весело спросил:

– А где хлеб-соль?

Человек, сидевший в глубине комнаты, на высоком и широком троне, обложенном бархатными подушками и мягкими коврами, отнял руку от лица, рассеянно взглянул на гостя и сипловато приказал:

– Ближе.

Двое охоронцев взяли гостя под руки и повели к трону. Вблизи Крысун Скоробогат оказался высоким, тощим и кадыкастым мужчиной с хилой темной бородкой и такими же хилыми усиками. В лице его, тощем, скуластом, и впрямь было что-то от крысы или хорька. Хозяин Порочного града был закутан в красный плащ с каракулевой подкладкой, расшитый золотыми нитями, а ноги его были обуты в красные сапожки из мягкой кожи.

Рыжебородый церемонно поклонился и громко произнес:

– Приветствую тебя, солнцеподобный Крысун, сын Перуна, внук Сварога, и так далее, и тому подобное! Не вели казнить, вели слово молвить!

Лицо Крысуна и без того длинное, слегка вытянулось от изумления. Он коротко моргнул, затем нахмурился и грубо спросил:

– Кто ты и чего тебе надо?

Рыжеволосый приосанился и громко ответил:

– Меня зовут Рах, сын Раха-Костолома, внук Рола-Кровопийцы, и так далее, и тому подобное.

Крысун при этих словах нахмурился еще больше.

– Мне передали, что ты хочешь со мной поговорить, – холодно вымолвил он. – Так что перестань трепать языком и говори, зачем пожаловал в мои покои. Иначе я прикажу охоронцам выбросить тебя в окно.

Рыжеволосый Рах улыбнулся.

– А ты и впрямь деловой человек, Крысун, – сказал он, шуря лукавые зеленоватые глаза. – Это делает тебе честь. Я был бы рад поболтать с тобой о природе и погоде, но раз ты настаиваешь, я сразу перейду к делу.

При этих словах Рах и впрямь напустил на себя деловой вид и заговорил сухим голосом:

– Ты преуспевающий человек, Крысун. Посуда у тебя из серебра, ножны увиты золотом, а брильянт на пальце тянет карат на десять. А теперь скажи мне, богатый купец Крысун: нужны ли тебе деньги?

Крысун прищурил злые глаза.

– Ты пришел сюда, чтобы издеваться надо мной? – сипло спросил он.

Рыжеволосый улыбнулся.

– Отлично! Я всегда говорил: чем больше человек зарабатывает, тем острее он нуждается в деньгах. Что до тебя, Крысун, то ты...

– Ты меня утомил, бродяга, – небрежно протянул Крысун. – Избор, вышвырни этого мерзавца из кружала.

Начальник охоронцев двинулся с места, но Рах отступил на шаг и прорычал, зыркнув на Избора холодными, жесткими глазами:

– Только попробуй, верзила. Последний, кто пытался это сделать, лежит на дне Касского озера с проломленной головой. – Затем перевел взгляд на Крысуна и добавил: – Я не обидчив, но постарайся держать себя в руках, купец.

Крысун усмехнулся.

– Избор, я передумал, – сказал он начальнику охоронцев. – Вышвырни этого наглеца в окно. И если при этом он свернет себе шею, я не обижусь.

– Ждан! Липа! – окликнул начальник охраны.

Двое охоронцев подняли мечи и двинулись на рыжеволосого Раха.

Тот вдруг выхватил из ножен свою черную палку, похожую на обломок посоха, и направил ее на коренастого бородатого богатыря Ждана. Белый всполох на мгновение озарил комнату – и Ждан осыпался на пол кучкой серебристо-черного пепла.

Рах ловко крутанул своей черной корягой в воздухе и сунул ее в чехол. Затем обвел взглядом изумленные лица охоронцев, прищурился и спросил:

– Кто-нибудь еще хочет вышвырнуть меня в окно? Нет? Отлично! – Он вновь повернулся к Крысуну: – Ну что, Скоробогат, теперь-то мы поговорим о деле?

Купец поджал губы и, опасливо поглядывая на волшебный посох Раха, пробормотал:

– Что тебе нужно?

– Я хочу стать твоим помощником, – ответил Рах. – Тебе ведь нужен помощник, Крысун?

– Крысун Скоробогат не нуждается в помощниках, – неуверенно прогудел у него за спиной начальник Избор.

– Скажешь еще слово, здоровяк, и я превращу тебя в кучку пепла, – не оборачиваясь, пообещал ему рыжий Рах. – Есть возражения?

Избор нахмурился, но предпочел промолчать.

– Вот так, – кивнул Рах. Затем мечтательно улыбнулся и добавил: – Если бы все люди были такими понятливыми, в мире бы давно наступила гармония. Итак, господин Крысун, на

чем мы остановились?

Крысун облизнул тонкие губы и проговорил с затаившейся в маленьких, мышиных глазках ненавистью:

– Ты сказал, что хочешь стать моим помощником.

Рах кивнул:

– Именно так. Ты самый богатый и влиятельный купец в княжестве, Крысун. Поэтому я выбрал тебя.

Крысун прищурил подозрительные, недобрые, похожие на два тлеющих уголька глаза.

– И чем же ты мне поможешь?

Рах улыбнулся:

– Вопрос не в бровь, а в глаз. И я тебе отвечу. Я тут порас-спросил народ, и узнал, что у тебя много врагов. Ты, конечно, лев, но вокруг тебя полно зловонных гиен, и каждая из них норовит оттяпать у тебя кусок свежатины. Я буду защищать тебя от этих гиен. И я не стану ждать, пока они нападут, а буду действовать на упреждение.

– Как это? – не понял Крысун.

– Просто. Мы первыми нанесем удар и уничтожим всех твоих врагов.

Крысун нервно усмехнулся.

– И как же ты собираешься это сделать? – тихо спросил он.

Рах вскинул брови:

– Разве я не показал тебе?

– Все, что ты сделал, это убил одного охоронца.

– А ты хочешь, чтобы я убил их всех? – Рах небрежно пожал плечами и потянулся к чехлу. – Не проблема.

Увидав, что гость вновь достает свой черный посох, охоронцы побелели и попятились к стене.

– Пойди, – сказал Крысун. – Погоди.

Рах, держа палку наготове, выжидающе взглянул на купца.

– Твой волшебный посох столь же страшен, как огнестрельный посох Глеба Первохода, – заговорил Крысун сипловатым, недовольным голосом. – Но надолго ли его хватит? Откуда я знаю, сколько еще огненных стрел он может выпустить?

Рах сдвинул рыжеватые брови.

– Об этом не беспокойся, купец, – заверил он. – Зарядов в моем «посохе» хватит на то, чтобы испепелить сотню мерзавцев.

– Что ж... – Крысун задумчиво прищурился. – Если это так, то твое предложение выгодно для меня.

– Рад, что ты так считаешь, – усмехнулся рыжеволосый Рах. – Ты не пожалеешь, что связался со мной, купец.

– Да-да, – рассеянно кивнул Крысун. – Но... – Глаза Крысуна снова стали острыми и проницательными. – ...Зачем это тебе, Рах? Зачем ты пришел ко мне?

– Что ж... – Рах облизнул губы. – Прямой вопрос – прямой ответ. Я хочу стать твоим компаньоном, Крысун. У тебя деньги, у меня – сила. Вместе мы свернем горы. Согласен?

Крысун помолчал, обдумывая ответ Раха. Затем кивнул и сказал:

– Да будет так. Как ты хочешь, чтобы тебя называли?

– А как ты называешь своих парней?

– Охоронцами.

– Вот и меня зови так же. Охоронец Рах. – Рыжеволосый усмехнулся. – По-моему, звучит неплохо. Кстати, хотел спросить вас, ребята – тут все твердят о каком-то Глебе Первоходе. Кто это такой?

При слове «Первоход» Крысун поморщился, словно у него внезапно разболелся зуб.

– Глеб Первоход – здешний ходок, – ответил он нехотя.

– Ходоки – это те чудаки, которые ходят в Гиблое место и приносят оттуда странные вещи?

Крысун кивнул:

- Да. Но Первоход не просто ходок. Он особенный.
- Вот как? И что же в нем особенного?
- Он первым пошел в Гиблое место.

Рах усмехнулся:

- Забавно. А если я первым спрыгну с крыши – ты тоже будешь считать меня особенным?

Крысун насмешливо прищурился:

- Если после этого ты останешься цел и невредим, то да.
- Выходит, этот ваш Глеб Первоход – самый живучий и ловкий из ходоков. И у него тоже есть «волшебный посох», верно?
- Верно, – кивнул Крысун. – Он называет свой посох «ольстрой». Эта ольстра разит недругов громом и крохотными стрелами, которые Первоход называет пулями.
- Вот оно что. – Рах задумался. – И как давно он у вас появился?
- Лет шесть тому.
- Гм... Давненько. А не называл ли он себя Кревом?

Крысун прищурил темные, маленькие глаза и качнул головой.

- Нет. Я о таком не слышал.

Рах вздохнул и улыбнулся.

- Ладно, забудь. Слушай, Крысун, мне бы помыться да подкрепиться. Выдели мне комнатку и вели своим людям принести большой чан с горячей водой. От меня воняет, как от пса.
- Ты получишь все, что просишь, Рах, – величественно проговорил Крысун и глянул на Избора. Тот кивнул и, в свою очередь, дал знак одному из своих людей. Тот также кивнул и выдвинулся вперед, готовый служить Раху.
- Что-нибудь еще, Рах? – поинтересовался Крысун.

Рыжий улыбнулся и ответил, понизив голос:

- А как у тебя насчет девочек, купец? Выберешь для своего нового партнера?

Крысун сдержанно усмехнулся.

- К тебе приведут десяток девок, и ты сможешь выбрать сам. Эй, как тебя там... – обратился он к охоронцу.
- Меня зовут Липа, – с готовностью подсказал тот.
- Липа, проводи Раха в гостевые покои и дай ему все, что он пожелает.
- Все сделаю, господин, – кивнул охоронец.

Рах расплылся в улыбке.

- Спасибо, Крысун. Ты не пожалеешь, что связался со мной. – Он махнул купцу рукой и повернулся к двери: – Идем, борода. Покажешь мне мои апартаменты.

Как только дверь за Рахом и его провожатым закрылась, Крысун подозвал к себе начальника Избора и, когда тот подошел, процедил сквозь зубы, злобно сверкая черными мышинными глазками:

- Не спускай с чужеземца глаз. Как только выпустит из рук посох – убей его. Тело брось в овраг, пусть его сожрут бродячие собаки. А посох принеси мне.

Избор сдвинул косматые брови и осторожно заметил:

- Этот посох – чародейский. Уверен ли ты, что хочешь взять его в руки?
- Во время войны с Голядью Глеб Первоход раздал громовые посохи десятку дружинников. И ни у одного из них руки не покрылись язвами.
- Коли так, то сделаю, – качнул головой Избор. – Прикажешь идти?
- Иди.

Поклонившись Крысуну, Избор повернулся и зашагал к двери.

Это был большой дом из старых, но крепких бревен. Из трубы валил дым – и это несмотря на теплую погоду, забора не было совсем, а из-за дома выглядывала еще одна крыша, такая же крепкая, как первая, но с размахистыми, как распростертые птичьи крылья, стрехами добротной тесовой кровли.

Молодой ходок Ставр и охотник Глеб осадили коней возле дома.

– Приехали, – сказал Ставр, поглаживая усталого коня по взмыленной шее. – Мне подождать тебя здесь или войти с тобой?

– Ждать придется слишком долго, – ответил охотник. – Идем со мной.

Мужчины спешили и, накинув поводья на коновязь, зашагали к дому. Взойдя на крыльцо – такое же крепкое, широкое и основательное, как сам дом, Ставр громыхнул кулаком по двери.

– Кто пришел? – отозвался из-за двери глухой, недовольный голос.

– Кузнец, открой! – крикнул Ставр. – Мы к тебе по делу!

– Открыто – входи!

Ставр толкнул дверь, и в лицо ему и Глебу пахнуло жаром. Войдя в избу, они сразу увидели кузнеца. Он сидел за столом и ел огромного вяленого леща, отрывая от него смачные куски и отправляя их в большегубый, прячущийся в бороде рот. На плечах – подбитый мехом жупан, на ногах – теплые коты.

– Привет, кузнец! – громко сказал Ставр. – Ну у тебя и жара! Не боишься изжариться?

– Хлынский жар костей не ломит, – флегматично ответил Вакар и сунул в рот очередной кусок рыбы. Затем, перемалывая леща крепкими зубами, глянул на гостей исподлобья и недружелюбно осведомился: – Чего надобно?

Ставр хотел ответить, но охотник отодвинул его в сторону, шагнул вперед и сказал:

– Поговорить.

Кузнец перестал жевать и удивленно уставился на охотника. Затем, дернув кадыком, проглотил недожеванный кусок рыбы и глухо проговорил:

– Твой голос мне знаком. Но я не вижу твоего лица. Может, покажешь?

– Легко, – ответил охотник, поднял руки и сбросил с лица наголовник-капюшон.

Мгновение Вакар сидел на лавке, в упор глядя на охотника, затем вскочил с места, схватил с верстака железное кузло и наотмашь ударил в грудь.

Удар был силен, но он не достиг цели – охотник легко увернулся, перехватил руку кузнеца, вырвал из нее кузло и швырнул его в угол комнаты. Затем толкнул кузнеца на лавку и сказал:

– Тише, Вакар. Успокойся.

– Успокоюсь, когда прикончу тебя, тварь! – прорычал кузнец и снова вскочил с лавки.

На этот раз охотнику не пришлось применять силу, ибо Ставр встал между ним и кузнецом и, выхватив из ножен меч, приставил его к горлу Вакара.

– Только попробуй, – сказал молодой ходок, сверкая глазами. – И я отсеку тебе голову одним ударом.

– Ты не понимаешь! – прорычал Вакар, морщась от прикосновения холодного лезвия. – Это не человек. Ты привел ко мне в дом темную тварь, парень. Если хочешь сделать добро себе и мне, убей его!

– Еще слово, и я убью тебя самого, – предупредил Ставр.

– Нет, Ставр, – сказал охотник, шагнул вперед и опустил руку молодого ходока. Затем взглянул на кузнеца и спокойно заявил: – Вакар, это я, и я настоящий. Помнишь, ты когда-то спросил меня, есть ли на мне хоть одно живое место. А я ответил, что я весь – сплошное живое место, пока темные твари не добрались до меня.

Вакар вытер рукавом рот и угрюмо возразил:

– Но они добрались. Я своими глазами видел, что упырь перегрыз тебе глотку. И я своею рукой сжег твоё тело.

Охотник покачал головой, улыбнулся и сказал:

– Я выжил. Ни зубы упыря, ни твой огонь не смогли погубить меня.

Кузнец сжал кулаки, незаметно покосился на меч и сипло спросил:

– И как тебе это удалось?

– Когда ты решил меня сжечь, я был еще жив. Я видел и понимал, что ты делаешь, но ничего не мог сказать. Вспомни сам. Пес почуял, что я жив, и не захотел меня бросить.

– Что было потом?

– Пес оттащил меня в лужу. А после того, как огонь потух, он помог мне поползти до источника трех ключей. Вода Гиблого места спасла меня, и раны мои затянулись.

Вакар подозрительно прищурился и сказал:

– Но у тебя должны остаться шрамы.

Охотник молча откинул плащ и задрал охотничью куртку. Кузнец и Ставр уставились на его бок, покрытый рубцами. Выждав несколько секунд, охотник спокойно спросил:

– Этого доказательства тебе достаточно?

– Да, – выдохнул кузнец.

Охотник опустил куртку. Вакар тяжело опустился на лавку. Взярошил широкими пятернями свои серебристо-ржавые волосы.

– Если все было так, как ты говоришь, то я перед тобой виноват, – сказал он глуховатым, неуверенным голосом.

– Я не держу на тебя зла, кузнец, – спокойно ответил охотник.

Ставр, до сих пор молча переводивший взгляд с кузнеца на охотника и обратно, прервал молчание и взволнованно произнес:

– Объясните мне – что все это значит?

– Сказать ему? – поинтересовался у охотника Вакар.

Тот кивнул. Кузнец повернулся к молодому ходоку и сказал:

– Человек, которого ты привел, вовсе не охотник.

– Как не охотник? А кто?

– Его зовут Глеб Первоход. И он ходок.

Парень перевел взгляд на своего спутника и захлопал глазами.

– Ты... Ты в самом деле Первоход?

Глеб кивнул:

– Да.

– Но... – Голос Ставра дрогнул. – Но этого не может быть! Старые ходоки рассказывали, что Первоход сгинул в чащобе!

– Я тоже так думал, – прогудел кузнец. – Но, как видишь, Первоход жив. – Еще несколько секунд Вакар сидел молча, потом вдруг вскочил с лавки, шагнул к Глебу и крепко его обнял. – Леший тебя побери, парень! – проговорил он растроганно. – Леший тебя побери!

– Ну-ну, – засмеялся Глеб и похлопал кузнеца по спине. – Я тоже рад тебя видеть, старина.

Кузнец отпрянул от гостя, отвернулся и вытер рукою мокрые глаза.

– Леший... – повторил он. – Развел сопли, как девчонка... – Он снова взглянул на Глеба. – Выпьешь олуса? Он у меня знатный. Из ячменя, хмеля и степной полыни.

– Можно, – кивнул Глеб. – Ставр, ты как?

– Я тоже не против, – ответил парень.

– Садитесь за стол, а я принесу кувшин, – распорядился Вакар.

Вскоре все трое сидели за столом и пили хмельной олус, заедая его вяленой рыбой и солеными сухарями. Кузнец пил меньше всех, он, казалось, все еще пребывает в глубоком раздумье. Время от времени Вакар бросал на Глеба быстрые, внимательные взгляды и тут же снова отводил глаза.

Глеб, потягивая терпкий олус, вкратце рассказал кузнецу о своем охотничьем житии-бытии, затем сказал:

– Вакар, когда мы виделись в последний раз, ты обещал мне кое-что сделать.

Кузнец отхлебнул олуса, вытер рот ладонью и сказал:

– Я избавился от перевертня, Глеб.

– Как?

– Утопил его в болоте, как ты и сказал.

– А как насчет камня? Перед тем как сжечь меня, ты забрал у меня камень власти.

– Верно, забрал. – Вакар вздохнул. – Ты велел мне вернуть этот камень в Святилище нелюдей. Но я не сумел его найти.

– И где же камень теперь?

Вакар чуть прищурил свои светлые, глубоко посаженные глаза и ответил:

– В надежном месте.

– Ты отдашь его мне?

Кузнец промолчал, словно не услышал вопроса Глеба.

– А что это такое – камень власти? – поинтересовался, уплетая рыбу, Ставр.

Глеб отхлебнул из кружки, облизнул мокрые губы, покосился на парня и сказал:

– Два года назад я вынул этот камень из священной плиты, расположенной в самом сердце Гиблого места. Вынув его, я сорвал печать, которой несколько сотен лет назад жрецы-нелюди скрепили вход в бездну, и выпустил наружу странный туман. Туман этот породил призрачных тварей.

– Я помню эту историю, – сказал Ставр. – Но я не знал, что это сделал ты.

– Призрачные твари не могли перейти межу, – продолжил свой рассказ Глеб. – Но одному молодому ходоку удалось вынести из Гиблого места чудную вещь под названием «перевертень». А вместе с этой вещью он вынес оттуда и призрачную тварь. Оказавшись в Хлынь-граде, призрачная тварь приняла облик ходока и стала пожирать людей.

– Это я тоже помню, – снова кивнул Ставр.

– Я отнес перевертень обратно в Гиблое место. Прихватил с собой и камень из святилища, чтобы вернуть его жрецам. Но дойти до конца я не сумел. И тогда мою работу взялся доделать кузнец Вакар.

– И он утопил перевертень в болоте, но не сумел вернуть камень в святилище?

– Да.

– Значит, дыра, через которую туман вырвался наружу, все еще открыта?

– Да, – снова ответил Глеб. – Я убил чудовище, которое порождало призрачных тварей. Но, думаю, что несколько тварей еще осталось. Они шляются по Гиблому месту, но, слава богам, не могут выбраться за межу.

– Думаю, это им сильно не нравится, – усмехнулся Ставр. – Но если чудовища больше нет, тогда зачем возвращать камень? А, Первоход?

Глеб нахмурился, но ничего не сказал. За него ответил кузнец:

– Никто не знает, какие еще твари пролезут в наш мир через эту дыру, – сказал он. – Да и жрецы Нуарана не успокоятся, пока Глеб не вернет им камень. Рано или поздно они найдут его.

– Но... – снова начал Ставр, но кузнец его оборвал:

– Хватит вопросов, ходок. – Он снова взглянул на Глеба. – Значит, ты собираешься вернуть камень в святилище?

Глеб усмехнулся.

– Если честно, то до сегодняшнего дня я не думал об этом. Я дал себе слово, что больше не пойду в Гиблое место. Ни под каким предлогом.

– И что же заставило тебя изменить своему слову?

Глеб вздохнул и ответил, заметно помрачнев:

– Я охотился неподалеку от межи. И вдруг услышал зов. Зов шел из Гиблого места. Не знаю, как это толком объяснить. Словно сами деревья что-то мне нашептывали.

– И что же они тебе нашептали?

Глеб поднял взгляд на кузнеца и спокойно проговорил:

– Что надвигается страшная опасность и что я должен остановить ее. Я пытался заткнуть уши, но зов звучал у меня в голове. И тогда я сдался. Однако я поклялся, что не отойду от межи дальше чем на пять верст.

– Пять верст от межи, – зачарованным голосом повторил Ставр. – Это то место, где мы остановились на ночлег.

Глеб кивнул:

– Да. Я успел вовремя, чтобы спасти твою шкуру. Мне повезло: одна из моих старых ловушек уцелела.

Глеб отхлебнул олуса, опустил кружку на стол и вдруг встретился взглядом с кузнецом. Взгляд того был холоден и подозрителен.

– Ты хочешь меня о чем-то спросить? – спокойно осведомился Глеб.

– Да, – ответил кузнец. – Покажи мне свои шрамы.

– Но я уже...

– Не те. Покажи мне шрамы, которые тебе оставила лесная богиня Сорни-Най.

Глеб усмехнулся:

– Ты все еще думаешь, что я оборотень или призрачная тварь?

– Покажи мне шрамы, Первоход. Просто покажи.

Глеб поставил кружку на стол, задрал рукав на правой руке и показал кузнецу аккуратный рядок белесых шрамов, похожих на зарубки.

– Шесть, – тихо проговорил Вакар.

Глеб качнул головой:

– Нет. Седьмой остался. Приглядишься и увидишь.

Кузнец пригляделся.

– Да, он на месте. Это из-за того, что я не вернул камень власти жрецам?

– Это была моя задача, Вакар. И я с ней не справился.

– Но седьмой шрам почти выцвел.

– Верно, – кивнул Глеб. – Он выцвел в тот момент, когда ты утопил перевертень в болоте. – Глеб опустил рукав и посмотрел кузнецу в глаза. – Так ты вернешь мне камень власти?

Вакар отвел взгляд и нахмурился. Глеб выждал несколько секунд, затем сухо осведомился:

– Ты решил присвоить его? Но он не принесет тебе счастья, Вакар. Многие уже пробовали.

– Плевать я хотел на камень! – резко проговорил кузнец. – Не он мне нужен!

– Тогда что?

Кузнец снова посмотрел Первоходу в глаза и глухо ответил:

– Ты должен помочь мне, Глеб. Никто больше не сможет, только ты. Ты ведь помнишь мою дочь?

– Да, Вакар, я помню твою дочь.

– А моего внука?

– Я никогда его не видел.

– Но кое-что о нем слышал, верно? – Кузнец вытер ладонью заблестевшие от слез глаза. – Он не так уродлив, как про него говорят. И больше похож на человека, чем на нелюдя. В любом случае, он не сделал никому ничего дурного и не заслуживает пыток.

– Вакар, я...

– Князьи охоронцы схватили мою дочь и моего внука, – сказал кузнец. – Они держат их в темнице. Они выбивают из нее признание в том, что она сама, сознательно, по доброй воле была с нелюдем и зачала от него ребенка.

На лице Глеба отобразилось удивление.

– Зачем им это?

– Власть ускользает из рук князя. Многие в княжестве поговаривают, что болезнь и война с Голядью сломили его, сделали слабым. И теперь он пытается показать свою силу.

– Пытая девушку и ребенка? – вскинул бровь Глеб.

– В глазах хлынцев мой внук – настоящее чудовище. Он ведь сын одного из предводителей воинства нелюдей.

– Но воинства этого давно нет.
– Верно, нет. Но страх засел в людские души, как заноза, Глеб. Они боятся, что когда-нибудь нелюди вернутся.
Глеб помолчал. Затем тихо спросил:
– Чего же ты хочешь от меня, Вакар?
Кузнец глянул на Глеба угрюмым взглядом.
– Я верну тебе камень, ходок. Но сперва ты найдешь способ освободить их.
Глеб усмехнулся.
– Вакар, но это бессмысленно. Даже если они сбегут, их все равно поймают. Им негде спрятаться.
– Это уже не твоя забота, – угрюмо сказал Вакар. – У меня есть дальние родичи, которые заберут Ольстру и малыша и увезут их туда, где про них никто ничего не знает. Только вытащи их из темницы, Глеб. Вытащи, умоляю!
Глеб задумался. Вакар смотрел на него выжидающе. Ставр, несмотря на явное любопытство, светившееся в его глазах, предпочитал до поры до времени не вмешиваться в разговор Первохода и кузнеца-вещуна.
Наконец Глеб вышел из задумчивости.
– Кто ведет дознание? – спросил он у кузнеца.
– Дознаватель по имени Пырей Крюк, – ответил тот. – Говорят, он очень жесток и ненавидит нелюдей.
Глеб мрачно усмехнулся.
– Хотел бы я посмотреть на того, кто их любит.
Вакар прищурил светлые глаза и, дернув уголками губ, заметил:
– Кажется, я знал одного.
Несколько секунд длилось молчание, потом Глеб облизнул пересохшие губы и парировал спокойным голосом:
– Я любил в Дионе не нелюдя, Вакар. Я любил в ней человека. – Он отодвинул от себя кружку и сказал: – Я сильно устал. В твоём доме найдется для меня кровать?
– Конечно, – кивнул Вакар. – Но что ты решил? Ты pomoжешь мне вытащить Ольстру и внука из темницы?
Глеб посмотрел на кузнеца холодным взглядом и проронил:
– А разве ты оставил мне выбор?

* * *

– Что значат эти шрамы у него на предплечье? – тихо спросил Ставр, потягивая ольстру.
Кузнец усмехнулся.
– Подарок богов. Первоход не может вернуться домой, пока эти шрамы не сойдут.
– А они сходят?
– Когда-то их было десять. Теперь – шесть.
– Семь, – поправил Ставр.
– Седьмой шрам почти не виден. Скоро сойдет и он.
– А что нужно сделать, чтобы очередной шрам сошел? – полюбопытствовал Ставр.
– Пройти через испытание и выйти из него победителем.
– Вот оно что. – Ставр взглянул на спящего Первохода. – Хотел бы я, чтобы у меня были такие же шрамы, – с завистью проговорил он.
– Поссоришься с богами – будут, – мрачно пообещал Вакар. – Думаю, будь на то воля Первохода, он бы с радостью поделился с тобой своими шрамами. – Вакар отхлебнул олуса, заел куском вяленой рыбы и проговорил с набитым ртом: – Глеб сказал, что вы поймали какую-то тварь?
Ставр кивнул:

– Угу.
– И где же она теперь?
– Мы продали ее хозяину Порочного града за десять серебряных дирхемов.
– Вот как. – Кузнец прищурился. – Значит, вы теперь богачи?
Ставр слегка покраснел.
– Если честно, то я не заслужил этих денег, – сказал он. – Первоход спас меня. Это он поймал тварь. Но он не хочет забирать свои деньги.
– Это на него похоже, – согласился Вакар, взялся за кувшин и вновь наполнил кружки олусом.
Полчаса спустя Ставр сидел за столом, подперев рукою щеку и горько о чем-то размышлял.
– Что с тобой, Ставр? – с пьяной хрипотцой спросил Вакар.
Парень шмыгнул носом и ответил дрогнувшим голосом:
– Я привел людей в Гиблое место, но не сумел уберечь их. Тварь убила моих ведо́мых.
– Рано или поздно это случается с каждым ходоком, – изрек кузнец.
– А с Первоходом? С ним такое бывало?
– А как же. – Вакар нахмурился и назидательно изрек: – Гиблое место не прощает ошибок, парень. А ошибаются все.
Ставр вздохнул.
– Не утешай меня, Вакар, – с горечью произнес он. – Я плохой ходок. Если бы не Первоход, тварь растерзала бы и меня. А он... Видел бы ты, как ловко он с ней справился. Первоход никогда ничего не боится, а я... Я часто боюсь.
– Все боятся, парень. Все.
Ставр покачал головой:
– Нет. Глеб не боится. А я так сильно их боюсь... И волколаков, и оборотней... И даже упырей. Они такие... страшные. – Ставр вытер рукою мокрый нос.
Кузнец насмешливо посмотрел на шмыгающего носом парня и сказал:
– Э, парень, да ты, я вижу, поплыл. Ложись-ка спать, Ставр.
– Я не хочу спать.
– Зато я хочу. Да и лучина почти догорела. На печку тебя, уж извини, не пущу. А вот тюфяк дам.
– Я могу и без тюфяка...
– Никаких! – мотнул головой Вакар. Он обнял молодого ходока за плечи, вздохнул по-стариковски и сказал: – Хороший ты парень, Ставр. Только глупый.
– И что ж теперь мне делать? – спросил Ставр.
Кузнец пожал плечами и хмыкнул:
– Да ничего. С Первоходом все умнеют. Поумнеешь и ты. Если только не помрешь по пути.

6

Ночь была глубокая, темная и ветреная. Луну и без того ущербную затянули тучи, и света ее едва хватало для того, чтобы разглядеть собственную вытянутую руку.

Глеб, закутавшись в плащ, шагал к центру города, где, примыкая одной стеной к высокому частоколу, огораживающему княжий двор, располагалась темница, а чуть поодаль от нее – страшный пыточный дом, в котором дознаватели выбивали из узников признания.

Поступь Глеба была легка и упруга. Он чувствовал давно забытое волнение от ощущения неминуемой и смертельной опасности. И, как ни странно, это было приятно. Он словно бы очнулся от спячки и помолодел лет на пять.

Вот и пыточный дом. Глеб откинул полы плаща, одним прыжком, как большая темная птица, перелетел через колья ограды и мягко, по-кошачьи, приземлился на землю. Быстро огляделся. Вокруг было тихо и спокойно.

Глеб поправил на спине кобуру с ольстрой и бесшумно двинулся дальше.

* * *

Кулак дознавателя Пырея, обмотанный грубой тряпкой, хлестко врезался в челюсть привязанного к лавке чернобородого мужика, одетого в окровавленную, порванную рубаху. Голова мужика мотнулась в сторону, из разбитого рта на стену брызнула кровь.

Пырей рослый, широкоплечий, могучий, как скала, посмотрел на стену, нахмурился и устало пробурчал:

– Ну вот. Стену испачкал, дурак. Теперь придется замывать.

Мужик на стуле вытер окровавленную бороду о плечо и взглянул на дознавателя.

– Зря бьешь. Все равно ничего не скажу.

– Не скажешь?

Мужик качнул головой:

– Нет. Ничего не видел, ничего не знаю.

Пырей покачал головой и с досадой заметил:

– Дурак. Полный дурак. Пойми же ты, дурья башка, я помочь тебе хочу.

– Да ну? – Мужик прищурил заплывшие синяками глаза. – И как же это?

Пырей наклонился к мужику и прошептал ему на ухо:

– Расскажешь, кто был с тобой в лабазе, и сделаю тебе послабление.

– Какое? – насторожился мужик. – Избавишь меня от подземелья?

Пырей сдвинул брови и мотнул головой:

– Нет, брат. Этого я тебе обещать не могу.

– В чем же тогда твое послабление?

– А в том, что подельничков твоих я закую в кандалы и брошу в ледяной подвал. Там они и кончатся. А тебя, дурака, я определю в сухую клетку и прикажу давать тебе столько ржаного хлеба, сколько сможешь съесть. А через годик, глядишь, и отпущу. Если, конечно, будешь хорошо себя вести.

Мужик медленно, с натугой усмехнулся. От усилия из его разбитых губ вытекла струйка крови и скрылась в лохматой, побагровевшей бороде.

– Нешто я не знаю, что в подземелье больше года никто не живет, – проговорил мужик с горькой усмешкой.

Пырей вздохнул.

– Жалко мне тебя, Владияр. Пропадешь ты. Сгниешь в подземелье, как раздавленный червь. А друзья-подельнички будут по кружалам сидеть да брагу с пирогами трескать. А об тебе, болване, даже не вспомнят.

– Может, и не вспомнят, – угрюмо проговорил мужик. – А может, и вспомнят.

Пырей выпрямился.

– Ладно, – вздохнул он. – Утомил ты меня, брат. Витчак! Нур! Хлыщ!

Дверь распахнулась, и в пыточную комнату вошли три дюжих молодца в шерстяных поддевах, поверх которых красовались кожаные фартуки – такие же, как на Пырее.

– Берите этого лебеда и тащите его в темницу, – распорядился Пырей.

Молодцы быстро отвязали мужика от лавки, подхватили его под руки и выволокли из комнаты.

– Уф-ф... – Пырей стянул с кулаков тряпки и швырнул их на лавку. Затем взял со стола чистый рушник и отер потное лицо. – Совсем утомил, леший.

Дознаватель взял со стола кувшин с квасом и наполнил кружку до краев. Затем медленно, с толком, расстановкой и удовольствием выпил весь квас.

В дверь стукнулись.

– Чего там еще? – недовольно буркнул Пырей.

Дверь приоткрылась, и в щель всунулась конопатая рожа помощника Хлыща.

– Пырей, там к тебе человек от Крысуна Скоробогата, – доложил Хлыщ, с завистью

глянув на кувшин.

Дознаватель нахмурился.

– Человек? Что за человек? Зачем?

– Зачем – не сказал. Привести, что ли?

– Оружие у него при себе есть? – поинтересовался Пырей.

– Меч, кинжал да сумка с деревяшкой.

– Заберите, а после отдадите!

Парень покачал головой:

– Не, деревяшку не отдаст. Говорит – на ней послание от Крысуна нацарапано.

Пырей подумал и махнул рукой.

– Ну, леший с ней, с деревяшкой. Веди так.

– Слушаю!

Голова Хлыща скрылась за дверью. Пырей сел на лавку и снова отер лицо.

Интересно, чего это понадобилось хозяину Порочного града? Никак, работенку хочет предложить? Но какую?

Пырей нахмурился.

Небось, кто-нибудь из людишек спер у него дорогую вещицу, а дознаться, кто именно, Крысун Скоробогат не может. Вот и решил обратиться к умелому и опытному человеку. Что ж, можно и на Крысуна поработать. Хоть на лешего – только бы заплатил!

Дверь открылась, и в комнату вошел человек. Вошедши, тотчас повернулся к Пырею спиной, да так быстро, что дознаватель не разглядел его лица, и запер за собою дверь.

Пырей напрягся и положил пальцы на рукоять тяжелого ножа-косаря, висевшего у него на боку.

Человек повернулся, и Пырей вздрогнул. Длинные каштановые волосы, смуглое лицо, тонкий нос с горбинкой, насмешливые глаза. Да ведь это же...

– Первоход! – выдохнул Пырей.

Незванный гость кивнул.

– Угадал.

Пырей облизнул пересохшие от волнения губы.

– За твою голову обещана большая награда, – глухо сообщил он.

– И ты собираешься ее получить?

Пырей прищурил глаза и покосился на приклад ольстры, торчащий у входа из-за плеча.

– На ольстру свою не надейся, – грубо протянул он. – Стрельнешь раз, стрельнешь другой, а на третий мои парни выхватят булавы и вышибут из тебя дух.

Глеб посмотрел на дознавателя спокойным взглядом и сказал:

– Я не собираюсь ни в кого стрелять. – Он поднял ладони вверх. – Видишь? Я просто хочу поговорить.

Пырей недоверчиво блеснул глазами.

– Поговорить? Что ж...

Пырей вдруг дернул рукой, намереваясь двинуть гостя кулаком в челюсть, но Глеб легко перехватил его руку и сжал ее в пятерне. Пырей тихо вскрикнул и поморщился от боли.

– Еще раз так сделаешь – убью, – холодно отчеканил Глеб, глядя дознавателю в глаза.

Пырей выдернул руку, потер запястье и болезненно поморщился.

– Силен же ты, Первоход, – неприязненно процедил он. – А с виду и не скажешь.

В дверь стукнулся помощник Хлыщ.

– Пырей, у тебя все в порядке? – окликнул он.

Дознаватель глянул на хмурое лицо Первохода и громко ответил:

– Да! – Затем чуть прищурился и спросил, понизив голос почти до хриплого полупшепота: – Ну? И что тебе от меня нужно, ходок?

– Прикажи привести сюда Ольстру, дочь Вакара-кузнеца, и ее сынишку, – потребовал

Глеб.

– Ты, верно, не понимаешь, о чем просишь. Ее сын – нелюдь.

– Я об этом слышал.

– Он тварь. Чудовище. Он заслуживает того, чтобы его разорвали на части.

– Это твое мнение, и мне на него плевать. – Глеб вынул из кобуры ольстру, наставил на дознавателя и сказал: – Я буду считать до пяти, Пырей. На счет пять я разможжу тебе голову.

Дознаватель побледнел, но качнул головой и угрюмо напомнил:

– Ты этого не сделаешь. Ты ходок и убиваешь только темных тварей.

– Для меня ты и есть темная тварь, Пырей.

– Я сделал тебе что-то плохое?

Глеб холодно усмехнулся.

– Ты мучаешь людей, дознаватель. Темные твари – тоже.

– Я мучаю лишь тех, кто преступил закон.

– Это ты так думаешь. А те, кому ты выламываешь руки, думают иначе.

– По-твоему, они заслуживают пощад лишь потому, что вызывают в твоём сердце жалость?

– Я не собираюсь спорить с тобой, Пырей. Распорядись привести сюда Ольстру и ее сына. Если ты не сделаешь этого, я тебя убью. Считаю до пяти. Один... Два...

– Ты не посмеешь меня убить.

– Три.

– Остановись, пока не поздно!

– Четыре...

– Хорошо! – выдохнул Пырей. – Хорошо, я сделаю, как ты просишь! Но ты все равно не сможешь выбраться из пыточного дома.

– Тогда тебе не о чем волноваться, – с усмешкой заявил Глеб. Он качнул стволом ольстры. – Давай, дознаватель, не тяни время. И не делай глупостей.

– Хлыщ! – гаркнул Пырей. – Хлыщ!

Дверь приоткрылась, и в щели появилась лохматая голова помощника:

– Звал, Пырей?

– Приведи ко мне дочку кузнеца и ее ублюдка.

– Ты уверен? После последней пытки они едва не померли от мук. Может, дать им чуток отдохнуть?

– Спорить будешь, смерд?! – раскатисто прорычал Пырей. – Веди, сказал!

Хлыщ поспешно скрылся за дверью. Дознаватель уставился на Глеба.

– И все же не понимаю, – вздохнул он. – Ты много лет убиваешь темных тварей. А когда я, княжий дознаватель, занялся тем же, ты угрожаешь мне смертью. Где справедливость?

Глеб нервно дернул щекой.

– Я уже сказал тебе, что не желаю спорить.

– Но...

– Просто захлопни пасть и жди.

Лицо Пырея стало еще угрюмее.

– Если ты убьешь меня, тебе никогда не будет прощения. Княжьи ловчие достанут тебя из-под земли.

Глеб усмехнулся.

– Однажды они уже пытались это сделать. Но, как видишь, у них не получилось.

– Тебя схватят, Первоход. Схватят и приведут ко мне. И тогда я...

Дверь открылась, и двое вооруженных до зубов охоронцев ввели в комнату окровавленную, распухшую от синяков женщину и крохотного мальчика.

Глеб быстро прикрыл ольстру полой плаща.

– Ступайте! – приказал охоронцам Пырей.

Те повернулись и молча вышли из пыточной. Дознаватель взглянул на Первохода:

– И что дальше?

– Дальше? А дальше ты будешь спать. – Глеб, холодно улыбнувшись, шагнул к дознавателю и ударом приклада в челюсть вышиб из верзилы Пырея дух.

* * *

Когда двадцать минут спустя Глеб, крепко прижимая к себе малыша, помог девушке перебраться через забор, он был весь перепачкан кровью и слегка прихрамывал.

Вакар и Ставр соскочили с телеги, оставив на ней закутанного в темный плащ возчика, и быстро зашагали ему навстречу.

– О, боги, доченька! – Вакар прижал к себе девушку и поцеловал ее в лоб. Затем отпрянул, не давая дочери разрыдаться, и коротко приказал: – Ступай к телеге, я принесу внука.

Взяв у Глеба дрожащего малыша, Вакар повернулся и пошел к телеге. Пока он укладывал Ольстру и внука на сено и прикрывал их рогожей, Глеб стоял рядом с телегой. За последние полгода он отвык от сражений с людьми, и сейчас его слегка мутило от пролитой человеческой крови.

– Как все прошло, Первоход? – тихо спросил его Ставр.

– Нормально, – сухо ответил Глеб.

– Ты кого-нибудь убил?

– Надеюсь, что нет.

Надежно укрыв дочь и внука, Вакар повернулся к Глебу и сказал:

– Я ценю то, что ты сделал для нас, Первоход.

– Ты знаешь, почему я это сделал, кузнец, – напомнил Глеб.

Вакар кивнул:

– Да. – Он повернулся к телеге, откинул кусок рогожи и поднял роскошные, инкрустированные серебром ножны. Протянул Глебу и сказал: – Это мой лучший меч. Я заговорил их двенадцатью заговорами. Ни одна тварь не устоит перед этим всерубом. Возьми его, Первоход.

Глеб взял меч и слегка вытянул клинок из ножен.

Голомень клинка была украшена золотым гравированным узором, изображавшим сцены сражений с нечистью. Наверное, рукоять и перекрестье меча были украшены серебром и золотом.

– Этот меч стоит целое состояние! – восхищенно воскликнул Ставр.

– Верно, – кивнул Вакар, не глядя на Ставра. – Но никакие деньги не могут оплатить того, что ты для меня сделал, Первоход. Вот, держи.

Вакар взял левую ладонь Глеба и вложил в нее теплый, гладкий камушек.

– Благодарю тебя за дочь и внука, Первоход. Пусть боги помогут тебе совершить то, что ты должен. Прощай и ты, ходок Ставр.

Вакар запрыгнул на телегу, и одетый в черное возчик тронул лошадей. Через несколько секунд телега, затухающе гроыхая ободьями по каменистой дороге, растворилась во тьме.

Глава третья

1

Воевода Видбор оказался прав. После очередной просьбы подождать платы до следующей седмицы работники побросали молотки и топоры и ушли восвояси.

Матушка Евдокия сидела на лавке, пригорюнившись. Она ума не могла приложить, что же делать теперь. Строительство храма откладывается. Мальчика в Гиблое место везти не с кем – провожатого она до сих пор не нашла. Как же выпутаться из этих сетей? Кого позвать

на помощь? Где раздобыть денег?

Во двор недостроенного храма, на приступочках которого сидели, негромко переговариваясь, оборванцы и бродяги, вошел высокий человек, закутанный в серый, запыленный плащ.

Евдокия рассеянно скользнула взглядом по его фигуре и снова отвела взгляд. Она была слишком погружена в свои мысли, чтобы разговаривать со странниками. Однако избежать разговора не удалось, ибо странник заговорил сам:

– Приветствую тебя, красавица! – сказал он, не снимая с головы серого наголовника-капюшона.

Прекрасные темные глаза девушки обратились на него.

– Здравствуй, странник, – рассеянно и не слишком приветливо отозвалась она. – Да будет тебе известно, что ты говоришь с матушкой Евдокией, будущей настоятельницей храма Святого Андрея Первозванного.

– Но это не мешает тебе быть красавицей, – весело заметил странник. – Не подашь ли ковш воды усталому путнику?

Евдокия окинула его фигуру более внимательным взглядом. Под плащом явно угадывался меч. Матушка усмехнулась.

– Ты всегда приходишь в храм с оружием? – поинтересовалась она.

Странник качнул головой.

– Нет. Но издалека твой храм похож на большую недостроенную избу.

– Если ты не заметил, на шесте воздет крест, – вспыхнув, возразила Евдокия.

– Правда? – Странник задрал голову, посмотрел на крест, потом перевел взгляд на Евдокию и все тем же спокойным, чуть насмешливым голосом заявил: – Я, и в самом деле, его не заметил. Так что насчет воды, матушка? Я умираю от жажды.

Проповедница поднялась с лавки и прошла под навес. Зачерпнула из бочки воду и поднесла ковш страннику.

– Держи.

Напившись, он вернул ей ковш и вежливо спросил:

– Ничего, если я тут немного посижу? День выдался жаркий, и дорога здорово меня утомила.

– Сиди, сколько хочешь, – сказала Евдокия.

– Благодарю тебя.

Странник отошел к остальным бродягам, которые взглянули на него без всякого интереса, и тоже сел на приступочку. Евдокия поняла, что он кого-то дожидается. Что ж, пусть ждет здесь, коли ему так хочется.

Проповедница опустила на лавку и продолжила свои грустные размышления. И тут с дороги, проходившей за недостроенным храмом, послышался громкий конский топот. Не прошло и минуты, как семь всадников вынырнули из-за угла, свернули с дороги и направили коней к храму. Въехав в подворье, они осадили коней.

Вершник – невысокий, кривоногий, коренастый – спешился и, окинув взглядом бродяг, вытер потный лоб рукавом рубахи, поверх которой поблескивала чешуйчатая броня. Физиономия незнакомца лоснилась от пота и грязи. Видимо, скакать пришлось издалека. Нос был широк, а на одной ноздре виднелся рваный шрамик, будто кто-то начал рвать ему ноздри, но в последний момент остановился.

– Эй, оборванцы! – грубо окликнул он. – Где тут Евдокия?

– Если вы ищите матушку Евдокию, то это я!

Проповедница поднялась со скамьи и шагнула вперед. Незнакомец взглянул на нее и ухмыльнулся.

– Значит, «матушка»? – Кривоногий поглядел на своих спутников и насмешливо произнес: – Слыхали, братва? «Ма-атушка»!

Всадники захохотали. Незнакомец вновь повернулся к Евдокии.

– Меня зовут Малюта, – грубым, чуть пришепывающим голосом известил он. – Я

слыхал, к вашей общине прибился мальчишка. Где он?

Веки Евдокии тревожно дрогнули.

– Не понимаю, о ком ты говоришь, – ответила она.

Малюта прищурил черные, косоватые глаза.

– Этот мальчишка пришел из Гиблого места. Мне нужно на него взглянуть. Покажи, где он!

– Здесь нет никакого мальчишки, – повторила Евдокия недрогнувшим голосом. – Ты ошибся.

– Вот как? – Малюта оглядел ладную фигурку проповедницы, остановил взгляд на ее высокой груди, и разбойничья физиономия его залоснилась. – Ладно, с мальчишкой разберемся позже, – сказал он. – А пока...

Малюта ухмыльнулся, обнажив темные, слюнявые десны, затем быстро схватил Евдокию за ворот платья и резко рванул вниз. Черное платье с треском разорвалось, обнажив белую, крепкую грудь матушки Евдокии. Разбойник протянул руку к ее обнаженной груди, но Евдокия отскочила, испуганно закрываясь лоскутом.

– Что же вы творите, ироды? – крикнул один из бродяг, сидевших на приступке.

Малюта повернул голову на голос.

– Кто это сказал?

Сутулый, лысоватый бродяга, одетый в лохмотья, поднялся с приступочки.

– Я, – ответил он, глядя на разбойника блестящими от волнения, гнева и испуга глазами.

Малюта прищурился.

– Смелый бродяга. Так как ты меня назвал, я не расслышал?

– Ирод.

Разбойник усмехнулся и вдруг выхватил из ножен саблю и рубанул бродягу по голове. Кровь брызнула тому на лицо, и он тихо осел в пыль.

– Малюта, берегись! – крикнул один из всадников.

Разбойник повернулся к Евдокии и, вздрогнув, быстро отскочил в сторону. Евдокия, ткнув вилами воздух, резко повернулась к нему, сжимая побелевшими пальцами гладкий черенок, и гневно выкрикнула:

– Уходи! Не уйдешь добром – заколю!

Несколько мгновений Малюта изумленно смотрел на вилы, потом усмехнулся и хотел отпустить очередную шутку, но тут кто-то негромко проговорил у него за спиной:

– Лучше послушайся ее, Малюта. Иначе этот день станет твоим последним днем.

Разбойник оглянулся.

– Кто это там вякнул? – резко спросил он.

С приступки поднялся высокий мужчина, закутанный в пыльный суконный плащ. Лицо его было скрыто под наголовником.

– Кто ты? – резко спросил его Малюта.

– Это не важно, – спокойно ответил незнакомец. – Ты ошибся храмом, парень. Забирай своих людей и уезжай отсюда.

– А ежели не уеду?

Незнакомец не ответил. Он стоял в пяти шагах от Малюты, чуть расставив ноги, и от фигуры его веяло уверенностью и силой. Малюта сглотнул слюну. Он было слегка заволновался, усомнившись на мгновение в своей силе и в своих полномочиях, но наткнулся на взгляды спутников и снова выпятил грудь.

– Не знаю, кто ты такой, – хрипло прокаркал он, – но ежели ты не заткнешь пасть и не сядешь на место, я выпотрошу тебя, как курицу!

Всадники загоготали. Видя, что наглец в плаще продолжает стоять, и ободренный поддержкой ватаги, Малюта выхватил из ножен кривой печенежский меч и шагнул к незнакомцу. И тут что-то стремительно просвистело в воздухе и с отвратительным чавкающим звуком вонзилось Малюте в горло. Малюта выронил меч и пластом рухнул в

пыль.

– Нож-летун! – завопил кто-то из всадников.

– Бродяга убил Малюту! – крикнул второй и схватился за меч.

Незнакомец резко повернулся к нему и едва заметно дернул рукой. Разбойник вскрикнул и повалился с коня на землю, так и не успев достать меч. Из груди его торчала рукоять метательного ножа.

Трое разбойников, изрыгая проклятия, спрыгнули с коней и бросились на незнакомца. Тот откинул полу плаща и с лязгом выхватил из ножен меч. Разбойники окружили его, гневно сверкая глазами и выставив перед собой кривые мечи.

– Я отрублю тебе башку, бродяга! – прорычал один из них, огромный и волосатый, как медведь. – Отрублю и наткну на шест!

Незнакомец молчал, внимательно отслеживая передвижения разбойников.

Волосатый бросился вперед. Клинок незнакомца со свистом рассек воздух, и правая рука разбойника, сжимающая меч, отвалилась от тела и грохнулась в пыль. Кровь фонтаном ударила из раны, и разбойник, зажав обрубок уцелевшей рукой, попятился к коням.

Незнакомец снова взмахнул мечом, и второй разбойник рухнул наземь с разбитой головой. Третий разбойник бросился на него, но незнакомец легко увернулся и точным ударом рассек нападающему мечом бедро.

Еще несколько разбойников хотели спешиться, но страшный незнакомец повернулся к ним и громко сказал:

– Не стоит рисковать жизнью, ребята. Лучше забирайте своих мертвецов и уезжайте.

Разбойники нерешительно переглянулись.

– А ты не тронешь нас, пока мы будем их забирать? – спросил один из уцелевших.

Незнакомец качнул головой:

– Нет.

Он опустил меч и отошел на пару шагов. Двое разбойников, опасливо поглядывая на него, спешились с коней. Пока они грузили мертвых и раненых, незнакомец стоял в стороне с опущенным мечом. Лица его по-прежнему не было видно.

Закончив погрузку, разбойники забрались на коней.

– Кто ты, незнакомец? – спросил один из них. – Назовись нам.

– Я охотник, – последовал ответ. – Просто охотник. А теперь уезжайте. Если вы вернетесь снова, я убью вас всех.

Всадники повернули коней.

– Мы еще свидимся, охотник! – крикнул один из них.

– Не думаю, – холодно отозвался тот. – А если свидимся, то мой меч будет последним, что вы увидите в жизни.

Засвистели нагайки, загикали хриплые голоса. Кони, стуча копытами и подняв облака пыли, помчали разбойников к дороге. Свернув за храм, ватага скрылась из виду.

Незнакомец в плаще старательно отер меч пучком травы и вложил его в ножны.

2

Труп убитого Малютой бродяги унесли на ледник. Евдокия вернулась на подворье и взглянула на охотника. Он сидел на приступке и потихоньку камлал, сунув в рот набитую травой горящую палочку и выпуская дым из нее в воздух.

– Я не знала, что ты шаман, – сказала Евдокия, усаживаясь рядом.

– Я не шаман, – ответил охотник.

– Тогда почему ты камлаешь?

Он усмехнулся.

– Это называется сигаретой. Я скручиваю ее из высушенного бутового листа и набиваю сухой бутовой травой.

– И для чего она тебе?

Охотник пожал плечами и ответил:

– Успокаивает. Что будет с тем мертвым парнем? Похоронишь его по христианскому обычаю?

Матушка Евдокия кивнула.

– Да. Драган был хорошим христианином и смелым человеком.

– Думаю, ему это зачтется на небесах. Я прав?

Евдокия нахмурилась.

– В твоём голосе слышится насмешка, – тихо сказала она.

– Что ты. Я никогда не смеюсь над чужой смертью.

– Но мне показалось, что ты смеешься над моей жизнью.

Охотник промолчал, лишь выпустил изо рта облако косматого дыма и посмотрел, как расплывается оно в воздухе. Евдокия выждала чуток – не скажет ли он чего?... Не сказал. Она хотела подняться, но тут охотник повернулся к ней и негромко произнес:

– Этот мальчик, про которого говорил Малюта, он ведь по-прежнему живет с тобой?

«Нет», – хотела сказать Евдокия, но неожиданно для себя призналась:

– Да. Он сейчас в доме.

– Он твой родич?

Матушка Евдокия покачала головой.

– Нет. Он прибился к нашей общине несколько месяцев назад.

– Сколько ему?

– Годков десять-одиннадцать. А зачем ты спрашиваешь? – насторожилась Евдокия.

Охотник пожал плечами:

– Да ни за чем. Просто из любопытства. Ты не решилась отдать его, даже когда разбойник убил Драгана. Значит, этот мальчишка очень ценен для тебя.

По лицу матушки Евдокии пробежала тень.

– Ты думаешь, что я бездушная? Думаешь, что мне плевать на Драгана?

– А разве нет?

– Драган теперь в лучшем мире. Моя жалость – это жалость о себе, а не о нем. А жалеть себя я не хочу.

Охотник выдохнул очередное облачко дыма и сказал:

– Мне нравится твоя уверенность. Кстати, почему разбойник расспрашивал тебя об этом мальчике?

– Не знаю, – ответила Евдокия.

– А почему он не играет на улице? Разве не глупо в такой теплый и солнечный день сидеть в душной избе?

– Мальчик сильно хворает, – хмуро проговорила проповедница. – Лекарь отказался его лечить, а вещунья предрекла ему скорую смерть.

Охотник чуть повернулся и спросил:

– Неужели ничего нельзя сделать?

– Нет, – качнула головой матушка Евдокия. – Впрочем, есть один способ. Но одной мне он не по силам.

– И что это за способ?

– Вещунья сказала, что я должна отвезти его в Гиблое место. Там ему станет лучше.

– Вот как? И как звали вещунью, которая посоветовала тебе такую жестокую глупость?

– Голица-повитуха.

– Гм... – Охотник выпустил еще одно облачко дыма, затем швырнул огрызок палочки на землю и наступил на него сапогом.

– Я слышал про Голицу, – сказал он затем. – Люди говорят, что она никогда не ошибается.

– И что ты думаешь о ее совете? – поинтересовалась Евдокия.

Несколько секунд охотник молчал, а затем сказал:

– Думаю, тебе не стоит совать нос в Гиблое место.

– Я знаю, что там опасно и...

– Ты даже не представляешь, *насколько* там опасно, – перебил охотник. Длинные ресницы проповедницы обиженно дрогнули.

– А ты сам-то там был? – с вызовом спросила она.

– Приходилось, – ответил охотник. Глаза Евдокии замерцали.

– Значит, ты знаешь, как туда добраться?

– Знаю.

– И можешь отвести меня туда?

Охотник замолчал, осознав свою оплошность. Евдокия выждала чуть-чуть, а затем приблизила свое лицо к лицу охотника, укрытому под капюшоном, и с горечью проговорила:

– Никто из ходоков не хочет меня туда вести!

Охотник усмехнулся.

– Я их понимаю, – сказал он. – Гиблое место – не для женщин и детей. Даже опытные охотники предпочитают обходить его стороной.

– Но ты ведь там был! – взволнованно сказала Евдокия, пытаясь разглядеть лицо охотника под темным капюшоном.

– Я был вынужден туда пойти, – возразил охотник.

– Тебя загнала туда злая необходимость? Понимаю. Но и меня туда гонит она же!

Евдокия замолчала, ожидая, что скажет охотник. Но охотник молчал. Тогда матушка Евдокия нахмурилась и твердо произнесла:

– Я все равно туда пойду. С провожатым или без провожатого – но пойду. Мальчику с каждым часом становится хуже. Если я не пойду туда, его смерть будет на моей совести.

Охотник помолчал немного, потом спросил:

– Ты так сильно веришь словам вещуньи? Но ведь Гиблое место большое. Откуда ты знаешь, куда идти?

– Голица дала мне лешью указку, – быстро проговорила Евдокия, все больше волнуясь. – Это кошачья косточка, которая...

– Я знаю, что это такое, – перебил ее охотник. – Но даже лешья указка не защитит тебя от опасности. Ты погибнешь, не пройдя и пары верст.

Щеки Евдокии запунцовели, она резко подалась вперед и, прижав руки к груди, воскликнула:

– Так проводи меня туда, охотник! Ты спас меня один раз, спаси и во второй!

С минуту охотник молчал. Казалось, возбуждение Евдокии передалось и ему. Наконец он разжал губы и неуверенно спросил:

– Значит, ты твердо решила пойти в Гиблое место?

– Да! – кивнула Евдокия.

– И ты пойдешь туда, даже если не найдешь провожатого?

– Будь уверен – пойду!

– И ты не побоишься?

– Я приняла Христа! А человек, принявший Христа, ничего не боится!

Охотник усмехнулся.

– Да, я про это слышал. Но среди тех, кто отправился в Гиблое место, были и христиане.

– Вот как? И где они теперь?

– Один помер и поднялся из земли упырем. Другой стал стригоем и начал сосать из людей кровь. Третий превратился в чудовище, и я убил его.

Евдокия прищурилась:

– Ты рассказываешь это нарочно, чтобы остановить меня?

– А это сможет тебя остановить? – осведомился охотник.

Она покачала головой:

– Нет.

Охотник помолчал, потом усмехнулся и холодно изрек:
– Странная ты баба, матушка.
Улыбнулась и Евдокия.
– Вот и ты назвал меня матушкой, – сказала она. – Отсюда один шаг до крещения.
– Один?
– Да, один.
– Неужели все так просто?
– Конечно! Святой Дух готов спуститься к каждому. Нужно только подставить ему плечо.
Охотник хмыкнул под своим капюшоном.
– Надо же. А мне всегда казалось, что вопросы веры – самые сложные вопросы.
– Сложные вопросы оставь ученым мужам и книжникам, – поморщилась Евдокия. – А вера требует лишь открытого сердца. Бог специально сделал путь легким, чтобы любой смог его пройти.
Охотник хотел что-то сказать, но сомкнул губы и насторожился.
– Что? – тревожно спросила Евдокия. – Что случилось?
– Сюда кто-то едет, – ответил он.
Евдокия тоже прислушалась. Несколько секунд она ничего не слышала, но затем и ее чуткий слух уловил отдаленный топот копыт.
– Это разбойники! – взволнованно воскликнула она. – Они возвращаются!
Охотник покачал головой и спокойно произнес:
– Нет, это не разбойники.
– А кто же?
Охотник усмехнулся и ответил:
– Тот, кто не причинит нам вреда.

3

Высокий широкоплечий парень, одетый в домотканую кросенцу и пыльную охотничью куртку, соскочил с телеги и крикнул:
– Глеб! Я достал телегу и лошадку. Лошадка – крепкая, как дубок!
– Тише, Ставр, – осадил его охотник, поднимаясь с приступки. – Разве ты не видишь, что я не один. Вот эта женщина – Евдокия. А это – мой приятель Ставр. Он ходок.
Парень, улыбаясь, протянул Евдокии руку. Она на секунду замешкалась, затем пожала протянутую руку и сказала:
– Матушка Евдокия.
– Матушка? – вскинул брови парень.
Она вежливо улыбнулась и пояснила:
– Я проповедница и будущая настоятельница храма. Все члены общины – мои дети.
Ставр посмотрел на калек, сидевших у недостроенного храма, затем нахмурился и вопросительно взглянул на охотника.
– Эти бродяги – не кровные дети матушки, – с усмешкой пояснил тот. – Они ее дети во Христе.
– Вот оно что! – облегченно проговорил Ставр. – Понимаю.
Однако по недоуменному лицу молодого ходока было видно, что понимает он очень мало, а говоря точнее – ничего не понимает.
– Не бери в голову, – коротко сказал Глеб. – Матушка Евдокия отправляется с нами в Гиблое место.
Лицо молодого ходока вытянулось от изумления.
– Как? – вымолвил он, не поверив собственным ушам. – Как с нами?
– Вот так. Думаю, у нас с тобой нет выбора. Она все равно пойдет туда, даже если не найдет провожатых.

Ставр сглотнул слюну и перевел взгляд на проповедницу.

– Неужто это правда?

– Правда, – кивнула Евдокия. – Мой приемный сын...

При слове «сын» Ставр снова посмотрел на грязных бродяг. Проследив за его взглядом, Евдокия улыбнулась и качнула головой.

– Нет, его среди них нет. Я говорю про маленького мальчика.

– Вот оно что. – Ставр вновь облегченно вздохнул. – И что же случилось с твоим приемным сыном, матушка Евдокия?

– Он захворал. И исцелить его сможет только Гиблое место.

Несколько секунд Ставр с удивлением смотрел на Евдокию, затем недоверчиво усмехнулся и проговорил:

– Что-то я не слышал, чтобы Гиблое место кого-то исцеляло. Превратить живого человека в жуткого упыря – это пожалуйста. Но исцелить...

– И все же это так, – сказал Глеб.

Ставр нахмурился, глянул на Глеба и тихо сказал:

– Первоход, можно тебя на пару слов?

Глеб извинился перед Евдокией, и они отошли в сторону.

– Послушай, Первоход, – начал Ставр, – эта матушка Евдокия...

– Она тебе не нравится? – спросил Глеб.

– Нет... Почему же... Но дело не в этом. Просто я не...

– Ставр, я сам не рад тому, что нам придется вести эту сумасшедшую в Гиблое место, – угрюмо проговорил Глеб. – Но я видел, как блестят ее глаза. Она и вправду потащится туда одна.

Парень задумчиво сдвинул брови.

– Даже не знаю... Неужто ее нельзя отговорить?

Глеб усмехнулся.

– Я уже пробовал. Но эта «матушка» крепка, как камень. Если мы не поможем ей, она погубит и себя, и мальчишку.

– Что ж... тогда мы должны взять ее с собой.

Глеб кивнул, повернулся и направился к матушке Евдокии. Та поднялась ему навстречу.

– Когда мы выходим? – спросила она взволнованным голосом.

– Через час, – сухо ответил Глеб. – А пока... – Первоход огляделся. – Скажи-ка, я могу доверить деньги вот тому крепышу?

Матушка взглянула на тощего парня, с задумчивым видом грызущего ногти, и ответила:

– Да. Это Пронко, и он скорее отгрызет себе руку, чем обманет кого-нибудь.

– Так и я думал. Эй, паренек! Пронко!

Парень встрепенулся.

– Да, ты, – кивнул Глеб. – Поди сюда!

Парень торопливо подошел к охотнику и остановился, ожидая распоряжений.

Первоход достал из кармана пару серебряных резанок и протянул парню.

– Беги на торжок и купи еды. Вяленого мяса, сухарей, хлеба, икры, остролистого сладкого лука... В общем, бери то, к чему глаз прицепится. И выбирай только самое свежее, понял?

– Да.

– Ну, беги.

Пронко сжал деньги в кулаке, повернулся и, взяв с места в карьер, понесся к торжку. Матушка Евдокия задумчиво посмотрела на Первохода и вдруг спросила:

– Ты богач?

– Почти, – небрежно обронил Глеб.

Внезапно лицо Евдокии стало озабоченным, а на щеках проступил стыдливый румянец.

– Боже... – тихо пробормотала она. – Я совсем забыла про плату. Мне говорили, что работа ходока стоит дорого, а у меня сейчас совсем нет денег.

– Евдокия, мы...

– Но не волнуйтесь! – торопливо заверила его матушка Евдокия. – За северным яром у меня есть имение, доставшееся мне от отца. И если вы согласитесь забрать его, то я...

– Погоди-погоди, – прервал ее излияния Первоход. Он взглянул на Ставра и спросил: – Что ты думаешь про ее имение, ходок?

– Я думаю, что не возьму с нее ни медяка, – гордо проговорил Ставр. – Ведь мы и так идем в Гиблое место – с ней или без нее. А что думаешь ты, Первоход?

– То же самое, – сказал Глеб. – Мы не возьмем с тебя денег, проповедница. Не возьмем, потому что сами идем в Гиблое место. И хватит об этом.

Евдокия хотела еще что-то сказать, но Глеб от нее уже отвернулся. Он вынул из кармана холщовой куртки коробку с бутовыми сигаретами, глянул в сторону большака и задумчиво произнес:

– Интересно, скоро ли вернется парнишка? У меня уже брюхо сводит от голода.

4

В подземелье было холодно и царил полумрак, подсвеченный тремя воткнутыми в волглые стены факелами. Два охоронца, прозываемые Липа и Ивач, чувствовали здесь себя неуютно.

Они сидели на лавке в двух саженях от накрытой полотном клетки, из которой доносилось хриплое дыхание твари. Охоронец Липа, крутоплечий, с толстой, бычьей шеей, покосился на клетку и негромко пробурчал:

– Не нравится мне это чудовище, Ивач.

– Мне тоже, Липа, – отозвался второй. – Меня от каждой твари, которую привозят сюда ходоки, бросает в дрожь.

– И меня, – признался Липа. – Но от этой особенно. Как думаешь, почему Крысун запретил нам на нее смотреть?

Ивач усмехнулся в черную бороду.

– Известно почему. Вдруг мы всем разболтаем, что это за чудовище. Крысун не доверяет даже собственной тени, чего уж говорить про нас, простых охоронцев.

Липа вздохнул.

– Да, ты прав. Но, чуется мое сердце, что-то тут не так. – Липа снова покосился на клетку и хрипло добавил: – У меня нехорошие предчувствия, Ивач.

Ивач тоже посмотрел на клетку, затем отвел взгляд и хмуро процедил:

– Хватит тебе каркать, Липа. У меня даже голова вспотела от твоих речей.

– Говорю тебе: эта тварь себя еще покажет, – упрямо ответил Липа. – Помнишь чудовище, которое привезли из Гиблого места братья ходоки?

– С кусачей головой на хребте и жалящим хвостом?

– Ну.

Ивач помрачнел.

– Помню, – буркнул он. – Как такое забыть? Эта тварь сломала клетку и растерзала двух купцов. А почему ты об ней говоришь?

– А потому, что тогда у меня тоже было нехорошее предчувствие, – ответил Липа.

Несколько секунд оба молчали, настороженно поглядывая на клетку. Наконец, Ивач вздохнул и задумчиво пробормотал:

– Не знаю, что тебе и сказать, брат... Я слышал, Крысун хочет выставить против этой твари трех оборотней. Что, ежели мы на нее поставим?

– На эту тварь?

– Ну.

– Гм... – Липа поскреб пальцами бородатую щеку. – А коли проиграемся? Что тогда?

- Ты ведь сам сказал, что у тебя предчувствие.
- Сказал, – согласился Липа. – Так, может, это оно и есть?
- Что?

– Да предчувствие. Поставим на эту тварь все деньги и проиграемся.

Чудовищный рык потряс клетку и заставил охоронцев испуганно схватиться за бердыши. Рык утих. С минуту охоронцы молчали, затем Ивач почти прошептал:

- А я все ж поставлю. Сроду не слышал, чтобы тварь так рычала. Настоящее чудище.
- Да уж, – напряженным голосом отозвался Липа.

Еще несколько секунд оба молчали, а потом вдруг Ивач сказал:

- Слушай, Липа, а давай на него посмотрим?

Липа вскинул брови и возмущенно заявил:

- Сбрендил? Крысун ведь запретил!

– Так мы ему не скажем, – заверил его Ивач. – Глянем одним глазком, и все. Давай, а? У меня через две седмицы сестра замуж выходит, а денег на приданое нет. А так, глядишь, заработаю. Ну? Что думаешь?

Липа хмуро молчал, обдумывая предложение товарища.

- Одним глазком, – повторил Ивач. – И потом, тебе ведь тоже деньги нужны.

- Ладно, – согласился, наконец, Липа. – Приподнимем край рогожи, глянем – и все.

- И все, – кивнул Ивач.

– Только тихо, – сказал Липа. – Не приведи Белобог, чтобы кто-нибудь узнал. Если Крысун пронюхает, что мы смотрели на чудовище, он скормит нас своим псам.

Охоронцы поднялись с лавки и, чувствуя себя неудобно и постоянно поглядывая по сторонам, осторожно подошли к клетке.

- Ну, давай, – тихо сказал Липа.

- Почему я? – удивился Ивач.

- Ты предложил, ты и открывай.

- А у тебя рука тверже, – возразил Ивач. – Да и боюсь я этих тварей.

- А я, думаешь, не боюсь? Да я с юности ими напуган!

- Но ты дольше служишь у Крысуна.

- Верно. Зато у тебя сестра выходит замуж. Приданое-то я за тебя буду покупать?

Ивач вздохнул:

– Твоя правда. Что ж, ради сестры... – Он обмахнул лицо охранным знаком против злых духов и протянул дрожащую от волнения руку к рогоже.

Дотронуться до ткани охоронец не успел. Край рогожи колыхнулся, и что-то быстрое и черное выскочило наружу. В то же мгновение Ивач отчаянно закричал и отпрыгнул от клетки, задрав кверху руку. Липа в ужасе уставился на нее. Пальцы были срезаны подчистую, и с обрубков текла на землю кровь.

Ивач снова завопил от ужасной боли и затряс рукой. Липа, вздрогнув, попятился к стене, но споткнулся об лавку и грохнулся задом на землю. Ивача хватило еще на несколько отчаянных воплей, после чего глаза его закатились под веки, и он рухнул на землю.

Потом началась страшная суета. По каменной лестнице затопали сапоги, подземелье наполнилось охоронцами, кто-то теребил Липу за плечо, лил Ивачу в лицо воду, а затем, в сопровождении начальника Избора, появился и сам Крысун Скоробогат.

Выслушав, в чем дело, Крысун усмехнулся тонкими губами и сказал Избору:

– Объяви, что яставляю против нового чудовища полдюжины оборотней. И повысь ставки. Сегодня мы неплохо заработаем.

- Сделаю, – кивнул Избор. – А что делать с Ивачем?

- Это кто?

- Тот, кому тварь обкусила руку.

Крысун Скоробогат покосился на корчащегося на земле охоронца и приказал:

- Этого скорми чудовищу.

- Как?

По тонким губам Крысуна вновь скользнула усмешка.
– Ну, это ведь его добыча. Пусть подкрепитесь перед боем.
Избор нахмурился.
– А что со вторым? – угрюмо спросил он. – Увести его отсюда?
Крысун покачал головой.
– Нет. Пусть сам накормит тварь своим приятелем. Впредь не будет нарушать моего указа.
– Не слишком ли это жестоко, Крысун?
– Ты хочешь отправиться в клетку вслед за этим придурком?
Избор качнул массивной головой:
– Нет.
– Тогда не задавай тупых вопросов. Отдай распоряжение и отправляйся за мной. Ты нужен мне наверху.

Крысун смахнул с багрового плаща невидимую соринку и направился к двери, не обращая внимания на отчаянные вопли Ивача, которого охоронцы пинками и тумаками подпихивали к клетке с тварью.

5

Купцы Маламир и Главан, оба осанистые, крепкие, бородатые, с хмурыми жесткими лицами, сидели за столом и потягивали сбитень. Эту комнатку в кружале хозяин отгородил специально для них, как для частых и щедрых посетителей. Оба купца бывали в кружале по три раза на седмицу, чтобы обговорить совместные торговые дела, и никогда не оставляли меньше полугорсти меди на двоих.

По ту сторону перегородки переминались с ноги на ногу трое голубоглазых охоронцев-свеев. Все трое – опытные воины, воевавшие прежде в дружине Эйрика и нанятые Маламиром за большие деньги.

Отхлебнув сбитня, Маламир поставил кружку на стол, взглянул на Главана острым, пронизательным взглядом и негромко пробурчал:

– Крысун заелся, Главан. Перетянул одеяло на себя, а нас всех оставил голыми. Я слышал, его добычки снова носят в Хлынь бурую пыль. И это в обход княжьего указа. Не говорю уже о разбойниках, которые едят у него с руки. За последние три месяца каждый второй караван с товаром был разграблен.

– Да, – согласился Главан. – Крысун распоясался. Даже Бава Прибыток так не наглел. Тот позволял каждому разрабатывать собственную делянку. Крысун – не то. Этот готов задушить за малую медяшку. И душит.

– Крысун сильно поднялся после смерти Бавы Прибытка, – сказал Маламир. – И князя ему бояться нет резона. Князь нынче слаб. Лежит в своих покоях и не кажет лица людям. Сказывают, его уж больше года никто не видел.

Главан слегка подался вперед, быстро глянул по сторонам и прошептал:

– Я так думаю, Маламир, нет уже князя в живых.

Маламир несколько мгновений молчал, слегка ошарашенный столь откровенными словами товарища, затем облизнул губы и признался, понизив голос:

– И у меня появлялись такие мысли, Главан.

Главан выпрямился на скамье, отхлебнул из кружки и хмуро изрек:

– Коли на власть надежды нет, то нужно действовать самим. Что твои swei?

– Я уже говорил с ярлом. Как только мы вручим ему кошель с золотом, он пришлет нам на подмогу полсотни своих отборных людей.

Главан нахмурился и с сомнением напомнил:

– У Крысуна почти сотня охоронцев.

– Да, но каждый из воинов ярла стоит десяти дикарей Крысуна.

– Это так. Но когда состоится сделка с ярлом? Я слышал, он сейчас воюет с Сигурдом в

поморских землях.

Маламир покачал головой.

– Уже нет. Завтра утром от него должен прибыть человек с верительной грамотой, заверенной печатью ярла. С ним мы и поговорим.

– А хватит ли у посланника полномочий для переговоров? И сможем ли мы верить его посулам?

Маламир помолчал немного, затем сказал:

– Не хотел тебе говорить, бо тайна сия не моя. Но, раз уж мы с тобой товарищи и задумываем совместный поход против Крысуна, скажу. Посланник, который прибудет завтра, – младший сын ярла. Его устами будет говорить сам ярл. И все обещания, которые даст посланник, будут обещаниями самого ярла. Кроме того, я говорил с купцами, братьями Заторами. Они полностью нас поддерживают и готовы внести свою лепту в общее дело.

Главан улыбнулся.

– Это хорошая весть, Маламир. Давай за это выпьем.

– Давай.

Купцы выпили, помолчали.

– И все же мой план был не так уж и плох, – снова заговорил Главан. – Мы можем подослать к Крысуну человечка с ядом. Одна капля зелья – и бедам нашим конец. И все по-тихому, без рек крови и свиста стрел.

Маламир покачал головой.

– Говорю тебе, Главан, Крысун хитер, как лиса, и чует опасность за версту. Наш человечек должен выслуживаться не меньше года, чтобы приблизиться к Крысуну на сажень. А за это время проклятый Крысун всех нас сотрет в порошок.

– И снова ты прав, Маламир, – согласился после небольших раздумий Главан. – Видать, моя голова совсем помутилась от беды и бессильной злобы, коли не понимаю таких очевидных вещей. – Он взглянул на перегородку. – У меня уже в пузе урчит от голода. Чего там хозяин тянет?

Маламир тоже посмотрел на перегородку и улыбнулся.

– Желает нам угодить. Лучше здешних молочных поросят во всем мире не сыщешь. Его повар вымачивает поросенка в травяном настое и винной кислятине, а после долго томит на углях, поливая давленными овощами. А когда снимает с углей, обмазывает корочку...

Чем именно обмазывает корочку повар, Маламир досказать не успел, поскольку оборвал свою речь на полуслове и тревожно прислушался к странным звукам за перегородкой.

– Что это там за возня? – недоуменно и недовольно спросил он.

Главан тоже прислушался, затем пожал крутыми плечами и сказал:

– Должно быть, что-то уронили.

– Но... – начал было Маламир, но в этот миг дверца перегородки открылась, и в комнатку вошел неизвестный человек.

Вошедший был высок, широкоплеч и сильно приметен из-за рыжих волос. За спиной незнакомец что-то прятал.

Купцы раскрыли было рты от удивления, но тут же взяли себя в руки, и Маламир строго спросил:

– Ты принес нам еству?

Рыжий покачал головой:

– Не совсем. Я не работаю в этом кружале.

Купцы переглянулись.

– Кто же ты такой? – удивленно спросил Главан.

Рыжий незнакомец улыбнулся.

– Меня зовут Рах, – сказал он.

Главан взглянул на Маламира – тот пожал плечами. Главан снова перевел взгляд на незнакомца и грубо осведомился:

– Твое прозвище должно нам о чем-то говорить?
Рах покачал головой:
– Не думаю. Пока оно вам неизвестно, как и другим купцам, промышляющим в городе. Но после нашей беседы его будут передавать из уст в уста.
– Что же такого удивительного ты собираешься нам сказать? – поинтересовался Главан.
– И где мои охоронцы? – угрюмо добавил Маламир.
– Охоронцы? – Рыжий снова улыбнулся, и улыбка его была настолько некстати, что купцам отчего-то сделалось не по себе.
– Один из охоронцев со мной, – сказал рыжий.
– И где же он? – осведомился Маламир.
Рах в третий раз улыбнулся, обнажив крупные, желтоватые, как это бывает у многих рыжих людей, зубы, и вдруг достал из-за спины руку и швырнул на стол какой-то большой, тяжелый предмет.
Маламир и Главан отпрянули от стола. Затем открыли рты и побледнели, до конца не веря собственным глазам. На столе лежала отрезанная голова старшего охоронца Аскольда.
– Простите, что не принес его целиком, – сказал Рах, посмеиваясь. – Слишком уж тяжел ваш богатырь.
Несколько секунд оба купца сидели как громом пораженные. Затем Маламир, будучи по натуре более мужественным, разомкнул спекшиеся от ужаса губы и хрипло спросил:
– Кто ты такой, Рах?
– Меня прислал к вам Крысун Скоробогат, – ответил тот. – Он просил вам кое-что передать.
– И что же?
– А вот что.
Рах спокойно вынул из тряпичных ножен, прикрепленных к поясу, небольшую черную палку, похожую на обломок посоха, и направил ее на Маламира. В комнатке сверкнула белая молния, и Маламир, вспыхнув, как свечка, рухнул на пол.
Рах направил палку на Главана. Тот вскочил было с лавки, но, поняв, что убежать не удастся, снова сел на лавку, взглянул рыжему убийце в глаза и сказал:
– Передай Крысуну, что я буду ждать его в черном царстве Нави.
– Обязательно передам, – пообещал Рах и нажал на спусковую панель выжигателя.

6

«Крысун... Ох, Крысун, Крысун... Имечко-то какое мерзкое».
Рах от кого-то слышал, что, прежде чем разбогатеть, Крысун был простым княжым охоронцем и занимался по большей части тем, что мучил и гнобил узников в подземелье. Потом он пошел в Гиблое место с Глебом Первоходом, набрал там чудных вещей и бурой пыли (местного наркотика, как понял Рах) и по возвращении разбогател.
Одного не понимал Рах – почему Крысун не сменил себе имя на более благозвучное? Впрочем, и этому можно было найти объяснение. По-видимому, Крысун был сентиментален и оставил себе прежнее имя из ностальгических соображений. Рах знал, что многие богатые люди, «сделавшие себя сами», тосковали по былым временам, когда еще были бедны, но молоды и полны сил, и когда весь мир лежал у их ног, хотя в кармане не было ни гроша.
Что ж, богатому человеку и Крысуном зваться не грешно. Как говорится, не имя красит человека, а человек имя.
Подходя к кружалу, Рах вновь задумался о предстоящем деле. Задача предстояла нелегкая, но, пожалуй, и не слишком сложная. Но, чтобы решить ее, необходимо было вернуться в Гиблое место. При воспоминании о чашобе, по которой он блуждал целую неделю, и о тварях, которые встретились на пути, Рах поморщился и передернул плечами.
Никакие силы не смогли бы заставить его вернуться в Гиблое место, если бы не сумка. Чтобы облегчить себе путь, Рах спрятал ее. Закопал под дерн и насыпал сверху валежника.

Эх, дурость, дурость... Хотя почему дурость? Откуда он знал, когда закапывал сумку, что рядом бродят темные твари? Он тогда даже не ведал об их существовании. Он, конечно, слышал, что какие-то зверюги воют в темноте, но мало ли кто там мог быть.

Рах вздохнул: ничего. Главное – найти хорошего проводника. Надежного, опытного, сильного. Рах набьет его карманы золотом. А потом, вернувшись в Порочный град, прикончит его и бросит в овраг.

Усмехнувшись, Рах распахнул тяжелую дубовую дверь и вошел в Большое Кружало.

Ходоков Рах увидел сразу. Лица их отличались от лиц прочей публики. Они были спокойны и угрюмы. А глаза их смотрели с холодной ясностью, как глаза зрячих путешественников, попавших в страну слепцов.

Выбрав самого покладистого на вид и узнав у целовальника его имя, Рах взял кружку с олусом и прошел к столу ходока. Сел на лавку и прямо взглянул на парня.

– Ты ходок Ясень? – спросил он.

Ходок, лобастый, широколицый, даже не поднял на Раха взгляд. Лишь проговорил небрежно:

– А кто обо мне спрашивает?

– Меня зовут Рах. Я новый охоронец Крысуна Скоробогата.

Ходок Ясень глянул на Раха спокойными, холодными глазами и спросил:

– И что тебе от меня нужно, Рах?

– Мне нужно, чтобы ты провел меня в Гиблое место.

Ясень несколько секунд разглядывал рыжего охоронца в упор, затем сказал:

– Я тебя не знаю.

– И что? Разве ты знаешь всех, кого водишь в Гиблое место?

Ходок качнул головой:

– Нет. Но твое лицо мне не нравится.

Рах усмехнулся:

– А ты водишь в Гиблое место только тех, кто тебе нравится?

Ходок спокойно кивнул:

– Именно так.

– Отчего же?

– Оттого, что Гиблое место не прощает ошибок. Я должен быть уверен в тех, кого веду.

А к тебе, охоронец Рах, я побоялся бы поворачиваться спиной.

«Проницательный», – с неудовольствием подумал Рах.

– Если тебе кажется, что я воткну тебе в спину нож, то ты...

– Я не поведу тебя в Гиблое место, – спокойно сказал Ясень. – Не поведу, и все. И закончим разговор.

Ходок снова взялся за свою кружку со сбитнем. Рах слегка покраснел.

– Но... – начал было он, однако проклятый ходок снова не дал ему договорить.

– Ступай с миром, охоронец, – сказал он. – Ступай с миром, ежели не хочешь драки.

Рах готов был разорвать ходока на месте, но сделал над собой усилие и подавил вспышку гнева.

– Ладно, – примирительно проговорил он. – Найду другого ходока.

– Твое право, – небрежно согласился Ясень и отхлебнул сбитня, потеряв к Раху всякий интерес.

Рыжий охоронец взял свою кружку и вернулся к стойке.

– Хочешь пойти в Гиблое место? – осторожно поинтересовался у него целовальник.

– Хочу, – мрачно обронил Рах.

– Зачем тебе это?

– Есть дело.

Целовальник взял очередной стакан и, натирая его рушником, заметил:

– Вряд ли кто-то из ходоков согласится с тобой идти.

– Это почему же? – вскинул брови Рах.

– Ходоки – народ подозрительный и прозорливый. Не будь они такими, давно бы сгнили в Гиблом месте. Если один из них тебе отказал, другие будут смотреть на тебя в два раза подозрительнее.

– Это мы посмотрим, – угрюмо пообещал Рах, оглядывая шумный зал кружала. – Как зовут вон того ходока? – спросил он.

– Которого? – прищурился целовальник.

– Вон, у вереи.

– А, этого. Жерец. Хороший парень.

– Пойду, попытаю счастья.

– Давай.

Рах снова взял кружку и прошел к столу за дубовой вереей. Сел за стол, взглянул на ходока холодными глазами и сказал:

– Ты ходок Жерец?

Парень, белобрысый, моложавый, смерил его спокойным взглядом и ответил:

– Я-то Жерец, а ты кто?

– Я хочу нанять тебя, – прямо и без церемоний заявил Рах. – Заплачу серебром.

Белобрысый ходок усмехнулся и покачал головой:

– Нет, парень. Ищи себе другого провожатого.

– Это почему же?

– Я только что из Гиблого места.

Рах сунул руку в карман кафтана, достал кошель с серебром и брякнул его на стол.

– Отдам тебе все, – коротко проронил он.

Белобрысый ходок улыбнулся и спросил:

– А не боишься показывать деньги? Народ здесь опасный.

– А ты? – прищурил зеленые глаза Рах. – Ты-то сам не боишься? Ходоки ходят порознь. Если на тебя кто нападет, помогать не станут.

– Я свое в Гиблом месте отбоился, – с мягкой улыбкой ответил ходок. – А на шее у меня амулет-оберег. Меня с ним ни одна тварь не тронет. А тем паче человек. А коли тронет – так останется не только без рук, но и без головы.

– Смотри, как бы тебе не оторвали этот амулет вместе с твой белобрысой башкой, – неприязненно предостерег Рах.

Ходок засмеялся, но глаза его остались холодными и неподвижными.

Когда Рах вернулся к стойке, гнев переполнял его. Ему снова отказали. Он готов был прикончить белобрысого ходока на месте, но не решился. Рах слышал, что у ходоков есть чудные вещи. Насколько он мог понять, эти вещицы обладают необычными свойствами. Кто знает, что случится, если он направит выжигатель на ходока?

Да и не только в амулетах было дело. Ходоки – это тебе не увальни-купцы. Они парни жесткие, опытные в драках, и реакция у них, конечно же, отменная. Рисковать Рах не хотел. Немного подождав и успокоившись, он решил попытать счастья в третий раз. Целовальник указал ему на ходока, сидевшего в углу кружала.

– Это Молчун. Тоже хороший парень. Он хочет жениться на дочке богатого купца, поэтому ему позарез нужны деньги. Если и он не согласится, то больше не пробуй.

Рах взглянул на невысокого, широкоплечего, угрюмого мужика, сжимающего в огромных ладонях кружку со сбитнем.

– У этого «хорошего парня» лицо человека, который сперва бьет, а уж потом говорит, – заметил он.

– Это только внешность, – заверил его целовальник. – А так, Молчун добрейший человек.

– Ну, ладно.

Рах поправил на поясе чехол с выжигателем и двинулся к столу. Когда он уселся на лавку, Молчун посмотрел на него взглядом, в котором не было ни любопытства, ни недовольства, ни приветливости – ничего. И от этой пустоты Раху стало слегка не по себе.

– Ты уже третий ходок, к которому я обращаюсь, – заговорил он прямо и грубо. – Прежние два, Ясень и Жерец, отказали мне. Но я все равно пойду в Гиблое место, с провожатым или без. Если хочешь заработать кошель с серебром, идем со мной.

Ходок молчал, глядя на Раха пустыми, ничего не выражающими глазами. Рах нахмурился и заговорил снова:

– Вижу, ты не можешь решиться, ходок. Но я тебе помогу. В Гиблом месте мой приятель оставил сумку, набитую золотом. Золота много. Очень много. Не меньше четверти пуда. Если поможешь мне найти сумку, я отдам тебе половину. Этого хватит, чтобы до конца дней жить припеваючи, да еще и детям твоим останется. Ну? Что скажешь, ходок?

Молчун разомкнул тонкие, будто спекшиеся от постоянного молчания губы и глухо проронил:

– У меня нет детей.

– Нет, так будут! – снова начиная раздражаться, сказал Рах. – Имея столько золота, можно получить в жену любую девку, какую только захочешь. Твоя купчиха будет мыть тебе ноги своими волосами, а ее отец будет бить тебе такие поклоны, что расшибет себе в кровь лоб.

Молчун прищурил свои пустые, ничего не выражающие глаза и спросил:

– Все сказал?

– Да, – кивнул Рах.

Ходок опустил взгляд на кружку и тихо обронил:

– Прочь.

– Что? – не понял Рах.

– Поди прочь, – повторил ходок.

Конопатое лицо Раха побагровело.

– Ты гонишь меня? – не поверил он своим ушам.

Молчун ничего не ответил, лишь поднял свою кружку и отхлебнул сладкого, пахучего сбитня. Губы Раха побелели от гнева. Он быстро вынул из чехла выжигатель и направил его на ходока.

– Это волшебный посох, – сказал он. – Стоит мне захотеть, и я испепелю тебя на месте.

– Валяй, – невозмутимо обронил Молчун.

Несколько секунд Рах молчал, борясь с желанием прикончить дерзкого ходока на месте, но постепенно интерес пересилил злость, и тогда Рах спросил:

– Ходок, неужели ты совсем не боишься смерти?

Молчун взглянул на Раха своими темными, бездонными и пустыми глазами и медленно, будто бы с трудом, ответил:

– Я ношу в своей душе частицу Гиблого места. Смерть меня не страшит. Умирать не больно, охоронец. Больно жить.

Молчун отвел взгляд, взялся за кружку и как ни в чем не бывало продолжал пить.

Рах сплюнул на пол, запихнул выжигатель в чехол и встал с лавки.

– Ну, как? – поинтересовался целовальник, когда он снова вернулся к стойке.

– Ваши хваленые ходоки – идиоты! – сердито заявил Рах. – Таким дуракам самое место в Гиблой чащобе!

Целовальник засмеялся.

– А я тебя предупреждал. Они не такие, как прочие люди. Прельстить их нелегко, а запугать и того труднее.

– Это я уже понял.

Рах задумчиво сдвинул брови. Пожалуй, с выпивкой он слегка перебрал. Мысли ворочались в голове тяжело, словно череп его был набит ржавым железом. Пока все складывалось плохо. Люди, посланные к матушке Евдокии, не смогли забрать мальчишку. Видите ли, какой-то охотник помешал им. Чертово Средневековье! Дюжина крепких мужиков, вооруженных мечами, не может справиться с одним охотником.

Рах жалел, что сам не поехал за мальчишкой. Отправился бы сейчас, но было поздно –

мужички доложили, что Евдокия и мальчишка уехали из города на телеге. И направлялись они напрямик в Гиблое место.

У мальчишки какая-то связь с сумкой. Это безусловно. То ли он чувствует сумку, то ли это сама сумка его притягивает – но факт остается фактом.

Мужики доложили также, что с мальчишкой и девкой в Гиблое место отправился охотник. Тот самый, который вступился за Евдокию и вышвырнул мужиков с подворья. Был там и еще один парень – вроде как ходок. С такой командой мальчишка быстро отыщет сумку.

Рахом овладела ярость, и этой ярости требовался выход. Внезапно Рах обратил внимание на симпатичную девку, разносившую посетителям кружки с брагой и сбитнем. Он и раньше ее видел, но теперь взглянул на нее иначе.

– Скажи-ка, целовальник, а что это за девчонка?

– Которая?

– Та, что бегают по кружалу с подносом.

– А, эта. Это Кунава-сиротка. Хозяин взял ее из жалости.

– Гм... – Рах поскреб пальцами щетинистую щеку. – И сколько ей годков?

– Не то шестнадцать, не то семнадцать.

– Говоришь – семнадцать? – Рыжий охоронец усмехнулся. – А девчонка-то в самом соку. Ты уже к ней не подкатывал?

– Что ты! – с упреком произнес целовальник. – Она же сиротка. Нешто можно сиротку обижать?

Рах криво усмехнулся:

– Ну, мне-то лапшу на уши не вешай. Я тебя насквозь вижу. Признайся: ведь подкатывал? Она тебя отшила, да? Ведь отшила?

Целовальник нахмурился.

– Несешь, сам не знаешь что, – угрюмо проговорил он.

Рах засмеялся и погрозил целовальнику пальцем.

– Ах ты, старый сладострастник! Но я тебя понимаю. Меня иногда тоже тянет на юную клубничку. Пойду, попытаю счастья.

Рах пригладил ладонями рыжие вихры и двинулся в глубь зала. Целовальник угрюмо посмотрел ему вслед и покачал головой.

Остановив девку в центре зала, Рах взял ее под локоть и спросил:

– Тебя ведь зовут Кунава?

– Да, дяденька, – ответила та, робко улыбнувшись.

Рах тоже улыбнулся.

– Хочешь развлечься? – мягко спросил он.

Девка захлопала глазами.

– А как?

– Как? – Рах усмехнулся. – Невинное дитя. Ты сейчас куда?

– В кладовую. Нужно принести меда.

– Пойдем, я помогу тебе.

– Это не положено. Ты – старший охоронец. Негоже тебе таскать туески да коробы.

– Ничего. Мужчины должны помогать женщинам. Особенно таким юным и хрупким, как ты. Идем!

В кладовой Рах быстро закрыл дверь и повернулся к Кунаве. Волна возбуждения уже захлестнула его. Улыбнувшись, он шагнул к ней. Очевидно, девчонка что-то прочла в его глазах – испуганно заморгав, она попятилась к стене и спросила дрогнувшим голосом:

– Дяденька, ты чего?

– Не бойся, глупенькая. – Он протянул к ней руку и взял ее за плечо. – Дядя Рах тебя не обидит.

Ресницы Кунавы снова задрожали, и на этот раз на них блеснули слезы.

– Дяденька, не надо, – испуганно проговорила она. – Не надо!

Рах обхватил ее за плечи и притянул к себе.

– Не сопротивляйся, больнее будет. Лучше расслабься и получи удовольствие.

Он хотел поцеловать девчонку, но она вдруг вырвалась, схватила с полки туес и огрела им Раха по голове. Затем оттолкнула его и кинулась к двери. Рах мотнул головой, быстро нагнал Кунаву, схватил девчонку за волосы и резко развернул. Глаза девчонки расширились от ужаса.

– Дяденька, не надо, – умоляюще прошептала она.

– Я не хотел тебя бить, но ты сама запросилась, – сказал Рах. Он размахнулся и изо всех сил ударил девку кулаком в лицо.

Пять минут спустя юный охоронец ворвался в комнату, где начальник Избор и пятеро охоронцев пили сбитень, и взволнованно крикнул:

– Там Рах! Рах!

– Чего Рах? – не понял Избор.

– Кунаву-сиротку! Он ее... Идем!

Начальник Избор вскочил с лавки и двинулся за уже выбежавшим из комнаты парнем. Остальные охоронцы, брякнув кружками об стол, тут же последовали за ним.

Избор ворвался в кладовку и остановился на пороге, в ужасе глядя на нечто светлое, лежащее в луже крови на полу. Рах, завязывавший веревку на штанах, глянул на Избора, приветливо кивнул ему и продолжил возиться с узлом.

– Чертов узел... – проворчал он.

Избор снова взглянул на мертвую, изуродованную девушку, сглотнул слюну, борясь с подступившей тошнотой, и хрипло спросил:

– Зачем ты это сделал, Рах?

– Что? А, ты про девку. – Он пожал плечами и усмехнулся. – Да ни за чем. Просто хотел убедиться, что «передняя подвеска» еще работает. Понимаешь, о чем я? – Он заговорщицки подмигнул Избору. – Думаю, ее нужно унести отсюда, пока кто-нибудь не увидел. Займетесь этим, ладно? А я пока помою руки.

Рах двинулся к двери, что-то негромко напевая себе под нос. Проходя мимо начальника Избора, он дружески потрепал его за плечо.

Охоронцы проследили за Рахом взглядами, а когда дверь за его спиной закрылась, один из охоронцев тихо проронил:

– Этот Рах – настоящий зверь.

Начальник Избор отвел взгляд от мертвой сиротки и угрюмо посмотрел на своих людей.

– Ну? – грубо спросил он. – Вы слышали, что сказал Рах? Подчистите здесь, пока никто не явился.

Глава четвертая

1

Воевода Видбор залпом выпил водку, поставил оловянный стаканчик на стойку, взял с тарелки соленый рыжик с колечком лука и отправил его в свой большой рот. Хрустнув рыжиком, он подозвал целовальника и потребовал:

– Еще!

Со вторым стаканчиком водки он расправился так же споро и лихо, как и с первым.

– Ловко! – восхищенно произнес кто-то.

Видбор повернул голову и взглянул на человека, сидевшего рядом. Это был рыжий парень, на вид – лет тридцати или чуть меньше.

– Ловко! – повторил тот и улыбнулся. – Прости, что помешал, уж больно красиво ты пьешь.

– Дурное дело нехитрое, – сухо проговорил Видбор.

– Не скажи, – возразил рыжий парень. – Я, например, больше одной рюмки за раз выпить не могу. Прости, я забыл представиться – мое имя Рах. Я служу у Крысуна Скоробогата.

Видбор на это никак не отреагировал, но рыжий парень ничуть не обиделся. Он улыбнулся и вежливо спросил:

– Кто ты, богатырь? Твое лицо кажется мне знакомым.

– А тебе что за дело? – неприязненно буркнул Видбор.

Парень пожал плечами и улыбнулся.

– Не знаю. Просто ты такой же рыжий, как я. А меня тянет к рыжим.

Видбор хмыкнул.

– Не такой уж я и рыжий, – сказал он.

– В сравнении со мной, конечно, нет, – немедленно согласился Рах. – Я так просто огненный! Так кто же ты, богатырь?

Несколько секунд Видбор молчал, тяжелым взглядом глядя на пустой стаканчик и размышляя, стоит ему беседовать с незнакомцем или послать его куда подальше. Но, в конце концов, потребность поделиться с кем-нибудь своим горем взяла верх.

– Я Видбор, сын Алканта, – глухо проговорил он. – Слыхал обо мне?

Рыжий парень покачал головой:

– Нет. Но, судя по богатырской стати, ты ратник. Причем не из последних. Я прав?

Видбор вздохнул и проговорил с мрачной усмешкой:

– Что за темные времена. Молодежь не знает в лицо своих лучших воителей. Да будет тебе известно, парень, что я воевода.

Рыжие брови Раха приподнялись от удивления.

– Воевода? – восхитился он. – Настоящий?

Видбор сдвинул брови и неохотно пояснил:

– Бывший. Князьким указом отпущен на покой по выслуге лет.

– Надо же! – Рах качнул огненно-рыжей головой. – Значит, ты почетный пенсионер. Что ж, для меня большая честь познакомиться с тобой. Эй, целовальник! – окликнул он. – Налей мне олуса! Я хочу выпить с богатырем.

Целовальник наполнил кружку Раха олусом, а Видбору плеснул водки.

– Выпьем за знакомство, воевода? – предложил Рах.

– Давай, – согласился Видбор.

Мужчины чокнулись и выпили. Отпив несколько глотков олуса, Рах поставил кружку и сказал:

– По-моему, князь поступил с тобой гнусно, Видбор. Отправить столь славного и совсем еще не старого воина на покой – это настоящая глупость.

– Мне нравятся твои слова, парень, – с усмешкой отозвался Видбор. – Но говори потише, если не хочешь неприятностей.

– Неприятностей? Ах, да. Тут ведь повсюду князьки стукачи. – Рах понизил голос. – Я слишком болтлив, и когда-нибудь это меня погубит. Знаешь, Видбор, я согласен говорить тише, но готов повторить слово в слово то, что сказал. Плох тот правитель, который разбрасывается своими лучшими воинами. Выпьешь еще? Я угощаю.

Видбор пожал плечами:

– Давай.

Они снова выпили. Закусили хрустящими солеными рыжиками и селедкой с луком, которую, по знаку Раха, поставил перед ними целовальник.

– У тебя расстроенный вид, Видбор, – снова заговорил рыжий охоронец. – Неужели у такого заслуженного воина, как ты, могут быть заботы?

– Забот у меня много, Рах, – басовито отозвался воевода, – но не они гложут мое сердце.

– В чем же тогда дело? Деньги? – Рах внимательней взгляделся в лицо ратника и качнул

головой: – Нет. Дело не в деньгах. Здоровье? Тоже нет. Ты выглядишь очень здоровым человеком. Так в чем же тогда дело? Неужели во всем виновата женщина?

Воевода удивленно покосился на рыжего охоронца.

– А ты проникателен, Рах, – нехотя признался он. – Да, дело в женщине.

Рах сдвинул брови и вздохнул:

– Ох, женщины, женщины... Если сильный мужчина и плачет, то только из-за них. Чем же насолела тебе эта мучительница, Видбор?

Воевода сдвинул было брови, сердясь на любопытство парня, однако и на этот раз желание излить душевную боль оказалось сильнее неприязни. Видбор сжал в ладони оловянный стаканчик и хрипло пояснил:

– Она хотела, чтобы я повел ее в Гиблую чащобу. А я отказал.

– В Гиблую чащобу? – изумился рыжий. – Позволь, но не то ли это место, про которое рассказывают так много ужасов?

– То самое, – выдохнул Видбор.

Рах нахмурился.

– Н-да, дела... Бывают в жизни совпадения.

– Совпадения? – Видбор прищурился. – О чем это ты?

Рах тряхнул рыжей головой.

– Да так, вспомнил о своем. И что же твоей подруге понадобилось в Гиблом месте, Видбор?

Воевода никогда не открывал чужие секреты незнакомцам, но водка и желание высказаться сделали свое.

– Несколько месяцев назад к ее общине приблудился беспризорный мальчонка, – глухо и угрюмо начал Видбор. – Недавно он заболел. Лекари и вещуны отказались его лечить. Сказали, что ему нужно в Гиблое место. Дескать, он там что-то оставил. Что-то такое, что изгонит из него хворобу.

– Так-так, – задумчиво произнес Рах. – Значит, этот мальчишка пришел из Гиблого места?

Видбор вновь нахмурил кустистые брови.

– Точно никто не знает, – угрюмо ответил он. – Сам мальчишка молчит и ничего не рассказывает. Но иногда он бредит во сне, и Евдокия разобрала кое-какие слова.

Глаза Раха замерцали.

– Интересно, интересно, – проговорил он, теребя нижнюю губу. – Значит, Гиблое место... А что, далеко ли простирается это Гиблое место?

– Кто ж его знает. Верст на сорок – это точно.

Рах кивнул, подумал немного, затем вновь взглянул на воеводу и твердо сказал:

– Ты должен отправиться в Гиблое место, Видбор. Не удивляйся моим словам. Посуди сам. Евдокия – женщина решительная. Она пойдет в Гиблое место, даже если не найдет проводника. Более того – я уверен, что она уже направилась в чащобу. Я таких баб хорошо знаю. У меня самого была такая подруга. Тем более что ты уже был в Гиблом месте.

Видбор вскинул брови, и глаза его недобро сверкнули.

– Откуда ты знаешь, что я там был? – резко спросил он.

Рах удивленно улыбнулся.

– Откуда знаю? Да ведь ты сам это сказал.

– Я это сказал?

– Да.

Видбор нахмурился и подергал себя за бороду.

– Гм... Сегодня я на редкость болтлив.

– Это не беда, – дружелюбно утешил его Рах. – Ты просто открыл мне свою душу. Как другу. Знаешь что... – Рах взглянул на воеводу мягким взглядом. – ...А что, если я отправлюсь туда с тобой?

– Что? – Видбор качнул головой и вышел из задумчивости. – Со мной?

Рах кивнул:

- Да.
- Тебе-то это зачем?
- Я давно хотел это сделать, Видбор. В Гиблом месте много чудных вещей. Я не прочь заполучить парочку.
- Но...
- Ходокам я не доверяю, – добавил Рах. – Говорят, что тот, кто постоянно ходит в Гиблое место, сам превращается в темную тварь. Не знаю, что творится у этих парней внутри, но лица у них неприятные.

Видбор смотрел на Раха пристальным взглядом.

- Ты меня удивил, охоронец, – пробасил он. – Сильно удивил. Однако твоё предложение мне не нравится. Не знаю, что тебе понадобилось в Гиблом месте, но я тебя туда не поведу.
- И напрасно это не сделаешь! – Рах лукаво прищурился. – Я ведь еще не договорил. У меня есть деньги, Видбор. Мой дядя помер месяц назад и завещал мне кошель серебра. И, кстати, этот кошель у меня с собой.

Рах достал из кармана кожаный кошель и брякнул его на деревянную стойку.

- Возьми меня с собой в Гиблое место, – продолжил он, внимательно вглядываясь в угрюмое лицо воеводы. – ...И я поделюсь с тобой этими деньгами.

Видбор с усилием отвел взгляд от кошель и мотнул головой.

- Нет. Об этом не может быть и речи.
- Не спеши с ответом, воевода. Ты говорил, что матушка Евдокия строит храм...
- Я это говорил? – вскинул брови Видбор.

Рах кивнул:

- Да. И еще ты говорил, что у нее нет денег, чтобы завершить работу. Вот мое предложение, Видбор: я заплачу тебе десять серебряных дирхемов. Если захочешь, ты сможешь отдать эти деньги Евдокии. Представь, как обрадуется она, когда ты сделаешь это.

Слова Раха заставили Видбора задуматься. Почетная отставка в звании воеводы не принесла Видбору богатства. Четверть века провел он в походах и сражениях и теперь, на склоне лет, остался без гроша в кармане.

- Не знаю, парень, не знаю, – задумчиво пробасил он. – Если я отправлюсь в Гиблое место, я пойду быстро, и обуза мне не нужна.
- Обуза? – Рах прищурил холодные глаза. – Я ведь не баба, не дите и не старик. А рука моя так же тверда, как твоя. Если случится сражаться с тварями, я не отступлю. Уж ты мне поверь, воевода.

Отчего-то в устах Раха слово «воевода» прозвучало не так приятно, как Видбору хотелось бы. И даже наоборот. Видбор поморщился и сказал:

- Прошу, не называй меня воеводой.
- Как же мне тебя звать? – поинтересовался Рах.
- Видбор. Просто Видбор.
- Хорошо. – Рыжий охоронец помолчал несколько секунд, затем вновь покосился на воеводу и тихо спросил: – Так как, Видбор? Ты согласен взять меня в Гиблое место?
- Да, – выдохнул Видбор и протянул руку за кувшином с водкой.
- Отлично, – негромко заявил Рах, лукаво поблескивая глазами. – Я всегда знал, что любовь и деньги – лучший стимул для человека.

2

Крев плохо помнил, что с ним произошло. В голове, подобно двум расплывчатым пятнам, светились два образа – рыжеволосый мужчина и темноволосый, бледный мальчик. Образ рыжеволосого мужчины вызывал ненависть и ярость. Когда он пытался думать об этом мужчине, в голове вспыхивало – «Рах!», и по коже пробежал холодный, неприятный

озноб.

Крев яростно потрянул головой. Мысли его были обрывочны и путаны, они все время ускользали от него, словно он рылся в коробке с разноцветными обрывками нитей.

И тогда он чувствовал страшную тоску, такую страшную, что хотелось задрать голову к потолку и завывать по-волчьи. Но в последний момент он сдерживал себя. Что-то подсказывало Креву, что враги, окружавшие его, должны знать о нем как можно меньше.

И тогда он сжимал зубы и прикрывал глаза, пытаясь ни о чем не думать и успокоить бьющееся в бешеном ритме сердце.

Когда один из врагов приблизился к клетке и приподнял край ткани, Крев знал, что должен вести себя спокойно и тихо, но не смог сдержать обуявшей его вдруг ярости и отхватил врагу пальцы.

Крев чувствовал голод, страшный голод. И когда врага швырнули ему в клетку, он набросился на него и принялся пожирать теплую, живую еще плоть, перемалывая ее зубами и глотая вместе с раздробленными костями.

Труп врага не утолил его голода. Чем дольше Крев находился во тьме, тем больше ярости копилось в его душе, тем ярче становились образы Раха и мальчика и тем больше ненависти он испытывал к ним обоим. Ярость и ненависть все росли и наконец заполнили всю его душу, будто огромный черный ком.

Крев представил, как разорвет на части Раха своими острыми, черными когтями, представил, как сомкнет сверкающие клыки на нежном горле мальчишки – представил и захохотал от восторга.

Он услышал, как в паре метров от клетки один охоронец спросил другого:

– Ты слышал? Что это было?

– Похоже, чудовище смеется, – ответил ему другой охоронец.

– Ну и смех. У меня прямо мороз по коже.

– У меня тоже.

Крев притих и наострил уши. Охоронцы долго молчали, потом один из них сказал:

– Крысун выставил против чудовища шесть оборотней. Как думаешь, они его порвут?

– Не знаю. Но я бы поставил на чудовище.

– Я тоже. Страшнее твари я в жизни не встречал. Ты видел, что этот урод сделала с Ивачем?

– Да. Но лучше нам об этом не говорить.

– Да, ты прав.

И оба замолчали.

Голод все нарастал. Чтобы хоть как-то заглушить его, Крев впал в дрему. Он не знал, сколько длилась эта дрема, но когда в подземелье вновь зазвучали людские голоса, Крев вскинул голову и прислушался.

– Пора выпускать тварь на помост! – громко сказал кто-то.

– И как мы это сделаем? – поинтересовался другой.

– Нас здесь семеро, и все мы вооружены. А тварь закована в цепи. Чего нам бояться?

– Тогда ты и открывай, раз такой смелый. А я покамест постою в сторонке.

Послышалась тяжелая поступь начальника охоронцев Избора. Крев ни разу его не видел, но знал, как он выглядит. Его образ создавался из запахов – кожи, волос, одежды, шелома. Эти запахи, подобно карандашным линиям, нарисовали в воображении Крева лицо и фигуру Избора. Увидев начальника охоронцев глазами, Крев удивился бы, насколько точно запахи передали его внешность, и понял бы, что глаза ему теперь не нужны, ибо обоняние взяло их работу на себя.

– Отпереть дверь! – приказал Избор.

Громыхнули замки, и дверь клетки распахнулась. Держа наготове мечи, два самых крепких и угрюмых охоронца сняли с железных придверных крюков цепи и раздали их оплетенные кожей концы своим товарищам.

Крев неподвижно стоял спиной к открывшемуся проходу. Передние охранники

разошлись в стороны, пропуская остальных.

– Вытаскивайте тварь наружу! – гаркнул Избор.

Охоронцы крепче обхватили цепи и потянули, выволакивая упирающуюся гадину из клетки.

– Никогда не видел такой черной шкуры, – сказал один из охоронцев. – Будто кусок черной ночи. И воняет, как ночь в гиблом лесу.

– Да будет тебе страшать, – бодро проговорил другой, однако и его голос дрогнул, когда чудовище повернуло к нему голову.

Заметив, что охоронцы оробели, начальник Избор нахмурился и сердито приказал:

– Кончай треп! Натягивайте цепи!

Охоронцы натянули цепи, опутывающие чудовище. Внутри этих сверкающих, гремящих цепей тварь казалась огромным черным пауком, засевшим в центре паутины и выжидающим момента, чтобы броситься на жертву, вцепиться в ее плоть зубами и высосать из нее всю кровь.

Охоронцы, несмотря на страх, охвативший каждого из них при виде чудовища, двигались четко и слаженно, как единый, хорошо отрегулированный механизм. Им было не впервой тащить темную тварь на помост. И все было бы хорошо, но один из охоронцев споткнулся и выпустил из рук цепь. Равновесие нарушилось, и прочие цепи слегка ослабли. Черная тварь стремительно развернулась и резко дернула черными лапами. Охоронцы попадали на пол, как игрушечные солдатики, туда же рухнули и обломанные звенья железных цепей.

Два угрюмых охоронца бросились на чудовище с мечами, но тварь с быстротою молнии ринулась им навстречу. Первый охоронец упал на землю и заелозил по земле ногами. Верхняя часть его черепа была срезана, словно бритвой, и над удивленно вытаращенными глазами нависали окровавленные ошметки мозгов.

Второй охоронец замахнулся мечом, но ударить не успел – тварь молниеносно вспорола ему когтями живот и вырвала кишки.

– Граб, Куц, стреляйте! – рявкнул Избор.

Оторопевшие охоронцы пришли в себя. Засвистели пущенные вдогонку твари стрелы, но тварь, искусно лавируя среди них, бежала по длинному, освещенному факелами проходу.

Из-за угла вышел Крысун Скоробогат.

– Что... – начал удивленно Крысун, но тут беглец ринулся прямо на него.

Крысун отпрянул в сторону. На мгновение ужасное черное рыло чудовища оказалось прямо перед ним, затем тварь пронеслась мимо и скрылась за поворотом.

Охоронцы, беспорядочно стреляя, устремились за нею. Одна из стрел сбила с головы Крысуна парчовую шапку. Крысун бросился животом на землю и заорал:

– Стойте, дурни! Это я!

Зал кружала был полон. Купцы и зажиточные мужики сидели за длинными дубовыми столами и, беседуя, попивали брагу, олус и березовицу. Те, что побогаче, пили водку и закусывали ее соленой рыбой и перченым мясом. Вдруг тяжелая дубовая дверь, ведущая в подвал, с треском слетела с петель, пронеслась по воздуху сажень и грохнулась на ближайший стол. Купцы, бражничающие за столом, в ужасе повскакивали с лавок.

Позже никто из них толком не смог рассказать, что произошло. Все сходилось лишь на одном – что-то огромное и черное выскочило из подвала и со скоростью выпущенной из лука стрелы пронеслось через зал к выходу, в щепки разметав лавки и столы, оказавшиеся на пути.

Разлетевшиеся доски размозжили головы двум гостям, а еще пятерым переломали кости. Все это произошло за какое-то мгновение, затем тварь вышибла дверь, выскочила на улицу, схватила дремавшего на бревне у костра бродягу и растворилась вместе с ним в ночной тьме.

На небе уже появилась луна и осветила все вокруг холодным, безжизненным светом. Телега мерно гроыхала по ухабам. Путешественники ехали, не разговаривая. Ставр целиком погрузился в свои мысли. Он был серьезен, юное лицо его выражало торжественную сосредоточенность.

Матушка Евдокия тоже молчала, но по-другому. Вид у нее был слегка ошеломленный, будто она до конца еще не поверила в то, что едет в Гиблое место. Время от времени она поглядывала на мальчика и хмурила темные, ломкие брови.

Мальчик, сложив на груди руки, сидел в телеге. Бледное лицо его хранило обычное отрешенное выражение. Казалось, он смотрит сквозь черные деревья, будто там, вдали, за всем, что его окружает, находится нечто, доступное лишь его взгляду и чрезвычайно для него важное.

– Что это там такое? – спросила вдруг Евдокия, взглядевшись в мерцающие в отдалении огни.

– Село Топлево, – ответил Ставр, вытянув шею. – Там живут мои родичи. – Он покосился на Глеба и взволнованно спросил: – Первоход, а может, заедем к ним на часок? Матушка Евдокия, ты ведь сама говорила, что мальчику нужен отдых. Заедем, а?

Евдокия взглянула на Глеба:

– Первоход, мы можем к ним заехать? Мальчику нужно побольше мягкого сена. Может, мы наберем его у родичей Ставра?

– Конечно, наберем! – кивнул Ставр. – Уж в чем в чем, а в сене у них недостатка нет! Так как, Глеб? Свернем? Всего на часок, а?

Глеб помолчал несколько секунд, потом ответил:

– Мне это не нравится.

– Брось, Первоход! Мы ведь не в Гиблом месте. Что тут с нами может случиться?

– Иногда темные твари выходят за межу. Пару раз они добирались и до Топлева.

– Я навтыкаю в землю дозорных рогаток и обложу дом берегами! – заверил его Ставр. – Соглашайся, Глеб! Тетка Мила приготовит нам блинов со стешкой! Лучше ее блинов не сыщешь во всем княжестве.

– Ладно, – нехотя prorонил Глеб. – Остановимся на часок, а затем продолжим путь.

Ставр улыбнулся:

– Первоход, ты не пожалеешь! Клянусь Хорсом! А ну, каюрая, поворачивай на север!

Он размахнулся и хлестко стеганул лошадку по крупу.

Семья артельщика Хома приняла неожиданных гостей радушно. Сам артельщик Хом – высокий, стройный, ладный мужик с шелковистой русой бородой – был улыбчив и добродушен. Его жена Мила была под стать ему – еще не старая, бодрая и сохранившая стройность и привлекательность.

– Мы рады, что вы заехали к нам, – с улыбкой сказал артельщик Хом. – И мы как раз собирались ужинать.

Усадив гостей на лавки, Мила надела праздничную кичку и принялась выставлять на стол с воронца тарелки с естой. Из соседней комнаты вышла молодая девушка. Увидела гостей, зарделась. При ее появлении лицо ходока Ставра просветлело.

– Полея! – воскликнул он и шагнул ей навстречу. – Здравствуй, сестричка!

– Здравствуй, братец!

Они обнялись.

– Это наша дочь – Полея, – представил девушку гостям артельщик. – Полея, садись с нами за стол. Эти люди – друзья Ставра. Это вот – охотник Глеб. А это – матушка Евдокия. А мальчик – ее названный сын. Ах да, забыл сказать: Евдокия – христианка, и у нее есть своя община на окраине Хлынь-града. И еще – она строит для своего плачущего бога высокий храм!

Полея поклонилась гостям и села за стол. За столом артельщик Хом щедро потчевал гостей ествой и питьем, расспрашивая их о новостях. Узнав, что они идут в Гиблое место, артельщик озабоченно сдвинул брови и покачал головой.

– Не нравятся мне такие путешествия, – сказал он. – И чудные вещи, которые приносят оттуда люди, не нравятся. Если бог обронил свою вещь, он когда-нибудь за ней вернется. Боги ничего не забывают.

На это Ставр сказал, что если боги вернутся, он сам, по доброй воле, отдаст им все, что нашел в Гиблом месте. Да и остальные поступят так же. И боги не только не рассердятся, а наоборот – будут благодарны за то, что люди сберегли их пожитки.

В отличие от Ставра и Глеба, уплетающих еству за обе щеки, Евдокия чувствовала себя неловко. В какой-то момент, передавая кушанье Евдокии, артельщик Хом с улыбкой взгляделся в ее лицо и сказал:

– Я знал немало христиан. И все они были неплохие люди.

Он улыбнулся, и Евдокия облегченно вздохнула. Всякий раз, когда ее представляли кому-нибудь, она чувствовала себя неловко, будто боялась, что ее с самого начала превратно поймут. После добрых слов артельщика Евдокия расслабилась, и дальше все пошло хорошо.

– Что еще нового в княжьем граде? – поинтересовался артельщик Хом.

– Да все то же, – ответил Ставр.

– Князь по-прежнему не выходит к людям?

Ставр кивнул:

– Угу.

Артельщик взглянул на Глеба.

– А как нынче охота? – спросил он. – Правду говорят, что зверь, побывавший в Гиблом месте, не сбрасывает мех даже летом?

– Правду, – кивнул Глеб. – Пушных зверей, побывавших за межой, мы бьем круглый год.

– Да, дела... – задумчиво протянул артельщик. – Выходит, от Гиблого места не только вред, но и польза есть.

– Выходит, что так, – кивнул Глеб.

– А что, если шкуры этих зверей возьмут да и оживут? – спросила вдруг Полея.

Ставр и Глеб взглянули на нее удивленно. Самим им никогда не приходила в головы подобная мысль. Ставр улыбнулся и сказал:

– Прости, сестренка, но это чушь.

– Но ведь оживают в Гиблом месте мертвецы! – упрямыствовала Полея. – Почему бы и шкурам не ожить?

Артельщик усмехнулся и пояснил, глядя на Глеба и словно бы оправдываясь за неразумные слова дочери:

– Она у меня большая выдумщица. Скоро стукнет двадцать лет, а все дите.

– Будь моя воля, – снова заговорила Полея, – я бы посадила у межи лучников и никого бы в Гиблое место не пускала. А кто сунется, получит стрелу!

– Это почему же? – удивился Ставр.

– А потому, что нечего нам там делать. У нас – свой мир, у темных тварей – свой. И не надо нам туда соваться. Может, тогда и они перестанут к нам ходить?

– Глупо рассуждаешь, – нахмурился Ставр. – А как же чудные вещи? Скольким людям они счастье принесли!

– А скольким – горе? – парировала Полея. – Ты сам рассказывал, что иные чудные вещи сводят людей в могилу прежде срока.

Ставр поморщился.

– Ты просто не понимаешь, – сказал он. – Тут ведь все зависит от везения. Берешь в руки чудную вещь – будь готов и к большому счастью, и к большой беде. А бывает и так: одному чудная вещь принесла счастье, а другой взял ее в руки да и помер.

– Значит, все зависит не только от везения, но и от самого человека? – спросила

матушка Евдокия, заинтересовавшись разговором.

– Конечно! – горячо заверил ее Ставр. – Я про то от старых ходоков слышал. Одни чудные вещи служат добру, другие – злу. Поднял добрую вещь добрый человек – и все у него получилось, как загадывал. А взял ее злой – и у него все пошло наперекосяк.

Девке Полее и на это нашлось, что возразить. Еще несколько минут Ставр и Полея спорили о Гиблом месте. Наконец, Полея вскочила с лавки и сказала:

– Благодарствую за ужин!

– Куда ты? – удивился отец.

– Спать, – резко проговорила Полея. – На улице уже стемнело. Покойной всем ночи!

Она отвесила гостям поклон и стремительно вышла из горницы. Проводив ее недовольным взглядом, артельщик повернулся к столу и виновато улыбнулся:

– Молодая еще. В голове ветер. Милаша, любя моя, подай-ка нам еще блинов!

4

После ужина Глеб вышел на улицу покурить.

– Эй, охотник! – тихо окликнул его женский голос.

Он обернулся.

Полея вышла из тени и улыбнулась.

– Прости, если напугала. Вы останетесь у нас на ночлег?

Глеб покачал головой:

– Нет.

– Жаль, – вздохнула Полея. Она немного помолчала, затем с горечью проговорила: – У нас здесь очень одиноко. После недавней войны целых мужиков почти не осталось. Одни сгинули, другие вернулись без ног и без рук. А те, что уцелели, бражничают с утра до ночи и с ночи до утра, а больше ни о чем не думают.

– Мне грустно это слышать, Полея.

– Да. – Она подошла еще ближе, так близко, что Глеб слышал ее дыхание. – Мне скоро двадцать лет, – сказала Полея.

– И что?

– Я старюсь и сохну без мужской ласки.

Глеб нахмурился:

– Сочувствую.

Он сунул руку в карман, чтобы достать коробку с самокрутками, но не спешил их доставать. В селах и деревнях народ в сто крат суевернее, чем в княжьем граде. А ну как испугается его дыма?

– Послушай, охотник... – Полея осторожно коснулась пальцами его руки и заглянула ему в глаза. – Взял бы ты меня, а?

– Чего? – не понял Глеб.

Полея подступила еще ближе и, глядя на него снизу вверх сверкающими глазами, взволнованно прошептала:

– Овладей мной, охотник. Прошу тебя! Овладеешь – я богам за тебя жертву дам!

Глеб нахмурился – вот оно что. Стыд не входил в число добродетелей хлыньских женщин, а девственность расценивалась здесь как нечто непотребное и неправильное. Если девка до двадцати лет оставалась девицей, она считалась чем-то вроде подпорченного или скорее просроченного товара, и редкий мужик решился бы прогневить богов, позарившись на такую.

– Возьми меня, – хрипло повторила Полея и нерешительно обняла Глеба за талию, пытаясь разглядеть в полумраке его глаза. – Макошью тебя молю, возьми.

Глеб растерянно молчал. Тогда Полея окончательно взяла инициативу в свои руки. Она обняла его за шею и крепко к нему прижалась. Губы девки сами нашли губы Глеба и впились в них.

Глеб легонько оттолкнул Полею от себя.

– Перестань, – грубовато сказал он.

Ресницы девки задрожали.

– Я страшная? – сдавленным голосом спросила она. – Я тебе противна, да?

– Ты настоящая красавица, – ответил Глеб.

– Тогда почему ты брезгуешь мной?

Полея порывисто схватила руки Глеба и положила их себе на грудь. Глеб хотел отнять их, но девка удержала. Глеб не был с женщиной много месяцев, и от близости этого крепкого, молодого тела у него закружилась голова.

– Идем на сеновал, – хрипло прошептала Полея.

Не дожидаясь ответа, она схватила Глеба за руку и нетерпеливо потащила его к сеновалу. Глеб неуверенно двинулся следом. До самого сеновала он колебался, а у темного провала двери подумал: «А, какого черта!» Схватил девку в охапку и внес ее туда на руках.

Все произошло быстро и скомканно. А когда закончилось, Полея, хрипло выдохнув, раскинула руки и проговорила:

– Благодарю тебя, охотник! Завтра же я расскажу всем, что была с тобой!

Глеб лежал на сене хмурый и озадаченный. Теперь, когда все свершилось, он уже был не в восторге от своего поступка и жалел, что поддался на уговоры девки. На душе было паршиво.

– Чертовы нравы, – проворчал Глеб. – Ты точно хочешь обо всем рассказать?

– Конечно! – искренне и простодушно ответила Полея. – Боги не отвергли меня! Теперь я поделюсь этой радостью со всем селом!

Глеб вздохнул:

– Ладно. Только не рассказывай никому, пока мы не уедем.

Он хотел встать, но Полея удержала его за руку.

– Обожди!

– Чего?

– Поцелуй меня, охотник!

Глеб наклонился, забрал лицо Полеи в ладони и нежно поцеловал ее в теплые, мягкие губы.

Полея тихо засмеялась.

– Никогда не думала, что может быть так хорошо! – Она зажмурила глаза, потянулась, словно кошка, с тихим, блаженным стоном, улыбнулась и хрипло прошептала: – О, боги, как же мне сладко. А в теле такая истома, такое тепло... Это твоё тепло, охотник.

– Нам пора возвращаться, Полея, – сказал Глеб. – Идем.

Он протянул руку и помог ей встать. Подождал, пока Полея приведет в порядок одежду, а затем посторонился, выпуская ее из сеновала на воздух.

Когда они вернулись в горницу, отец и мать посмотрели на раскрасневшуюся Полею внимательно и спокойно, а Ставр – хмуро.

– Ну, как тебе наш огород, Глеб? – спросил он, прищурившись. – Не видал ли воров?

Полея быстро глянула на Глеба, улыбнулась, перевела взгляд на брата и со смехом спросила:

– Что ты мелешь, дурачок! Какие тут могут быть воры?

– Это я к тому, что тебя долго не было, – проговорил Ставр, по-прежнему обращаясь только к Глебу. – Что ты так долго делал на улице?

– Любовался луной, – ответил Глеб. – Луна сегодня очень красивая.

Полея зарделась и тихо засмеялась.

– Нам пора ехать, – резко произнес Ставр и поднялся из-за стола. – Я возьму мальчишку.

Он переступил через лавку и пошел к топчану, на котором спал мальчик.

– Может, останетесь на ночлег? – спросил его артельщик.

Ставр качнул головой:

– Нет. Нам пора ехать. Спасибо, что накормили и обогрели. Бывайте!

Он поднял мальчика на руки и двинулся к двери. Глеб и матушка Евдокия поклонились хозяевам, поблагодарили их за угощение и тоже двинулись к выходу.

Минут десять спустя, когда телега, которой правил Ставр, выехала со двора артельщика, Ставр повернулся к Глебу и негромко заявил:

– Полея – моя сестрица, и я ее люблю.

Глеб кивнул, раскуривая самокрутку.

– Ежели узнаю, что кто-то ее обидел, своими руками прибую, – пригрозил Ставр, чуть повысив голос.

Глеб ухмыльнулся, загнал дымящуюся сигарету в угол рта и сказал:

– Не слишком ли ты ее оберегаешь, Ставр? Ведь обычай гласит, что нетронутая девка неугодна духам.

– Дурацкий обычай, – процедил сквозь зубы Ставр.

– Возможно, – согласился Глеб. – Мне тоже не нравятся многие здешние обычаи, но у меня и в мыслях нет их исправлять. И обсуждать их я тоже не собираюсь.

Ставр понял замечание правильно и хоть и стиснул зубы, но опасную тему оставил.

5

Запах. Крев чувствовал их запах. Они были здесь. Мальчик и еще кто-то. Они уехали не больше двух часов назад. За ними до сих пор, подобно инверсионному следу самолета, стлалась в воздухе невидимая тропинка, сотканная из запахов.

Где-то неподалеку блуждал и запах рыжего Раха. Но ветер постоянно менялся, и сосредоточиться на Рахе и его спутнике Креву никак не удавалось. Что ж, значит, нужно заняться мальчишкой, а Рах пока подождет.

С полминуты Крев стоял в раздумье, не зная, как поступить: отправиться за мальчишкой и его друзьями, пока ветер не развеял шлейф запаха, или наведаться в дом и узнать, зачем они туда приходили?

Затем раздул широкие ноздри и принялся еще тщательнее. В избе было трое. Взрослый мужчина, взрослая женщина и еще одна – помоложе. От этой пахло другим мужчиной. Совсем недавно она была с ним, на сеновале. Этот чужой мужской запах показался Креву знакомым. И вдруг он вспомнил его. Охотник! Тот самый, который заманил его в ловушку, опутал цепями и посадил в клетку!

Ярость холодной, жгучей волной захлестнула Крева. Значит, охотник сопровождает мальчишку в пути. Что ж, это даже к лучшему. Он разорвет мальчишку, а потом набросится на охотника и будет глотать его голову, слушая, как тот вопит от боли.

Образ корчащегося, истекающего кровью охотника доставил Креву удовольствие. Он тихо засмеялся, не заметив, что смех его звучит жутко, повернулся к лесу и хотел отправиться по следу, чтобы побыстрее нагнать своих жертв, но вдруг остановился.

Эти трое, в избе, они ведь могут что-то знать! Они дали мальчику и его спутникам приют – значит, они их друзья. Человеческая сторона сознания Крева подсказала ему, что будет полезно расспросить эту семейку о беглецах. В лесу много запахов, и Крев может сбиться со следа. А эти трое скажут ему, куда отправились мальчик и охотник.

Крев резко развернулся и, втягивая пульсирующими ноздрями воздух, направился к дому. Он знал, что взрослая женщина спит. Мужчина, лежавший рядом с ней, дремлет, балансируя на грани яви и сна. А молодая женщина лежит в своей постели с открытыми глазами и смотрит в потолок. На губах у нее улыбка. О чем она думает? Уж не о том ли человеке, который осчастливил ее на сеновале?

Крев усмехнулся. Женщины! Они одинаковы везде – в любом месте и в любом времени.

Черной тенью скользнул Крев к двери и осмотрел ее. Он хотел застать мужчину врасплох, чтобы не оставить тому ни единого шанса. Можно было бы сразу убить мужчину,

но полезнее оставить его в живых. Женщина может соврать, перепутать, забыть, а мужчина вспомнит все. И расскажет все. Нужно только приставить к горлу его женщины острый коготь.

Крев запустил тонкую и гибкую, словно у моллюска, лапу в дверную щель, обхватил дубовый засов и осторожно сдвинул его в сторону. Засов лязгнул на железных скобах, но звук получился тихий. Вряд ли мужчина его услышал.

Крев втянул лапу и приоткрыл дверь, ловя пульсирующими ноздрями теплый букет запахов, хлынувший на него из избы. Он знал, что мужчина что-то услышал и приподнял голову с подушки. Несколько секунд мужчина вслушивался в тишину, затем снова опустил голову на подушку и облегченно пробормотал: «Показалось».

Позволив мужчине окончательно успокоиться, Крев двинулся дальше. В горнице царила абсолютная тьма, но Крев ловко лавировал между предметами, видя их своим *особым зрением*.

Вот и комната, где лежит на кровати молодая женщина. Запах ее тела доставил Креву удовольствие. Он даже почувствовал что-то вроде возбуждения – впрочем, чувство это быстро ушло. Кровь – вот что теперь по-настоящему возбуждало его. Горячая, живая кровь. Спазм голода скрутил желудок Крева, и он вынужден был остановиться, чтобы переждать приступ.

Эти проклятые приступы накатывали все чаще и становились все острее. Если так пойдет и дальше, вскоре голод станет ненасытным, и Креву придется есть постоянно.

Постепенно боль ушла, и Крев, переведя дух, двинулся дальше. Вот и комната девушки. Она что-то услышала и села в кровати.

– Кто здесь? – тихо окликнула она.

Крев усмехнулся. Он прекрасно видел ее. Юная плоть, которой он набьет себе брюхо. Но это потом. А сначала он разузнает про мальчишку. Крев скользнул к кровати.

– Здесь кто-то есть? – снова спросила девушка, и на этот раз голос ее дрогнул от волнения.

Крев бросился в атаку. Одной мощной лапой он обвил девушку за талию, а другой заткнул ей рот. Она задергалась, заметалась на кровати, пытаясь вырваться и закричать, но Крев так крепко сдавил тело девушки, что кости ее затрещали.

Еще одна тонкая и мохнатая, словно у паука, лапа обвила шею девушки. Легкий нажим – и голова девушки бессильно свесилась на грудь. Крев повернулся и заскользил во мраке к двери, прижимая неподвижное тело девушки к своему мохнатому животу.

В комнату взрослой женщины и мужчины он ворвался внезапно, сдернул спящую женщину с кровати, легонько придушил ее так же, как девушку, и быстро отполз вместе с ними в горницу.

Мужчина закричал и вскочил с кровати.

Крев, прижимая к себе двух женщин – молодую и старую, – повернулся спиной к стене и ждал. И вот тусклый свет лучины озарил комнату. Мужчина переступил босыми ногами через высокий порог и остановился, с ужасом глядя на Крева и безмолвных женщин, которых тот держал в огромных, когтистых лапах.

Несколько мгновений мужчина стоял неподвижно, потом сдавленно крикнул и схватил со стола нож-косарь.

– Ттой на ысе! – провыл Крев и сжал задыхающуюся от ужаса девку в лапах.

Этот вой означал «стой на месте», и Крев неприятно поразился тому, какие странные звуки вылетали теперь из его трансформировавшейся гортани. Однако артельщик понял. Он остановился, сжимая в руке нож и глядя на Крева обезумевшими от ужаса и горя глазами.

– Рах и маултшик! – провыл Крев. – Гге ны?

Даже в тусклом свете лучины было видно, как сильно побледнел мужчина. Ему понадобилось несколько секунд, чтобы овладеть собой и вновь обрести дар речи.

– Я... не понимаю тебя, – пробормотал он хрипло.

– Маулчишка! – повторил Крев, изо всех сил стараясь не коверкать звуки и злясь из-за

того, что это не получается. – Где он?

– Мальчишка? – догадался Хом. – Ты спрашиваешь про мальчика?

– Да! – кивнул Крев, обрадовавшись тому, что артельщик понял его. – Где он?

– Он уехал, – прошелестел артельщик обескровленными губами.

– Куда?! – прорычал Крев.

– Мальчик был болен. Они отправились в Гиблое место, чтобы излечить его. – Лицо артельщика дрогнуло. – Прошу тебя... – умоляющим голосом проговорил он. – Кем бы ты ни был... отпусти жену и дочь. Если ты хочешь кого-то убить – убей меня.

Крев засмеялся, и смех его был так страшен, что волосы на голове у артельщика встали дыбом. Этот человек боялся его, боялся до смерти, и все же он хотел принести себя в жертву. В его любви к жене и дочери было столько человеческого, что Крев на мгновение почувствовал что-то вроде сострадания.

Крев взглянул на женщин, которых все еще сжимал в лапах. Пожалуй, они заслуживали снисхождения.

– Отпусти их... – сипло забормотал артельщик, с ужасом глядя на увенчанные острыми когтями лапы Крева. – Прошу тебя – отпусти их. Они всего лишь женщины и не заслужили смерти.

Крев почувствовал что-то вроде жалости, но длилось это всего мгновение. Затем голод железной рукой скрутил желудок Крева, он сжал зубы и тихо застонал. Зверь стремительно брал в нем верх над человеком, и это было сладко и мучительно одновременно. Ему хотелось рвать когтями живую плоть, вонзать в нее зубы и пить свежую горячую кровь.

Не в силах больше сдерживаться, Крев вцепился в тела женщин четырьмя передними паучьими лапами, заканчивающимися черными когтями, напрягся и одним рывком разорвал податливые женские тела на части.

– Нет! – закричал артельщик и, замахнувшись ножом, бросился на Крева.

Крев взмахнул черной, мохнатой лапой, увенчанной острым и длинным, будто кинжал, когтем. Затем отшвырнул от себя истерзанное тело женщины, прижал к груди то, что осталось от молодой девки, и огромной бесшумной тенью выскользнул на улицу.

* * *

Сосед и друг артельщика Хома – сухопарый мужичок Родим Лапоть – вышел из дома, чтобы отлить, и заметил в окошке соседа тусклый свет. «Странно, – подумал Родим. – Чего это они среди ночи? Уж не случилось ли чего?»

Пару часов назад Родим видел, как от двора Хома отъехала телега, запряженная крепкой каюрой лошадкой, а в ней – трех незнакомцев и тощего мальчишку. Гостей давно нет, а свет в горнице у Хома все еще горит. Что бы это значило?

Родим затянул веревку на штанах и хотел уже повернуться к дому, как вдруг увидел, как в окне соседского дома мелькнула большая тень. Несколько секунд он стоял неподвижно, пристально вглядываясь в соседское окно, затем выдернул из дровницы крепкое дубовое полено и зашагал к избе Хома.

Чем ближе он подходил, тем беспокойнее делалось у него на сердце. Вернуться бы сейчас в избу, забраться под теплую подмышку спящей жены и закрыть глаза. Но соседский долг не позволил Родиму остановиться. Если в дом артельщика Хома пришла беда, то Родим обязан предложить ему свою помощь. А как же иначе?

Подойдя к избе артельщика Хома почти вплотную, Родим остановился и прислушался. То, что он услышал, заставило его сердце забиться быстрее.

– Отпусти их... – просил кого-то артельщик. – Прошу тебя – отпусти их. Они всего лишь женщины и не заслужили смерти.

В горле у Родима пересохло. Вот оно что! В дом соседа наведались разбойники. Ну, держитесь! Он крепче сжал в руке полено и двинулся к двери. Когда-то давно Хом помог Родиму справиться с пожаром. Пришло время вернуть артельщику долг и отплатить ему

добром за добро.

Родим передвигался осторожно и тихо, стараясь не выдать себя нечаянным звуком. Но вдруг в избе что-то грохнуло, а затем Родим услышал странный звук – будто кто-то порвал плотную холстину, а затем Хом заорал голосом, от которого кровь в жилах у Родима застыла:

– Нет!

Послышался какой-то стук, а затем что-то черное пронеслось мимо тусклого окошка – дверь со стуком распахнулась, и огромная черная тень, выскочив из дома на улицу, стремительно метнулась к лесу.

Родим на мгновение остановился, с изумлением уставившись на далекую черную стену деревьев, поглотившую чудовище, затем повернулся и побежал к двери.

Когда Родим ворвался в горницу, дыхание комом встало у него в горле, кровь отлила от лица, полено выпало из разжавшихся пальцев, а побелевшие губы мелко задрожали.

На полу горницы лежало истерзанное, окровавленное тело Милы. А чуть правее Милы лежал и сам артельщик Хом. Вернее – половина артельщика, потому что другая его половина, левая, валялась в углу горницы бесформенной грудой.

Правая половина артельщика еще шевелилась, пытаясь поднять сжатый в пальцах нож-косарь и выпучив на Родима налитый кровью глаз.

Родим повернулся и кинулся прочь из дома. У порога горницы ноги его заскользили по крови, и он едва не упал, но удержался и продолжил свой бег. Выбежав на улицу, Родим упал на колени, и его шумно вырвало.

Глава пятая

1

Костер Глеб разжег быстро. Руки привычно действовали сами, пока голова была занята размышлениями. К разговору Ставра и матушки Евдокии он прислушивался вполуха.

– Правда, правда... – ворчал молодой ходок. – Кому нужна твоя правда? В этом мире главное – сила. А силу дарует богатство.

Евдокия покачала головой.

– Нет, ходок. Моя истина главнее твоей силы. «И познаете истину, и истина сделает вас свободными». Путь к свободе лежит не через богатство, а через правду. И если ты знаешь эту правду, ты должен говорить о ней во весь голос, не боясь ни пыток, ни лютой гибели. Лишь возвещая истину, можно стать свободным и уподобиться Господу.

Ставр усмехнулся:

– Не знаю насчет твоего Господа, а вот уподобиться нашему князю я был бы не против.

– Этого я тебе не советую, – глухо проговорил Глеб, отложив палку, которой ворочал пылающие ветки.

– Почему? – удивился Ставр. – Он богат, и у него есть сила и власть.

– Верно, – кивнул Глеб. – Но у него нет самого главного.

– Чего же это?

– Жизни. Князь Егра мертв уже два года.

Ставр несколько секунд изумленно хлопал глазами, потом сглотнул слюну и хрипло спросил:

– Как это? Почему мертв?

– Во время войны с Голядью князя отравили, – объяснил Глеб.

– Это я помню, – кивнул Ставр. – Говорят, он до сих пор не оправился от болезни.

– Князь умер через два дня после этого, – спокойно проговорил Глеб. – Но княгиня Наталья скрывает правду и действует от его имени, называя себя «княжьими устами».

Ставр долго сидел, задумчиво хмурия лоб. Потом вновь взглянул на Глеба и тихо

спросил:

– А бояре знают?

Глеб покачал головой:

– Нет.

Ставр озадаченно поскреб в затылке.

– Ну и дела. Выходит, нашим княжеством правит мертвец?

– Выходит, что так.

Несколько минут сидели молча, глядя на пылающие ветки костра. Первой молчание прервала Евдокия. Указав на видевшиеся в темноте каменные столбы, она спросила:

– Эта каменная арка и есть межа?

– Да, – ответил Глеб.

– А откуда она здесь появилась?

– Точно не знаю. Но считается, что сотни лет назад ее воздвигли предки нынешних нелюдей.

– Чтобы защитить людей от Гиблого места?

Глеб покачал головой:

– Нет. Чтобы защитить Гиблое место от людей.

Евдокия озадаченно нахмурилась.

– Не понимаю, – сказала она. – Неужели люди опаснее темных тварей?

– Смотря какие, – ответил Глеб. – Вспомни о разбойниках, которые пытались тебя изнасиловать. Они ничем не лучше оборотней и упырей.

Евдокия побледнела от неприятного воспоминания, но качнула головой и сказала:

– Нет, я не согласна. Разбойники злы от невежества и душевной темноты. Им просто никто не объяснил, как надо жить.

Глеб усмехнулся.

– Что-то я не разглядел у тебя в руках Священного писания, – сказал он. – А вот вилы видел совершенно отчетливо.

– Я просто хотела его напугать. Я бы ни за что не стала колоть его вилами.

– Ты сама не знаешь этого наверняка, – возразил Глеб. – И если бы ты его убила, то поступила бы правильно. Иногда люди заслуживают смерти.

Евдокия смерила его хмурым взглядом.

– Ты так же темен, как тот разбойник, – сказала она вдруг. – И так же черств сердцем.

Глеб усмехнулся:

– Может быть. Но он хотел убить тебя, а я – убил его. А это, как говорят в Одессе, две большие разницы.

– Но...

– Не стоит больше спорить об этом, – сухо проронил Глеб. – Ты хоть и проповедница, но твои слова не умиротворяют меня, а будят во мне злость.

– Это от того, что в твоей душе сидят бесы, – сказала Евдокия.

Глеб покачал головой.

– Нет. Это от того, что ты не замечаешь бесов, сидящих в своей собственной душе.

Взгляды их встретились. Несколько секунд они смотрели друг на друга, затем Евдокия отвела взгляд.

Дождавшись, пока костер разгорится, Глеб поднялся и отошел за вересовые кусты, чтобы справить нужду. Ставр пошел за ним.

– Странная она, – сказал Ставр, развязывая штаны и поглядывая сквозь ветки на полыхающий в отдалении рыжий костерок. – Вроде умная, а простых вещей не понимает.

До их слуха долетел негромкий голос матушки Евдокии.

– Исчезли, как дым, дни мои, и кости мои обожжены, как головня... Не сплю я и сижу, словно одинокая птица на кровле. Я ем пепел, как хлеб, и питье мое растворяю слезами. Дни мои – будто уклоняющаяся тень...

– Мудрено как говорит, – рассеянно произнес Ставр.

– Нравится? – поинтересовался Глеб.
Ставр качнул головой:
– Нет. Она, конечно, баба ученая, но вся ее ученость для нас бесполезна. Одни слова, а смысла нет. Только раздражает.
– Дни человека, как трава, – вновь донесся до их слуха мелодичный голос Евдокии. – Как цвет полевой, так он цветет... Пройдет над ним ветер, и нет его, и место его уже не узнает никто. Но, как милует сынов отец, так и Господь милует нас. И дает добрым душам жизнь вечную и бесстрашие перед ликом чудовищ земных...
– Послушаешь – жить не хочется, – угрюмо проговорил Ставр, завязывая тесьму на штанах.
Глеб хмыкнул.
– Мудрость христианина – космического масштаба, – сказал он. – А твоя мысль гуляет на уровне обыденного сознания.
– Хочешь сказать, что я дурак? – хмуро уточнил Ставр.
Глеб покачал головой:
– Нет. Но самокритика тебя украшает.
Он похлопал парня по плечу, обошел вересовый куст и зашагал к костру.

2

Утро выдалось сырым и промозглым. Мальчика Глеб и Ставр несли на спине по очереди, сменяясь через каждые три версты.

Первые два часа они шли приблизительно по прямой. Местность эта была Глебу хорошо знакома, и никаких «сюрпризов» не предвиделось. На третьем часу пути они переправились через ручей и поднялись на холм. Повсюду темнел лес, густой, нетронутый топором.

– Передохнем, – распорядился Глеб.

Они остановились на поросшем высокой травой варгане посреди невысокого ершишного леса. Мальчика положили на еловый лапник. Сами уселись рядом и перекусили вяленным мясом.

Поев, Глеб достал из кармана берестяную коробку с бутовыми самокрутками. Вытряхнув из коробки одну, вставил ее в рот и прикурил от бензиновой зажигалки. Евдокия следила за его манипуляциями с напряженным интересом. А когда с кончика сигареты сорвалось облачко сизого дыма, спросила, нахмутив брови:

– От злых духов?

– Угу, – кивнул Глеб. – Хочешь попробовать?

Она качнула головой и сказала:

– Я христианка.

– Ну и что? Иисус тоже боролся с бесами. У каждого свой метод.

Немного поразмыслив, матушка Евдокия взяла протянутую Глебом самокрутку, осторожно поднесла к лицу и понюхала.

– Пахнет травой, – сказала она. Покосилась на бензиновую зажигалку, которую Глеб все еще держал в руке, и спросила: – Могу я взглянуть на твое огниво?

– Легко. – Глеб протянул ей зажигалку.

Взяв зажигалку, Евдокия долго вертела ее в руках. Затем восхищенно проговорила:

– Твое огниво сделал искусный мастер! – Она провела кончиком пальца по гравированной надписи и продолжила: – И клеймо красивое. Как зовут этого мастера?

– «Зиппо», – ответил Глеб.

– Странное имя. – Она вернула зажигалку Глебу.

– Смотрите! – тихо воскликнул вдруг Ставр.

Евдокия и Глеб взглянули туда, куда он указывал. У подножия холма они заметили маленького человечка. Он что-то мастерил между березами, и по некоторым признакам Глеб

догадался, что строит он помост. И Глеб понял, для чего. Человечек делал тайник для шкурок, недоступный хищникам и укрытый от людских глаз.

– О, боги! – тихо выдохнул вдруг Глеб. Он узнал человечка, но это несколько не ободрило его, а скорее – обеспокоило и даже напугало.

Поднявшись с травы, Глеб громко проговорил:

– Приветствую тебя, Дабор!

Коротышка оглянулся и удивленно вскинул брови:

– Гудимир? – Он подозрительно воззрился на спутников Глеба. – А кто это с тобой?

– Это – ходок Ставр. А женщина и ребенок – его ведомые.

– А что вы делаете здесь?

– Дабор, я хотел спросить тебя о том же. Как ты здесь очутился?

Коротышка нахмурился.

– Не понимаю тебя, Гудимир. Ты ведь знаешь, что я всегда охочусь в окрестностях Черного бора.

– Но ты не в Черном бору, Дабор. Ты – в Гиблом месте.

Лицо коротышки неприятно дернулось.

– Это что, шутка?

Глеб и Ставр переглянулись.

– Нет, – ответил Глеб. – Это в самом деле Гиблое место. Мы отошли на десять верст от межи.

Лицо Дабора снова дернулось.

– Зачем ты так жестоко шутишь надо мной, Гудимир?! – с упреком воскликнул он. – Ты ведь знаешь, что я два месяца не держал во рту ничего хмельного. Не думал, что ты так жесток!

Коротышка повернулся и торопливо зашагал к чащобе.

– Стой, Дабор, – громко сказал Глеб. – Стой!

– Боги покарают тебя за твою жестокость, Гудимир! – крикнул через плечо Дабор и, пригибаясь под тяжестью звериных шкур, быстро зашагал в чащобу.

Глеб с хмурым удивлением смотрел ему вслед.

– Что с этим охотником? – спросил его Ставр. – Он, и вправду, думает, что находится в окрестностях Черного бора?

– Похоже, что да, – хмуро ответил Глеб.

– Может быть, нам следует догнать его и помочь ему отсюда выбраться?

Глеб покачал головой:

– Нет. Если он забрался так далеко в Гиблую чащобу, то сможет и выйти обратно. Дабор отличный следопыт.

Несколько секунд оба молчали. Потом взглянули друг другу в глаза.

– Ты думаешь о том же, о чем и я? – тихо спросил Ставр.

– Да, – так же тихо отозвался Глеб.

– Зерцало?

Глеб нахмурился и повел плечом:

– Не знаю, но очень похоже.

– О чем это вы? – насторожилась Евдокия.

– Иногда в Гиблом месте встречаются странные вещи, – сказал Глеб. – Одна из них – зеркала.

– Что это?

– Дабор мог находиться за много верст отсюда, – объяснил матушке Ставр. – Но гнилой, насыщенный влажными парами воздух Гиблого места отразил его облик и, многократно его повторив, донес до нас.

– Ты видел такое раньше? – спросила ходока Евдокия.

Ставр качнул головой:

– Нет. Но слышал об этом от других ходоков.

Евдокия повернулась к Глебу.
– А ты?
– Видел пару раз, – нехотя ответил Глеб.
– Но Дабор разговаривал с нами. Он отвечал на наши вопросы, – сомневался Ставр.
– Это-то меня истораживает, – сказал Глеб, разглядывая черные деревья, за которыми скрылся маленький охотник. – Обычно зеркала безмолвны. Думаю, Гиблое место научилось манипулировать ими. Словно кукольник своими марионетками.
– Слова, которые ты говоришь, мне незнакомы, – растерянно проговорила матушка Евдокия. – И я... Я не совсем вам верю. Этот охотник был живой человек, и он смутился, когда увидел нас.
– Вот как? – прищурился Глеб. Он вдруг нагнулся и поднял с земли дубовый листок. Под ним блеснула монетка.
– Дабор обронил ее, когда уходил, – сказал Глеб. – Возьми ее.
Евдокия рассеянно нагнулась и хотела подхватить монетку, но пальцы ее, пройдя сквозь монету, схватили лишь воздух.
– Этой монеты нет? – удивленно проговорила она.
– Она есть, – сказал Глеб. – Но лежит не здесь, а в десяти или двадцати верстах отсюда. Матушка Евдокия нахмурилась.
– И как же нам отличать настоящее от ненастоящего? – спросила она.
Глеб холодно усмехнулся.
– Настоящие твари гибнут от удара моего клинка.
– Хороший подход, – иронично заметила Евдокия. – И чисто мужской. Сначала рубить мечом, а потом выяснять – правильно или нет.
– Хороший или нет – но другого у нас все равно не имеется, – сухо откликнулся Глеб. – Достань-ка свой костяной компас, матушка. Пора взглянуть на стрелку.
Евдокия достала из сумки лешью указку и положила ее на свою узкую, длинную ладонь. Костяная стрелка покрутилась чуток, потом дрогнула и остановилась, указывая заостренным концом в глубь чащобы, туда, куда ушел призрачный охотник Дабор.
Евдокия взглянула на мрачную чащобу и поежилась.
– Нам нужно туда, – сказала она.
– Да, – кивнул Глеб. – Пожалуй, мне стоит пойти и разведать обстановку. Ставр, пригляди за ними.
Глеб поправил за плечом кобуру с ольстрой и шагнул к чащобе, но Ставр встал у него на пути.
– Первоход, позволь мне сделать это, – попросил он, хмурия брови. – Я четыре раза был в Гиблом месте и умею быть осторожным.
Глеб несколько секунд раздумывал, затем кивнул.
– Хорошо. Только не задерживайся долго. Если ты не вернешься через полчаса, нам придется идти за тобой.
Ставр улыбнулся, подмигнул матушке Евдокии и, резко повернувшись, бодро зашагал к черной чащобе.
– Не нравится мне, что он пошел туда один, – сказала матушка Евдокия, глядя Ставру вслед.
– Он опытный ходок, – возразил Глеб, – и знает, как себя вести в Гиблом месте.
– «Если царство разделится само в себе, не может устоять царство то». Нам бы стоило держаться вместе, Глеб.
– Может быть, да. А может быть, нет.

3

Войдя в черную чащобу, Ставр положил пальцы на рукоять меча. В таком глушняке нужно быть готовым ко всему. Он так же, как Евдокия, тоже до конца не верил в то, что

охотник Дабор был всего лишь зеркалом – туманным отражением настоящего охотника, разгуливающего по лесу в двадцати верстах отсюда. Возражать Глебу Ставр не посмел, но теперь он хотел нагнать охотника и поговорить с ним, дабы убедиться, что Дабор – реален.

Ставр шагал быстро, но бесшумно, как его учили старые ходоки. Поглядывая на траву и ветки, он пытался определить, в каком направлении двинулся Дабор, но следов охотника не замечал. Однако в чащобе было не так много мест, где человек мог бы протиснуться сквозь частокол торчащих веток, а потому Ставр не сомневался, что идет тем же путем, каким шел маленький охотник.

Шагать одному было скучно, и постепенно в голову ходоку вдруг полезли посторонние мысли. Может ли у него что-нибудь получиться с матушкой Евдокией? Она вроде молода. И задор у нее девичий. Интересно, сколько ей лет? Наверняка не больше двадцати трех. И стать у нее хорошая. Сухопарая, конечно, но Ставру такие нравились. Что, если у них все сложится?

Ставр представил себе, как сжимает в объятьях Евдокию и как нашептывает ей на ухо любовные словечки, и улыбнулся. Да, это было бы здорово. Только как все это устроить? С чего начать?

Опыта в любовных делах у Ставра было маловато. А Евдокия – девка непростая, к ней с пряником в руке не подкатишь. Ставр тяжело вздохнул – сложно все это. Выучиться бы у кого-нибудь, да как тут выучишься, когда большую часть времени проводишь в лесу – с птичками, зверями да букашками, а девок видишь только в мечтах да в срамном доме у Крысуна Скоробогата.

Ставр снова вздохнул, но вдруг остановился и замер. Ему показалось, что он слышит детский смех. Ставр напряг слух. И снова детский смех, как звон колокольчика, донесся до его ушей.

По спине парня пробежал холодок. Чем бы ни был этот детский смех – в Гиблом месте он не предвещал ничего хорошего. Ставр осторожно двинулся вперед. Пройдя шагов двадцать, он остановился перед кустом бузины и осторожно раздвинул ветви.

Плечи Ставра обдало ледяным холодом, а лицо его оцепенело от ужаса. На крохотной, поросшей медвежьей травой и багуном прогалине лежал охотник Дабор. Живот его был вспорот, правая рука изжевана. Три ребенка-упыря грызли тело Дабора – яростно и остервенело, словно озлобленные от голода бродячие псы.

Двое из них были когда-то хорошенькими десятилетними девочками. Несмотря на грязь, налипшую на лица, и трупные пятна, они неплохо сохранились и с расстояния в две-три сажени вполне могли сойти за живых детей.

Третий упырь был сильно тронут гнилью и выглядел, как безобразный злобный карлик, притворяющийся ребенком.

Под ногой у Ставра треснула влажная ветка. Карлик остановился и обернулся на шум. Его черная верхняя губа приподнялась, словно у собаки, а из глотки вырвалось тихое рычание. Девочки тоже вскинули белокурые головки и уставились на кусты.

Ставр опустил ветку, повернулся и быстро зашагал прочь, моля богов о том, чтобы упыри не пошли за ним. Даже зная, что это не настоящие дети, он не хотел рубить их мечом. Слишком хорошенькими были эти две девочки. Слишком нежными казались их тонкие шейки. Слишком белокурыми и кудрявыми были их локоны.

Стиснув зубы, Ставр осторожно пробирался вперед через колючий кустарник, бесшумно шагая по влажному, черному валежнику и мокрой траве. Лес был сырой, и даже в самую солнечную погоду под ногами здесь чавкала грязь. И вдруг он снова услышал детский смех. На этот раз смех прозвучал совсем с другой стороны.

Ставр постоял немного, прислушиваясь, затем двинулся дальше. И вдруг на одной из сумрачных прогалин он увидел мелькнувшую светлую тень. Ставр застыл на месте. Прислушался – ничего. Он зашагал дальше, стараясь ступать как можно тише.

И снова звонкий и мягкий, будто колокольчик, детский смех прозвучал в чащобе...
– Здравствуй.

Она не была похожа на упыря.

– Здравствуй, – растерянно ответил Ставр.

– Что ты здесь делаешь?

– Я?.. Я охочусь. А ты?

– Я тоже! – весело проговорила девочка.

– На кого же ты охотишься? – все еще растерянно спросил Ставр.

– Я? Я охочусь... – ...и чудовище выдохнуло: – ...На тебя!

Тварь, клацая зубами, ринулась на Ставра. Ужас поднял на его голове волосы, кровь запульсировала в висках. Ставр повернулся и, позабыв про меч, бросился бежать.

Пробежав шагов двадцать, Ставр остановился и, хрипло дыша, огляделся. Где-то неподалеку хрустнула ветка. Ставр быстро пригнулся и забрался в густой вересовый куст. Затаившись там, как перепуганный кролик, Ставр прислушался. И он услышал шаги. Кто-то пробирался сквозь глушняк и шел прямо сюда.

Сквозь ветки он увидел девочку. Остановившись, девочка внимательным взглядом оглядела кусты и деревья. Ставр вжал голову в плечи.

– Эй, охотник! – тихо окликнула девочка. – Ты меня слышишь?

Сердце Ставра учащенно забилось в груди. На лбу выступила холодная испарина. Девочка снова оглядела кусты и деревья пристальным, цепким взглядом.

– Охотник, я знаю, что ты здесь! – сказала она. – Выходи! Неужели ты не хочешь со мной поиграть?

Ставр сцепил зубы, стараясь дышать как можно реже и тише.

– Охотник! – снова окликнула девочка. – Бесполезно прятаться! Мы все равно найдем тебя! Ты слышишь меня? Нас много, а ты один!

Слева и справа от Ставра послышались тихие шорохи. От страха у парня свело скулы, когда он сообразил, что тварь в облике девочки не врет, и за деревьями действительно притаились другие твари.

– Мы найдем тебя, – снова заговорила девочка, вглядываясь в кусты. – Найдем и сожрем. От нас нельзя спрятаться.

Блуждающий взгляд девочки остановился. Она уставилась на вересовый куст, за которым прятался Ставр, и улыбнулась. По спине парня пробежала холодная волна, а спина покрылась липким потом. Ставр тяжело задышал, грудь его заходила ходуном.

Поняв, что обнаружен, он поднялся во весь рост, вышел, хрустнув ветками, из куста и с лязгом вытянул из ножен меч.

– Прочь с дороги, нечисть! – хрипло выкрикнул он. – Прочь, или я разрублю тебя пополам!

Лицо девочки перекосилось, губы задрожали. Она закрыла лицо ладошками и заплакала. И вновь в голове Ставра промелькнула дикая мысль: «А что, если это не упырь, а настоящая, живая девочка, заблудившаяся в лесу?»

И вдруг девочка отняла ладони от лица. На Ставра смотрели два холодных, бездушных, пылающих лютот злобой глаза. Девочка двинулась с места и, уставившись Ставру в лицо своими страшными глазами, стала медленно надвигаться на него.

– Я вырву тебе сердце, охотник! – пророкотала она замогильным голосом, медленно поднимая руки, увенчанные кривыми желтыми когтями. – А потом распорю живот и вытяну кишки!

Ставр стал пятиться, выставив перед собой меч.

– Не подходи, тварь... – проговорил он севшим от страха голосом. – Не подходи, слышишь!

Слева от него что-то хрустнуло. Ставр повернул голову и увидел еще одну маленькую тварь. Кожа на лице второй твари висела ошметками, изо рта торчали желтые, острые клыки. Уставившись на него злобными глазами, тварь подняла руки и стала наступать на него.

Ставр крепче сжал в руке меч. Боковым зрением он увидел, что из-за деревьев вышли еще три твари, и теперь уже пять отвратительных маленьких чудовищ наступали на Ставра,

отрезая ему пути к отступлению.

Внезапная догадка осенила Ставра. Ходок быстро оглянулся, и его прошиб пот. Позади себя он увидел черный провал ямы, до края которой оставалось всего три шага. Твари, как опытные загонщики, загоняли его в яму.

В груди Ставра вскипел гнев. Ну, нет!

Повернувшись к тварям лицом, он вскинул меч и ринулся вперед. Подбежав к девочке, он рубанул ее мечом по белокурой головке. Однако клинок прошел сквозь девочку, как сквозь воздух, и, потеряв равновесие, Ставр повалился в гнилую траву.

Подняться на ноги было делом одного мгновения. Сжимая в руке меч, Ставр огляделся. Твари исчезли, и теперь он был на полянке один. Внезапно он все понял. Твари, загонявшие его в яму, были ненастоящими. Это были зеркала. Туманные отражения настоящих тварей. Такие же нереальные, как охотник Дабор.

Ставр перевел дух и вытер рукою потный лоб. От кого-то из ходоков он слышал, что Гиблое место постоянно меняется. Оно хитреет и умнеет, будто чему-то учится у людей. Гиблое место устроило для него, ходока Ставра, маленькое скоморошье представление, показав ему то, чего он боялся больше всего на свете. Нужно поскорее рассказать об этом Глебу Первоходу!

Мысль о Глебе приободрила Ставра. Он повернулся и, сшибая мечом острые ветки, быстро зашагал к варгану, на котором оставил Глеба, Евдокию и мальчишку.

* * *

Выйдя из глушняка и увидев своих друзей целыми и невредимыми, Ставр с облегчением вздохнул. Чем бы ни был преследующий его морок – похоже, теперь он закончился.

Взглянув на приближающегося Ставра, матушка Евдокия нахмурилась.

– Что случилось, парень? – спросила она, когда он подошел. – Почему ты передумал?

– Что? – рассеянно произнес Ставр, останавливаясь. – О чем ты говоришь, матушка?

– Ты же собирался осмотреться. И вдруг вернулся.

– «Вдруг»? Я блуждал по лесу полчаса, а ты говоришь, что я вернулся «вдруг»?

Первоход и Евдокия переглянулись.

– Ставр, ты только что ушел от нас, зашел за деревья, но тут же вышел обратно, – сказал Глеб.

Лицо молодого ходока вытянулось от изумления, а глаза слегка потемнели от гнева.

– Этого не может быть, – твердо и сердито сказал он. – Я блуждал по лесу никак не меньше получаса.

Глеб и Евдокия продолжали молча его разглядывать. Под их странными взглядами Ставр слегка стушевался, и на смену уверенности снова пришел испуг.

– Или... или я сошел с ума? – пробормотал он.

Глеб окинул его фигуру внимательным взглядом, качнул головой и сказал:

– Ты не сошел с ума. Тебя действительно не было полчаса.

– Что за чушь? – нахмурилась матушка Евдокия. – Он только что...

– Его одежда взмокла от пота, – спокойно указал Глеб. – На его сапогах – засохшая грязь, которой не было прежде. Его лицо покрыто свежими царапинами, но кровь уже свернулась. Он говорит правду.

Лицо Евдокии стало растерянным.

– Но что все это значит? – спросила она.

Глеб огляделся.

– Гиблое место придумало для нас новое развлечение, – пояснил он. Затем тряхнул головой и, сдвинув брови, сурово добавил: – С этой минуты мы больше не разлучаемся.

Внимательно осмотрев лес, Глеб взглянул на молодого ходока и сказал:

– А теперь, Ставр, расскажи нам, что ты видел.

Ставр, все еще бледный и напуганный, подробно рассказал Глебу и Евдокии обо всем, что ему удалось пережить.

– Думаю, это были зеркала, – закончил молодой ходок, мрачно хмурия брови. – Но я никогда прежде не видел, чтобы туманные отражения вели себя так. А ты, Глеб?

– Я тоже, – ответил Первоход. Он сдвинул брови и вновь оглядел черный, неприветливый лес. Потом потянулся в карман за берестяной коробкой с бутowymi самокрутками и сказал: – Похоже, Гиблое место испытывает нас на крепость. Интересно, какие еще сюрпризы оно для нас приготовило?

4

Ветер шевелил ветви деревьев. Под ногами двух рослых, сильных мужчин мягко потрескивал валежник. Уже полчаса они шагали молча, лишь изредка поглядывая друг на друга – один угрюмо, второй – весело и почти добродушно.

Первым затянувшееся молчание прервал Рах.

– Как ты себя чувствуешь, воевода? – весело поинтересовался он.

– Плохо, – отозвался Видбор и поморщился от ухнувшего в голове похмельного колокола. – Напомни-ка мне, зачем ты идешь в Гиблое место?

– Я уже говорил тебе, что мне нужны чудные вещи. Вероятно, ты забыл об этом, потому что хватил лишку.

Видбор снова поморщился. Похмелье проходило медленно. Однако проходило, ведь еще час тому назад он едва мог держаться на ногах. Видбор облизнул сухие губы сухим языком и усмехнулся.

– Темнишь ты, парень. Вовсе не амулеты тебе потребны. – Он хрипло вздохнул. – Если бы не водка, я бы тебя сюда не повел.

– Я не заставлял тебя пить, воевода. Тебя заставила пить несчастная любовь. А меня ты с собой взял по одной простой причине. Причина эта – деньги. Ты ведь хочешь помочь матушке Евдокии, не так ли?

Видбор сдвинул густые брови, но не нашел слов для ответа.

– Что ты знаешь о Гиблом месте, Видбор? – поинтересовался, немного помолчав, Рах.

– То же, что и все, – угрюмо ответил Видбор. – Разве что – чуток побольше.

– А что знают все? Я ведь нездешний и многого не успел разузнать.

– Много сотен лет назад посреди леса стоял Кишень-град. Он был огромный, много больше, чем Хлынь. Там были высокие белокаменные дома, громадные храмы. Однажды с неба на Кишень упала звезда. Город выгорел, жители погибли. А те, что выжили, превратились в нелюдей. Многие считают, что та звезда была павшим с небес богом, а чудные вещи – это вещи бога, которые он растерял, когда падал.

– Ты тоже так думаешь?

Видбор пожал могучими плечами.

– Не знаю. Я был здесь всего раз и не видел никакого бога.

– А как выглядят эти нелюди?

– Они похожи на людей, но уж больно уродливы да необычны. Однажды я видел нелюдя, у которого на лбу росли рога. У другого на животе была еще одна голова, и голова эта могла вещать о будущем.

– Где ж эти нелюди теперь? Они все еще прячутся в развалинах Кишень-града?

– Два года назад нелюдь Бычеголов повел свое воинство на людей. Воинство его было велико. Даже безмозглые упыри присоединились к нему.

Рах присвистнул:

– Вот это да. И чем закончился тот поход?

– Ничем. Люди и нелюди сошлись на поле брани. Но скрестить мечи они не успели. Что-то ярко вспыхнуло, и нелюди попадали на траву замертво. Тех из них, кто остался в живых, добила княжья дружина.

Рах сдвинул брови.

– Гм... Выходит, нелюдей не осталось?

– Точно не знаю. Но с тех пор никто больше их не видел.

Пару минут Рах шел молча, обдумывая все, что услышал от воеводы. Затем вновь глянул не своего провожатого и спросил:

– А что было потом? Я слышал, на Гиблое место опустился какой-то туман?

– Ты верно слышал, – отозвался, поморщиваясь от головной боли, Видбор. – Только не «опустился», а выполз из земли. Кто-то сорвал печать, и призрачная тварь, обитавшая в этом тумане, выбралась наружу. Она породила новых тварей – более страшных и опасных, чем прежние. А потом Глеб Первоход расправился с ними.

– Опять это имя, – нахмурился Рах. – Хотел бы я взглянуть на этого Первохода. Где с ним можно встретиться?

– В темном царстве Нави, – ответил воевода, и лицо его еще больше помрачнело. – Первоход сгинул в чащобе с полгода тому назад. Ходили слухи, что его растерзали упыри.

– Жаль, – вздохнул Рах. – А откуда берутся упыри? Тоже выползают из какого-нибудь тумана?

Видбор покачал головой.

– Нет. Те, кто погибает в Гиблом месте, снова поднимаются – но уже упырями, а не людьми. Они бродят по чащобе в поисках живой плоти и крови.

– Вот как, – пробормотал Рах и скользнул тревожным взглядом по кустам. – А зачем им живая плоть?

– Затем, чтобы своя, мертвая, гнила не так быстро.

Еще пару минут оба шагали молча. Потом Рах спросил:

– Ну, а ты, воевода?

– Что – я?

– Ты сам-то как попал в Гиблое место?

Видбор вздохнул:

– Не попал бы, кабы нужда не заставила.

– И что у тебя была за нужда?

Видбор нахмурил широкий лоб, покосился на своего спутника недовольным взглядом и угрюмо обронил:

– Ты сам-то не устал от своих вопросов, охоронец?

Рах мотнул рыжей головой:

– Нет.

– А у меня от них уже голова кругом идет. Помолчи хоть полчаса. А то из-за твоей болтовни не услышим, как попадемся в лапы оборотням или упырям.

Видбор произнес это не грубо, но холодные глаза Раха блеснули недобрым огоньком, брови съехались на переносице, а его рука сама собой потянулась к выжигателю. Однако он вовремя остановил себя. Воевода был ему еще нужен. Вот на обратном пути, когда сумка будет в руках, а каменная межа останется за спиной, – тогда уже можно будет свести счеты с этим верзилой.

Рах убрал руку от выжигателя и улыбнулся.

– Как скажешь, Видбор, – согласился он. – Я буду молчать, пока ты не разрешишь мне заговорить снова.

И он действительно замолчал.

Так они прошли еще пару верст. Рядом с поросшим высокой полынью холмиком воевода вдруг остановился, сдвинул шапку на затылок и внимательно взгляделся в траву. Затем присел, отодвинул нависший пучок травы и осмотрел влажную землю.

– Что там? – спросил Рах.

– А ты сам не видишь? Это следы. – Видбор потрогал пальцами землю, зорко глянул вперед и сказал: – Они прошли здесь. Евдокия, а с ней двое мужчин. Один из них нес на руках мальчика.

– Откуда ты знаешь?

– След глубокий.

– Ну, может, это был толстяк? – предположил Рах.

Видбор усмехнулся и мотнул головой.

– Нет. Эти двое – провожатые Евдокии. А провожатые – будь то ходоки или охотники – не бывают толстыми. К тому же след этот узок. Значит, сапог его не растоптан и нога, которая оставила этот след, стройна.

– Ты отличный следопыт, воевода, – с усмешкой заявил Рах.

– Чтобы понять подобное, не нужно быть следопытом, – заверил его Видбор.

Он выпрямился, привычным движением поправил шапку и задумчиво пригладил ладонью свою рыжеватую бороду.

– Смотри-ка – монета! – воскликнул вдруг Рах. – Это они ее обронили?

Рах наклонился, чтобы поднять блеснувшую в траве монетку.

– Стой! Не поднимай! – гаркнул Видбор, но было уже поздно.

Рыжий охоронец ковырнул пальцами монетку, намереваясь ее взять, но пальцы его прошли сквозь монету насквозь.

– Не понял, – изумленно проговорил Рах. – Это еще что за фокусы? Она что, не настоящая?

– Я же говорил – не трогай.

Рах выпрямился и дернул щекой.

– Да ладно тебе. Ничего ведь страшного не случилось.

Видбор сдвинул кустистые брови и строго изрек:

– Намотай себе на ус, охоронец: в Гиблом месте нельзя ничего хватать. Любая вещь может оказаться ловушкой.

– Да ну? – ощерился Рах. – А как же чудные вещи? Их ведь ходоки поднимают. И выносят из Гиблого места.

– Любого ходок сто раз подумает, прежде чем поднять чудную вещь, – назидательно пояснил Видбор. – А до этого опробует на ней ветку, воду и живую тварь.

– Ладно, воевода, тебе виднее, – согласился Рах. – Но почему мои пальцы прошли сквозь монету?

– Не знаю. Прежде я такого не видел.

– Вот как? – Рах хмыкнул. – А я думал, ты опытный человек.

– Я не ходок и был в Гиблом месте всего раз. Вдолби это себе в голову, охоронец, если не хочешь попасть в беду или нарваться на ссору.

– Ладно, ладно, – примирительно улыбнулся Рах. – Я вовсе не хочу нарваться на ссору. А уж попадать в беду – тем более. Мы идем дальше или продолжим пялиться на эту мнимую монету?

Видбор поправил на поясе ножны и, угрюмо нахмурившись, зашагал по высокой траве. Рах последовал за ним. Еще с полчаса они шли в молчании. Лес вокруг становился все темнее и неприветливее, березы теперь почти не встречались, лишь старые пихты и мрачные мокрые дубы вставали у них на пути.

Потемневшее от ранних сумерек небо отливало ровным багровым светом. Рах взглянул на это багровое небо и поежился. Он отлично помнил, как блуждал в этом лесу, под этим багровым небом почти неделю, потеряв уже надежду на спасение. И все же он выбрался. Выбрался и взял ситуацию в свои руки.

Победа дается лишь сильным. А уж в гиблой чащобе слабакам точно не место. Рах облизнул губы и усмехнулся, однако в следующее мгновение усмешка покинула его губы. Как же удалось выжить мальчишке? Целовальник Озар говорил, что мальчишка приболудился к храму несколько месяцев назад. Это было странно, поскольку сам Рах блуждал в чащобе не больше недели. Похоже, что время вытворяло в Гиблом месте странные фокусы.

Рах тяжело вздохнул.

Интересно, уцелел ли Крев? Что, если этот чертов ловчий до сих пор блуждает по

чащобе? Подумав об этом, Рах окинул лес быстрым, тревожным взглядом. Встретиться в чащобе с кровожадным ловчим ему бы сейчас хотелось меньше всего.

Впрочем, Рах был вооружен. А Крев, возможно, нет. Во время взрыва он вполне мог потерять свой выжигатель. Не нужно забывать и о фокусах времени. Даже если Крев выжил, для него время могло растянуться, как эластичный бинт, и превратить минуты в часы, а часы – в дни и недели.

Рах представил себе, как Крев выходит из чащобы после года блужданий – грязный, оборванный, отощавший, – представил и усмехнулся. Бред, конечно, но думать об этом было приятно.

В траве, под ногами у Раха, что-то блеснуло. Остановившись, Рах не без удивления увидел, что у ног его лежит небольшой металлический обруч. Забыв о предостережениях воеводы, рыжий охоронец наклонился и поднял обруч из травы.

– Видбор! – окликнул он. – Гляди-ка, что я нашел!

Воевода обернулся и увидел, что Рах держит в руке небольшой железный обруч, размером чуть побольше браслета.

– Брось его! – рявкнул Видбор.

– Почему? – удивился Рах.

– Брось, сказал!

– Да ладно тебе, не кипятись. – Рах поднес находку к лицу и принялся вертеть ее в руках. Потом, заметив на ровной полированной поверхности обруча маленькое пятнышко, поспешил палец и попытался его оттереть.

И вдруг обруч засветился. Свечение было ровным и тусклым, но явно шло изнутри.

– Видбор, ты видел?

Не успел он это договорить, как вдруг обруч со свистом завертелся на ладони Раха. Он крутился все быстрее, а свист становился все громче.

– Брось его! – снова рявкнул Видбор.

– Не могу! – крикнул Рах. – Он будто прилип к ладони!

Видбор выхватил из ножен меч и резко рубанул. Рах заорал от боли и схватился за окровавленную культю, а обруч вместе с отрубленной ладонью шлепнулся в траву. И вдруг обруч резко крутанулся и одним страшным движением срезал с отрубленной руки всю плоть, оставив лишь белую, блестящую кость.

– Бежим! – крикнул Видбор, схватил Раха за плечо и поволок его прочь от лужайки.

Рах оттолкнул от себя воеводу и выхватил из чехла выжигатель.

– Что ты наделал, сволочь! – яростно заорал он. – Да я тебя...

– Умолкни, парень, – быстро проговорил Видбор. – И посмотри туда.

Рах взглянул, куда показывал воевода, и оцепенел. Сажень в десяти от них, у самой кромки сумеречного леса-глушняка, стояли темные тени. Их было много, больше дюжины, и стояли они неподвижно и молча.

– Что это? – хрипло прошептал Рах, прижимая к груди окровавленную культю.

– Не знаю. Но они пришли на свист обруча.

Рах поднял выжигатель и свирепо проговорил:

– Сперва я разберусь с ними, а потом с тобой. Уйди в сторону!

Видбор, покосившись на выжигатель, отшагнул в сторону. Рах направил дуло выжигателя на темные фигуры и нажал на спусковую панель.

В темном сумеречном воздухе полыхнул белый всполох, и три темные фигуры рассыпались в прах. В ту же секунду три черных пыльных облака взлетели вверх, но на землю не опустились, а вдруг завертелись, как маленькие смерчи, и с тихим гулом устремились к Раху и Видбору.

– Это вертуны! – крикнул Видбор. – Бежим в чащобу!

– Но...

– Бежим, или завертят до смерти!

Воевода вновь схватил его за плечо и поволок к лесу. Добежав до глушняка, они

нырнули под защиту темных дубов. Вертуны с гулом прошли вдоль стены деревьев, повернулись и двинулись обратно. Спустя несколько секунд они растворились в темном воздухе, не оставив после себя и следа.

5

– Подержи здесь, – велел Видбор.

Рах молча прижал палец к узлу. Воевода еще раз обмотал концы тряпки вокруг культи, вновь завязал их и крепко затянул узел.

– Готово.

Рах взглянул на Видбора из-под нахмуренных бровей.

– Ты отрубил мне руку, воевода, – зло процедил он. – Я тебе этого не забуду.

– В следующий раз не станешь хватать что ни попадя, – небрежно отозвался Видбор. – Ты же видел, что произошло с твоей рукой. Кабы не я, обруч сделал бы с тобой то же, что сделал с нею.

Рах помолчал. Он понимал, что Видбор прав, но ярость и гнев не отпускали его. Облизнув пересохшие от боли губы, Рах глянул на воеводу исподлобья и спросил:

– Что это за вертуны? Откуда они взялись?

– Точно никто не знает, – ответил Видбор. – Поговаривают, что сто лет назад шайка разбойников, промышлявшая в здешних лесах, попала в ураган. Ураган убил разбойников, но не отпустил их души в царство Нави. С тех пор они странствуют по Гиблому месту, не находя себе покоя и убивая всякого, кто попадется у них на пути.

Рах передернул плечами.

– Жуть. Надеюсь, с нами ничего подобного не случится. Не хотел бы я бродить по этому гнусному лесу сто лет подряд.

Видбор взял с травы сумку и положил ее себе на колени.

– Ты потерял много крови, Рах, – сказал он, развязывая тесьму. – Тебе нужно поесть, иначе ты совсем ослабнешь.

Рах хмыкнул.

– Думаешь, еда поможет?

– У Гиблого места свои законы. Ты сам удивишься, когда увидишь, как быстро затянется твоя рана.

– Может, у вас тут и отрубленные руки заново отрастают? – с мрачной усмешкой поинтересовался Рах.

– Случается и такое. Но если у тебя вырастет новая рука, возьми этой рукою кинжал и перережь себе глотку.

– Это почему же?

– Потому что руки отрастают только у темных тварей. И если это случилось с тобой, значит, ты больше не человек.

Рах прищурил зеленоватые глаза и глухо поинтересовался:

– Так не лучше ли остаться темной тварью, чем погибнуть?

– Для кого как, – спокойно ответил Видбор. – Одним Гиблое место дает выбор, другим – нет. Если бы мне пришлось выбирать, я бы выбрал смерть.

Воевода достал из сумки большой кусок вяленого мяса и протянул Раху.

– На, поешь. У тебя во фляге осталась вода?

Рах впился зубами в мясо и качнул головой.

– Нет.

– Тогда возьмишь мою.

6

Обглодав кости Полеи, Крев швырнул их в кусты и двинулся дальше. Наконец-то ему

удалось утолить голод. Но надолго ли?

Боясь нового приступа голода, он поймал у оврага двух зверьков, похожих на крыс, придушил их, быстро ободрал мясо и сунул его, еще мокрое и сочащееся кровью, в зобный мешок – впрок.

Те, кого он преследовал, успели уйти далеко. Мальчишка, охотник, ходок и женщина добрались до межи на лодке. Рах и сопровождающий его богатырь тоже воспользовались рекой, доплыв до межи на маленьком обласе. Креву же пришлось преодолеть это расстояние по лесу, продираясь через кустарники и стирая лапы в кровь об острый валежник.

Потеряв следы врагов, Крев было забеспокоился, но у самой межи он снова отыскал их следы и двинулся за ними по пятам. Пробираясь по гиблой чащобе, нужно было постоянно держать нос по ветру. Лес кишел темными тварями, и некоторые из них были так же сильны, как Крев.

Крев не боялся лесных чудовищ, но обходил этих исчадий ада стороной, потому что не хотел терять время на схватку с ними. Однажды он почти наткнулся на стаю голодных оборотней, но ему повезло – твари располагались с наветренной стороны и не учуяли Крева.

Осторожно обойдя тварей, Крев устремился дальше, стараясь не потерять тонкий, едва различимый шлейф запаха, стелющийся за мальчишкой, Рахом и сопровождающими их людишками. Он успел пробежать еще несколько верст, когда желудок его свела голодная судорога, и он вынужден был остановиться, чтобы съесть отложенных про запаз зверьков.

Однако даже после этого голод не оставил его. Испытывая страшную досаду, Крев вынужден был сделать перерыв в гонке и заняться охотой, чтобы избавиться от чувства голода, совладать с которым было совершенно невозможно.

7

– Уф-ф... – Ставр убрал руки от костра и вытер потный лоб. – Жарко-то как стало. Прямо как в бане. Матушка Евдокия, а у тебя на подворье есть баня?

– Есть, – ответила Евдокия.

– Это хорошо. Я люблю париться. Особенно уважаю пихтовые веники. Бывает, простынешь да захвораешь так, что белый свет не мил. А зайдешь в баньку, похлещешься свежим пихтовым веничком – и хворобы твоей как не бывало. Да что там пихтовым – даже и жестким голиком похлестаться иногда в охотку.

Мальчик, голова которого лежала на коленях у матушки Евдокии, заворочался во сне и тихонько что-то забормотал.

– Чего это он? – нахмурившись, спросил Ставр.

– Тише. – Матушка отодвинула край платка, нагнулась и приблизила ухо к губам мальчика.

Послушала, затем выпрямилась и сказала:

– Говорит, что еще далеко.

– Чего далеко? – не понял Ставр.

– То, за чем мы идем, – ответил ему Глеб. Он внимательно взгляделся в лицо спящего мальчика. – Кажется, твой пасынок выздоравливает, Евдокия. Лицо его уже не такое землистое, как раньше, а кожа не такая сухая.

– Значит, мы идем правильно, – убежденно заявила матушка Евдокия.

Ставр поворочал палкой угли, затем вновь повернулся к Евдокии и сказал:

– Не пойму я – зачем тебе это?

– Что? – не поняла она. – О чем ты?

– Зачем тебе сдался этот плачущий бог? Ты красивая девка, тебе бы с парнями миловаться и детишек рожать, а ты все свое время отдаешь храму. Ну, не глупо ли это?

Евдокия нахмурилась, и Ставр поспешно добавил:

– Ты только не обижайся, я ведь не со злобы это говорю. Если я чего-то не понимаю – объясни.

Матушка Евдокия немного помолчала, хмуря брови и глядя на красные угли костра, а затем сказала:

– Я, Ставр, великая грешница. И мне всей моей жизни не хватит, чтобы замолить грехи. Ставр усмехнулся.

– Что же ты такого сотворила, что твой плачущий бог не может тебя простить? – поинтересовался он. – Украла у кого-нибудь сладкий пряник?

Евдокия покачала головой:

– Нет.

– Тогда что?

Проповедница взглянула Ставру в глаза и тихо сказала:

– Я человека убила.

Ставр, взявший было в руку палку, чтобы снова помешать угли, замер с открытым ртом. Глеб тоже взглянул на девушку с удивлением.

– Как это – убила? – изумленно пробормотал Ставр. – Ты, должно быть, шутишь?

Евдокия отвела взгляд, привычным жестом поправила свой черный платок и покачала головой.

– Нет. Не шучу. Я много путешествовала, а в моравских лесах пристала к ватаге разбойников.

– Зачем?

Матушка Евдокия невесело усмехнулась.

– Уж больно мне глянулся их главарь. Стали мы с ним любовниками. И хорошо нам с ним было, Ставр. Так хорошо, что и словами не перескажешь. Но мало мне было одной любви, хотелось испытать то, что испытывает он. И стала я к нему приставать: «Поведай, – говорила, – как это – человека убивать? Что при этом чувствуешь? Об чем думаешь?» Он все отшучивался, а мне эта мысль покоя не давала. И днем и ночью только об том и помышляла.

Евдокия замолчала, о чем-то задумавшись.

– А что дальше-то? – нетерпеливо спросил Ставр.

– Дальше? В ту ночь наша ватага напала на караван купцов, перевозивших византийское вино и огневое зелье. Отбили от каравана две подводы, а с ними двух купчиков. Ночью вся ватага пировала. Изжарили кабанчика, откупорили мехи с вином... Всем было весело. А к утру от вина и веселья совсем очумели. Тогда я и предложила – поставить к стене плененного купчика и метать ножи. Чей нож воткнется в доску ближе всего к купчику – тому три золотых солида поверх равной части от добытого.

– И что? – снова спросил Ставр. – Вы стали метать в него ножи?

Евдокия кивнула.

– Да. А пред тем заткнули купчику рот, чтобы не кричал. Трое бросили ножи. Ближе всех попал наш атаман, его нож срезал купчику прядь волос. Тогда я тоже взяла в руку нож... Весело мне было, а крови к тому времени я уже не боялась. Разбойники проливали ее ручьями. Я уже не отличала ее от водицы.

Матушка замолчала и снова о чем-то задумалась. Ставр подождал чуток, потом спросил:

– Что было дальше, Евдокия? Ты кинула ножик?

Она покосилась на Ставра и ответила глуховатым, полным горечи и раскаяния голосом:

– Кинула.

– И что ж – попала?

Евдокия покачала головой:

– Нет. Нож мой воткнулся в доску дальше других.

– Уф-ф... – выдохнул Ставр. – Так чего ж ты тогда сокрушаешься?

– Того, что купчик помер, – сухо проговорила Евдокия. – Помер с перепугу, как только увидел, что девка бросает в него нож.

– И все?

Она кивнула:

– И все.

– А я-то думал, ты и вправду кого-то убила, – с некоторой досадой проговорил Ставр. Глаза Евдокии сверкнули.

– Ты что, глухой? – раздраженно сказала она. – Я убила того купчика. Кабы не я, он бы остался жив.

– Кабы не ты, то его бы прикончил кто-нибудь другой, – возразил Ставр. – И вины на тебе никакой нет.

– Ты считаешь, что нет? А я знаю, что есть.

– А я тебе говорю: ты ни в чем не виновата!

Евдокия посмотрела на ходока с холодным прищуром.

– Ты и впрямь так глуп или прикидываешься дураком? – сухо спросила она.

– Чего? – Лицо молодого ходока порозовело. – Я дурак? Значит, я дурак?

– Ставр, остынь, – осадил его Глеб.

Ставр отвернулся и проворчал:

– Остынь, остынь... Все время мне рот затыкаете.

Он вдруг поднялся и зашагал к черному облаку кустов.

– Куда ты? – окликнул его Глеб.

– «Коня» привяжу, – сердито отозвался Ставр.

– Смотри не суйся со своим «конем» глубоко в лес, – посоветовал Глеб. – А то упыри тебе его враз оттяпают.

Дождавшись, пока Ставр зайдет за кусты, Евдокия тихо сказала:

– Зря мы так с ним. Он ведь совсем еще ребенок. Сколько ему? Осьмнадцать?

– Почти девятнадцать, – ответил Глеб.

Евдокия вздохнула.

– На шесть лет младше меня. Совсем дите. Еще сопلي вытирать не научился, а уже водит в Гиблое место людей. Нешто так можно?

– Знавал я ходоков и помладше, – сказал Глеб.

Евдокия погладила спящего мальчика по волосам, вновь глянула на Глеба и спросила:

– А ты много темных тварей убил?

– Гораздо больше, чем хотелось бы, – ответил Глеб.

– Тебе их жалко?

– Упыри не виноваты, что Сила Гиблого места оживила их мертвые кости, подняла их и погнала по чащобе в поисках живой плоти. Так же и оборотни. В города и деревни их гонит голод. Лишь немногие из них выбрали свою судьбу сами. Другие просто оказались жертвой обстоятельств.

– Я однажды видела оборотня. Это было давно, еще до моего отъезда из княжества. Мы тогда водили хоровод на поляне. Оборотень выскочил из леса и прыгнул прямо в круг. Все закричали и кинулись врассыпную, а оборотень бросился на самую красивую девку. Один парень – крепкий, крепче иного взрослого мужика – встал у него на пути, и оборотень убил его одним ударом. Просто махнул лапой и разорвал парню всю грудь так, что ребра вывалились наружу. А потом вцепился девке зубами в плечо, повалил ее на траву и поволок в лес. Никто из парней не решился его остановить.

Матушка Евдокия немного помолчала, а потом вдруг спросила:

– А правда, что чудовища стригои умеют летать и становиться невидимыми?

– Почти все, что говорят про стригоев, правда, – сказал Глеб.

– А вдруг мы встретим сригия в Гиблом месте? Что тогда? Он нас убьет?

– По ночам стригои охотятся в городах и селах, а в Гиблое место возвращаются только днем, – объяснил Глеб. – Да и то лишь затем, чтобы поспать. Они забираются в канавы, накрываются еловым лапником или влажным дерном и дремлют до сумерек.

– Почему?

– Солнечный свет жжет им кожу и сушит гортань.

– Значит, ночью они уходят из Гиблого места на охоту, а днем спят в канавах? – Евдокия облегченно вздохнула. – Ну, значит, мы их не встретим.

Глеб промолчал, поглядывая на угли и прислушиваясь к звукам ночного леса.

– Господи, – тихо проговорила Евдокия, глядя в темное, звездное небо, отливающее багровым цветом, – сколь же велико число демонов, покинувших адское пекло и блуждающих среди людей! И когда Господь положит этому конец?

Глава шестая

1

Молодой ходок Ставр с хмурым видом шагал в темноту. «Леший его поberi, этого Первохода! – хмуро думал он. – Вообразил о себе! А сам-то кто? Не его ли разыскивают ищейки князя за то, что он утопил в болоте огнестрельные посохи? А еще поучает».

Ставр скрипнул зубами, а на глаза его навернулись слезы обиды. Он смахнул эти слезы и разлился еще больше. Вот он уже плачет, как девка, – и все это из-за Первохода.

Шмыгнув носом, Ставр заставил себя успокоиться и взглянуть на все здраво.

Нет, конечно, Первоход – ходок хороший. Но кто сказал, что Ставр хуже? Некоторые рождаются ходоками в места погиблые, а некоторые становятся. Ставр – родился. Это ему сказала вещунья, а вещуньи не врут. Если бы вещуньи ввали, их бы давно побили камнями.

А Первоход обращается с ним как с ребенком! Вот и Евдокия тоже начала на него покрикивать. А какое она, собственно говоря, имеет право? Тоже еще нашлась – «матушка». А матушке-то всего лет двадцать с небольшим. По здравому разумению, она такая же «матушка», как Ставр – «батюшка».

Батюшка Ставр. К-хех...

Ставр не сдержался и прыснул от смеха.

Остановившись у куста, Ставр развязал на штанах тесьму и, прицелившись в темную канавку под кустом, с наслаждением помочился. Когда он завязывал штаны, ему вдруг показалось, что он слышит какой-то тихий звук. Не громче пищания комара, но несоизмеримо приятнее. Что же это за насекомое такое?

Ставр осторожно двинулся к реке через густые заросли рогоза и камыша. От реки веяло прохладой, и Ставр поежился. Писк тем временем становился все громче и различимей. У реки Ставр остановился и осторожно раздвинул руками жесткие стебли рогоза.

У самой воды он увидел большой, замшелый камень. А на камне... Мать честная! На камне сидела голая девка! Сидела она вполоборота, расчесывала гребнем длинные волосы и тихонько напевала.

Ставр прислушался и с удивлением понял, что поет девка его любимую песню. Ту самую, что в детстве так часто напевала ему мать. Голос у незнакомки был тихий, но удивительно чистый и красивый.

То не снег идет,
То не дождь идет,
То добрый молодец по полю
С мечом идет,
С мечом идет, смерти ищущи...

Ставр стоял как вкопанный, слушая песню. Он уже не таился, позабыв про страх и осторожность. Песня влилась ему в душу теплой березовицей, обвила ему сердце патокой, затуманила голову.

Продолжая тихонько напевать, девка повернула голову и взглянула на Ставра. Кожа у нее была матовая и словно светилась изнутри теплым светом, а лицо... Красивее лица, чем у

нее, Ставр в жизни не видывал.

Забыв себя, ходок шагнул к девке. Он боялся только одного – что девка испугается его, застыдится своей наготы и перестанет петь. Но песня не оборвалась, а красавица ничуть не испугалась Ставра, а улыбнулась ему мягкой, лучистой, доброй улыбкой и протянула ему навстречу прекрасные гибкие руки.

Ставр затрепетал и пошел ей навстречу. Шаг... Еще шаг...

То не снег идет,
То не дождь идет,
То добрый молодец по полю
С мечом идет...

И еще один шаг по мягкому береговому наилку – робкий, неуверенный.

С мечом идет, смерти ищущи,
Смерти славной,
Смерти быстрой...

И вот уже прохладные, мягкие пальцы девушки коснулись раскрытых ладоней Ставра. По телу ходока вновь пробежала дрожь.

– И бессмертной славы... – пропел чудный голос, и Ставр почувствовал, что окончательно теряет себя, растворяясь в нежном голосе незнакомки и в ее больших, грустных глазах.

– Иди ко мне... – тихо проговорила девушка.

Она была так хороша, так незащитна и тонка в этом огромном, черном, страшном лесу, что сердце Ставра сжалось от любви и жалости.

– Да, – хрипло прошептал он и сжал в руках прохладные пальцы незнакомки. – Да.

Еще один шаг, и вот уже Ставр сжимает красавицу в объятьях, задыхаясь от страсти, и ловит ее губы, чтобы запечатлеть на них поцелуй.

И вдруг песня оборвалась. Ставр открыл глаза и оцепенел от ужаса. Безобразная, покрытая липкой, зеленоватой пленкой рожа нависла над ним, синие губы открылись, и пасть – мерзкая, вонючая, усаженная острыми, как иглы, зубами, – стала медленно открываться.

Ставр хотел закричать, но рот его онемел. Два больших, выпуклых, словно у рыбы, глаза пристально вглядывались в глаза Ставра, и от этого жуткого, нечеловеческого взгляда некуда было деваться. Холодные руки держали его крепко, а цепкие синие когти впились ему в рукава, проткнули ткань и царапнули кожу.

Зловонная слюна из раскрытой пасти закапала Ставру на лицо и поползла по щекам, подобно студенистым слизням. Ставр снова попытался вырваться, но снова потерпел поражение. Тело отказывалось подчиняться ему.

«Конец!» – понял Ставр, и вдруг ему сделалось так страшно, что к горлу подкатил ком, а на глазах выступили и задрожали слезы.

И вдруг что-то случилось. Чудовище выпустило Ставра из своих жестких лап, соскользнуло с камня, яростно зашипело на кого-то, затем быстро развернулось и стремительно поползло к воде на своих коротких, неуклюжих передних лапах.

2

Глеб Первоход в два прыжка нагнал уползающую тварь, схватил ее за перепончатый хвост, напрягся и вышвырнул мокрое чудовище обратно на берег. Чешуйчатое, скользкое, длиною в добрую сажень, чудовище снова бросилось к реке, но Глеб преградил ему путь и с лязгом выхватил из ножен меч.

Поняв, что путь к воде отрезан, тварь приподняла над землей переднюю часть тела, выставила перед собой когтистые лапы и, раскрыв усыпанную острыми зубами пасть, отчаянно зашипела.

Глеб шагнул вперед и рубанул тварь мечом, но та ловко увернулась и ударила Глеба хвостом по ногам. Первоход рухнул на мокрый песок и выронил меч, но тут же снова схватил его и нанес надвигающейся твари быстрый колющий удар в обвисшую чешуйчатую грудь.

Острые клинка рассекло жесткую кожу чудовища, и из разреза брызнула черная кровь. Тварь зашипела от боли и торопливо отползла назад.

– Не нравится? – угрюмо проговорил Глеб, поднимаясь на ноги. – Ну, иди сюда, гадина! Я вспорю тебе брюхо!

Тварь снова бросилась на Первохода, намереваясь ударить его головой и лапами в грудь и отбросить с пути, но Глеб ловко увернулся и быстро рубанул тварь мечом по шее.

Клинок срезал чудовищу безобразную голову. Обезглавленное тело твари упало на береговой наилок и забилося там, как выброшенная на берег рыба, широко и судорожно загребая раздвоенным хвостом мокрый песок.

Оцепенение, наконец, исчезло, Ставр поднялся с песка, взглянул на извивающееся тело сирены и выкрикнул:

– Подыхай скорее, проклятая гадина!

– Минуту назад ты готов был жениться на ней, – напомнил ему Глеб. – А теперь желаешь ей смерти.

Ставр хмуро взглянул на Глеба, но ничего не сказал.

Первоход сорвал пук травы и отер испачканное черной кровью лезвие меча. Затем вложил его в ножны.

Сирена у его ног уже затихла. Лишь голова ее еще хлопала на песке глазами и пыталась дотянуться до сапога Глеба раздвоенным, дергающимся языком. Глеб пнул ее сапогом. Голова пролетела сажень, плюхнулась в воду и, пуская пузыри, ушла на дно.

– Ставр, – обратился к парню Глеб. – В следующий раз будь осторожнее. Если бы я не поспел вовремя...

– А я не просил, чтобы ты меня спасал! – яростно заявил Ставр. – Коли понадобится, сам себя спасу!

Усевшись на гнилое бревно, парень стащил с левой ноги сапог и вылил из него воду. Затем проделал то же самое с правым сапогом. Снял обмотки и хорошенько их выжал, поеживаясь на ветру.

– Ну? – поторопил его Глеб. – Ты скоро? Евдокия у костра одна.

– Я тебя не держу, – хмуро отозвался молодой ходок. – Иди себе.

– Снова оставить тебя одного? – Глеб усмехнулся и качнул головой: – Ну уж нет.

Ставр вскочил на ноги, обхватил пальцами рукоять меча и воззрился на Глеба пылающими от гнева глазами. Глеб удивленно приподнял брови.

– Что это значит? Ты хочешь со мной сразиться?

– Я не слабее тебя! – рявкнул Ставр. – Если ты не трус, достань меч, и я покажу тебе, как Ставр Смелый умеет драться! Доставай меч, трус!

Лицо Глеба потемнело. И какого черта он возится с этим щенком? Дать ему голоменью меча по лбу – враз научится вести себя вежливо со старшими. Будет как шелковый.

– Что ж... – угрюмо проговорил Глеб. – Если ты этого хочешь...

Заговоренный меч-всеруб с лязгом выскочил из ножен Глеба и тускло сверкнул в лунном свете.

Ставр улыбнулся, по телу его пробежала дрожь волнения и нетерпения – такая же дрожь пробегает по коже возбужденного лязгом мечей и свистом стрел коня.

– Наконец-то, – с угрюмым, мстительным удовольствием проговорил Ставр. – Я покажу тебе, какой я мальчишка.

Глеб бросил взгляд на босые ноги парня с поджатыми от холода пальцами и не

удержался от усмешки.

– Может, ты сначала обучешься, аника-воин?

– Ничего, – процедил парень сквозь зубы. – Я и с босыми ногами собою с тебя спесь. Защищайся!

Он ринулся на Глеба. Мечи их скрестились.

– Опусти меч, мальчишка, – пророкотал Глеб.

Ставр прищурился и процедил сквозь зубы:

– Я собою с тебя спесь, старик!

Глеб оттолкнул парня от себя и отпрянул сам. Клинки матово сверкнули в лунном свете и снова скрестились. Поляна наполнилась лязгом железа.

Ставр, несмотря на молодость, владел мечом отменно, получше иного опытного ратника, а Глеб еще не до конца оправился после страшных ожогов и болезни. К тому же «дыхалка» его, испорченная сигаретами и самокрутками, была хуже, чем у молодого ходока. Да и не бился Глеб в полную силу. Жалел молокососа.

Постепенно парень стал теснить его к лесу. Наконец, Глеб понял, что дело приобретает скверный оборот, и решил покончить с этим глупым поединком.

После очередного отбитого выпада Глеб опустил меч и сказал:

– Ты доказал, что хороший воин, Ставр. Самое время прекратить.

Но парень уже вошел в раж и не мог остановиться.

– Признай, что я лучший ходок, чем ты! – крикнул он, глядя на Глеба сверкающими глазами.

– Если я признаю, ты перестанешь махать мечом?

Парень торжествующе усмехнулся и качнул головой.

– Нет. Я буду сражаться, пока не увижу, какого цвета у тебя кровь!

– Она такого же цвета, как и у тебя, – холодно проговорил Глеб, чувствуя, что гнев снова вскипает в его душе. – Опусти меч, Ставр, и мы вернемся к костру.

Несколько мгновений молодой ходок размышлял, а потом случилось то, чего Глеб так опасался, – Ставр принял его лояльность за трусость.

– Я не закончу бой, пока не пущу тебе кровь, – отчеканил он, угрожающе поднимая меч.

– В таком случае ты не оставляешь мне выбора, – сказал Глеб и пошел в атаку.

Точными, рубящими ударами он сломил защиту противника и стал теснить его к лесу, не сбавляя темпа. Но давалось это Глебу не без труда – парень превосходно владел мечом, словно тренировался с самой колыбели.

Бешеная атака Глеба лишила парня самонадеянности, и теперь он дрался с упорством и холодностью опытного бойца. Удар! Еще удар! Что-то хрустнуло под ногой у Ставра, и земля вперемешку с сухими листьями посыпалась у него из-под пяток.

Поняв, что стоит на краю ямы, Ставр схватился левой рукой за толстую ветвь дерева, а правую, сжимающую меч, выставил перед собой. Глеб остановился и хрипло перевел дух. Ему хватило одного мгновения, чтобы оценить ситуацию.

– Опусти меч и дай мне руку! – потребовал он.

Ставр качнул головой и угрюмо ответил:

– Нет.

«Чертов мальчишка», – с досадой подумал Глеб.

– Послушай меня, парень, – заговорил он, стараясь, чтобы голос звучал спокойно и мягко. – Опусти меч, и я помогу тебе. Здесь очень зыбкая земля. Еще немного – и ты окажешься в яме.

– Нет! – крикнул в ответ парень. – Признай, что я лучший ходок, чем ты!

Ветка, за которую держался Ставр, хрустнула.

– Держись! – Глеб отшвырнул меч и бросился к Ставру.

В последнюю секунду он успел схватить парня за плечи и отшвырнуть его от ямы, но выставленный вперед меч Ставра вонзился ему в плечо.

Ставр рухнул на землю, а Глеб, постояв секунду или две, медленно опустился на колени. Жаркая кровь вытекла у него из рукава и закапала на землю.

– Черт... – хрипло сказал он и усмехнулся обескровленными губами: – Ты только что выиграл конкурс на звание самого большого болвана.

Ставр присел рядом с Глебом и угрюмо заверил:

– Я не хотел этого.

Глеб поморщился.

– Да, я знаю. Помоги мне добраться до костра. Там... в сумке... есть лекарская мазь.

Ставр помог Глебу встать на ноги.

– Первоход, это вышло случайно. Я не...

– Оставь разговоры, – оборвал парня Глеб. – Просто помоги мне добраться до костра. И не забудь поднять мой меч.

3

– Что случилось? – взволнованно спросила матушка Евдокия, помогая Глебу усесться перед догорающим костром.

– Первоход... – начал было Ставр, но Глеб перебил его:

– Поскользнулся на банановой корке. Евдокия, достань из сумки маленькую глиняную крынку.

Матушка Евдокия сделала, как он просил. Глеб кивнул.

– Отлично. А теперь разрежьте рукав и обработайте рану мазью.

– Ты уверен, что эта мазь поможет? – нахмутив лоб, спросила Евдокия.

– Это мазь из корня золотника, – морщась от боли в раненом плече, ответил Глеб. – За межой она бесполезна. А здесь... здесь она творит чудеса. Смажь мне рану мазью, Евдокия. А я, с твоего позволения, ненадолго отключусь.

Глеб закрыл глаза, и голова его свесилась набок. Евдокия и Ставр осторожно уложили Первохода на траву. Матушка нашла мазь, о которой говорил Глеб, распоролла ему рукав и обильно смазала рану. Затем оторвала клочок материи от своего исподнего и перевязала Глебу плечо.

Дождавшись, пока матушка Евдокия закончит работу, Ставр поднялся с бревна и сказал:

– Я ухожу, Евдокия.

– Как? – не поняла она. – Куда уходишь? Почему?

Ставр нахмурился и угрюмо изрек:

– Это я ударил его мечом.

– Я это поняла, – сказала Евдокия. – Что между вами произошло?

– Мы поссорились. Я первым достал меч. Он пытался меня остановить, но я... я будто обезумел, понимаешь?

– Но зачем тебе уходить?

– Я опасен. Для всех. И я не знаю, как теперь буду смотреть Первоходу в глаза.

– Глеб простит тебя, – мягко заверила Евдокия. – Он добрый.

– Может быть, – согласился Ставр. – Но я сам себя не прощу. Я должен идти, Евдокия. Прощу тебя не удерживай меня.

Ставр повернулся, чтобы идти, но матушка Евдокия быстро обежала ходака и встала у него на пути.

– Я тебя не пущу, – сказала она, сдвинув брови. – Неужели ты оставишь нас без защиты?

Ставр покачал головой:

– Вы не беззащитны, Евдокия. Глеб Первоход – лучший ходок в княжестве.

– Но он болен!

– Скоро он встанет на ноги.

– Ты так веришь в его мазь?

– Я верю в Первохода. Если он сказал, что скоро будет здоров, значит, так и есть. Для него Гиблое место – дом родной. Прощай, и пусть боги хранят вас!

Ставр повернулся и зашагал прочь. Вскоре лесная мгла поглотила его. Матушка Евдокия вернулась к костру и села рядом с Глебом и спящим мальчиком.

Усевшись на траву и обхватив руками колени, долго смотрела она на тлеющие угли и прислушивалась к звукам ночного леса. «И почему мужчины такие глупые? – с досадой думала она. – Сцепились, как два бойцовых петушка, прямо посреди Гиблого места, и что в итоге? В итоге беспомощная женщина и больной мальчик остались в этом страшном лесу без защиты и помощи.

И почему это мужчинам так необходимо постоянно выяснять отношения и меряться силами? Неужели нельзя обойтись без этого и вместо того, чтобы драться друг с другом, сплотиться перед лицом общей опасности?»

Евдокия вздохнула. Нет, мужчин понять совершенно невозможно. Их действиями руководит не разум и не вера в бога, а одна лишь гордыня. А гордыня тянет за собой жестокость. Вот и получается, что вместо созидательной работы мужчины всего света без всякого смысла и без особой на то причины грызут друг друга и проливают потоки человеческой крови.

Поворошив палкой угли, Евдокия заметила, что Глеб открыл глаза и смотрит на нее.

– Как ты, Глеб? – спросила она.

– Лучше, – ответил он.

– Расскажешь мне, как все случилось?

– Шел. Упал. Потерял сознание. Очнулся и – вот.

Евдокия покачала головой и с упреком проговорила:

– Зачем ты врешь? Ставр сознался, что ударил тебя мечом.

– Правда? – Глеб облизнул сухие губы. – Это я попросил его. Лопатка зачесалась... А сам бы я ни за что не дотянулся.

Матушка Евдокия нахмурилась и строго указала:

– Это не повод для шуток.

– Может быть, – согласился Глеб и огляделся. – А где Ставр?

– Ставр ушел.

– Как ушел? Куда?

– В лес. Сказал, что не сможет больше смотреть тебе в глаза.

Глеб хмуро сдвинул брови.

– Что ж... Это его выбор.

– Он теперь один, – сказала Евдокия. – Совсем один в гиблой чащобе.

– Он ходок, – напомнил Глеб. – И он отлично владеет мечом. Когда ходок один, он в большей безопасности. Ведомые – всегда обуза.

Евдокия посмотрела на тлеющие угли. Несколько секунд она молчала, а затем с горечью спросила:

– Что же вы за люди, ходоки и охотники?

Глеб прищурил темные глаза.

– Непростые люди, это точно.

Он приподнялся и осторожно подвигал плечом. На лбу у него выступила испарина, а на скулах вздулись желваки. Глеб через силу улыбнулся и сказал:

– Видишь? Я уже могу двигать плечом. Еще полчаса, и я совсем оклемаюсь.

– Дай-то бог, – вздохнула Евдокия.

– Это все благодаря тебе. Ты отлично обработала и перевязала рану. – Глеб немного помолчал, поглядывая на красивое, задумчивое лицо своей спутницы, потом спросил: – Как мальчик?

– Все еще спит, – ответила Евдокия.

– Пусть спит. Сон исцеляет.

Евдокия с минуту молча глядела на угли, потом повернула голову и посмотрела на Глеба.

– Знаешь, что мне нравится в тебе больше всего? – неожиданно спросила она.

Глеб посмотрел на нее с удивлением.

– И что же?

– Ты всегда сомневаешься в том, что делаешь.

Глеб усмехнулся:

– Сомнение – это признак слабости.

– Нет, – возразила Евдокия. – Сомнение – это признак силы. Зло не ведает сомнений. Оно уверено в том, что делает. А добру приходится двигаться вперед на ощупь.

– Двигаясь на ощупь, можно разбить много ценных и хороших вещей, – заметил Глеб.

Евдокия кивнула.

– Верно. Но что делать, если добро со всех сторон окружено тьмой?

Глеб посмотрел на матушку Евдокию мерцающими глазами. Усмехнулся.

– Это вопрос с подковыркой, верно? Ты ведь знаешь, что делать.

Матушка Евдокия улыбнулась:

– Конечно. Нужно взять фонарь.

– И твой фонарь – учение Христа?

Она кивнула:

– Да. Но у тебя тоже есть свой фонарь, Глеб. Жаль только, что он не так ярок, как мой.

Глеб вздохнул и поморщился от боли в плече.

– Ох, матушка... – предложил он. – Лучше уж вздремни. Не люблю я эти разговоры.

Он протянул руку, взял несколько сухих палок и швырнул их в огонь. Пламя взметнулось вверх.

– А ничего, что мы развели костер в Гиблом месте? – неуверенно спросила Евдокия.

– Огонь везде одинаков, – сказал Глеб, – что в мангале, что в аду. А вот воду здешнюю пить не стоит.

– Почему?

– Слышала сказку про братца Иванушку, который выпил воды из лужицы и превратился в козленка?

– Ну.

– Это не сказка. Все это было на самом деле. Но произошло в Гиблом месте.

Евдокия несколько мгновений удивленно смотрела на Глеба, словно и впрямь поверила в его слова, затем улыбнулась.

– Горазд ты на веселую выдумку, Глеб. Ладно. Попробую и я отдохнуть.

Матушка опустилась на траву рядом со спящим мальчиком, закрыла глаза, и вскоре дыхание ее стало ровным и глубоким – она уснула.

4

Идти по лесной чащобе было тяжело. Рах и раньше проводил много времени на ногах в долгих переходах, но до сих пор путешествовать ему приходилось только по пустыням да по рекам.

Идти в темноте, с грузом, по дикому лесу – пожалуй, это было опаснее, чем плыть на утлом суденышке по бурной реке. Корни деревьев, ямы, упавшие стволы – все это норовило переломать Раху ноги. Еще опаснее были буреломы, ошестинившиеся острыми ветками. Не заметишь их во тьме, напорешься животом или боком – и, считай, конец.

– Ты уверен, что они были здесь? – время от времени спрашивал Рах своего спутника.

– Уверен, – отвечал Видбор, оглядывая землю, траву и ветки при свете берестяного факела, пропитанного горючей земляной кровью. – Они не прячут следы. К тому же идут с грузом, поэтому вынуждены часто останавливаться на отдых.

– Ты говоришь про мальчишку?

– Да.

– Что ж, надеюсь, ты прав.

И они продолжали путь. Порою Рах вдруг вспоминал, что лишился правой руки, и тогда он поднимал перевязанную тряпкой культю к лицу и с удивлением смотрел на нее. Боли он совершенно не чувствовал, а кровотечение давно прекратилось. Гиблое место лишило его руки, но хорошо «зализало» его рану.

Раху было не по себе от обступивших его со всех сторон деревьев. За каждым из них ему чудилась опасность. Буераки с ветками, которым не было конца, сбили и искололи ему ноги и вымотали из него всю душу. Так что, когда чащоба закончилась и впереди показалось обширное болото, Рах почти обрадовался.

Однако вскоре он убедился, что идти по болоту еще тяжелее: ноги увязали в мокрой траве и мху до колен. Кочки, твердые на вид, не давали ноге упора, и за полверсты Рах три раза падал лицом в холодную вонючую воду.

Слава богу, через час болото закончилось, и они опять вышли на твердую почву. А вскоре впереди замерцала свинцовым светом река.

У реки Видбор остановился и посветил себе факелом.

– Они были здесь, – сказал он.

– Откуда ты знаешь? – с сомнением спросил Рах.

– Их костровище прямо перед тобой, – прогудел Видбор, освещая факелом разметанные угли.

Теперь Рах увидел костровище и сам.

Продолжая освещать себе дорогу факелом, Видбор прошел несколько шагов, затем повернул за куст бузины и двинулся дальше. Рах молча шел следом за ним. Наконец воевода остановился, внимательно оглядел траву и поломанный рогоз и сказал:

– Тут что-то произошло.

– Что? – вскинул брови Рах.

– Кажется... здесь была драка.

– На них напали темные твари?

Видбор покачал головой:

– Нет. Два ходака не поделили что-то. Видишь – тут кровь. – Видбор указал на темные пятнышки на измятой траве.

– Из-за чего же они погрызлись? – поинтересовался Рах. – Не поделили какую-то находку?

– Возможно.

Рах переступил с ноги на ногу, но вдруг Видбор схватил его за рукав и дернул на себя.

– Ты чего? – удивленно спросил Рах.

– Ты едва не угодил в ловушку.

Рах оглянулся и увидел в предрассветных сумерках черный провал ямы.

– Проклятие! – выругался он. – Кому понадобилось делать здесь ловушки?

– Здесь недалеко Кишень-град, – ответил Видбор. – Нелюди, которые жили там, пытались обезопасить себя от темных тварей.

– И много у них таких ловушек?

Видбор пожал плечами:

– Не знаю.

Рах снова покосился на капельки крови и спросил:

– Давно они здесь были?

Видбор нахмурил лоб, подумал и ответил:

– Пожалуй, они ушли больше двух часов назад.

– Так пошли скорее! – взволнованно проговорил Рах. – Быть может, нам удастся нагнать их!

Видбор покачал массивной головой:

– Нет. Нам нужно отдохнуть.

– Но я не устал!

– Это тебе только кажется. Гиблое место обманывает тебя. Попробуй подпрыгнуть на месте.

– Что? – удивился Рах. – Ты хочешь, чтобы я скакал тут, как козел?

– Попробуй, и сам все поймешь, – спокойно сказал воевода.

Рах усмехнулся.

– Ну, хорошо. Как скажешь.

Он прижал к плечу ремень сумки и подпрыгнул на месте. Тут же ноги его дрогнули, колени ослабли, и он едва не рухнул на землю.

Видбор усмехнулся.

– Теперь ты веришь, что нам нужно отдохнуть?

– Теперь – да, – угрюмо ответил Рах. Он сбросил с плеча сумку и в изнеможении опустил на траву. – Чертова чащоба. Никогда еще не чувствовал себя таким уставшим.

Видбор опустил свою сумку рядом.

– Хочешь, чтобы мы разожгли костер? – спросил он.

Рах покачал головой:

– Нет. Я не замерз. – Он глянул на воеводу снизу вверх, усмехнулся и добавил: – Если, конечно, Гиблое место не обманывает меня.

– Проверь сапоги, – сказал Видбор. – Если ноги сухие, мы не станем разжигать костер.

На этот раз Рах не стал спорить. Он послушно стянул сапоги с опухших ног и пощупал обмотки рукой.

– Сухие, – сообщил он. – Даже удивительно, если учесть, сколько раз мы проваливались в болото.

– Твои сапоги сладил Мойша-жидовин, – сказал Видбор. – Они не пропустят воду, пока не рассыплются в прах, а произойдет это не скоро.

Рах прищурился и насмешливо спросил:

– Откуда ты знаешь?

– Я уже десять лет заказываю сапоги только ему, – ответил Видбор. – В его сапогах я сражался с врагами, в них я проходил леса, болота и реки. Во всем мире нет лучшего обувщика, чем Мойша-жидовин.

– Ладно, ладно, верю. – Рах прилег на траву и с наслаждением вытянул ноги. – Дьявол Стогнум, – пробормотал он устало. – Сейчас бы поспать.

– Можешь и поспать, – разрешил Видбор, втыкая в землю дозорные рогатки. – Но сперва поешь. Твоя рана еще не зарубцевалась. Тебе нужно больше есть.

Видбор достал из сумки сухари и вяленое мясо и подал их Раху.

– Ешь.

Рыжий охоронец нехотя взялся за еду. Но с каждым съеденным кусочком аппетит его все возрастал. Он съел все, что дал ему Видбор, до последнего кусочка и до последней крошки. Еда взбодрила его и прибавила ему сил и оптимизма.

– А это Гиблое место не такое уж и страшное, – сказал Рах, вытирая об штаны жирные руки. – Если бы я не сглупил с тем обручем... – Он осекся и мрачно посмотрел на свою культю. – Дьявол Стогнум! Я совсем про нее забыл. Придется теперь делать протез. А хорошие протезы нынче дороги.

– Моли своего рогатого Стогнума, чтобы наше путешествие закончилось хорошо и чтобы ты остался жив, – посоветовал воевода, устало смежая веки.

– Не бойся, – весело сказал Рах. – Пока у меня есть выжигатель, здешние твари нам не страшны.

– Вертунов ты им не убил, – напомнил Видбор, не открывая глаз.

– Верно, – нехотя согласился Рах. – Но они ведь призраки. И потом, кто знает, что было бы, если бы я выстрелил еще раз. Первый выстрел развеял их по ветру.

Видбор зевнул.

– Мне нравится, что ты не падаешь духом, охоронец, – сказал он. – А теперь помолчи, я

хочу чуток вздремнуть.

– А как же темные твари? Что, если они нападут на нас?

– Ты испепелишь их своим волшебным посохом.

– Но...

Щеки Видбора обвисли, нижняя губа выпятилась, и он негромко захрапел.

– Уснул, – удивился Рах. – Ведь правда уснул. Железный парень!

Поудобнее расположившись на траве, Рах достал из чехла выжигатель и положил его себе на колени. Затем обвел взглядом чуть посветлевший утренний лес и мрачно пробормотал:

– Ну, братец Рах, теперь ты точно в полном дерьме. Самое время доставать лопату.

5

Евдокия поежилась и с опаской огляделась по сторонам.

– Что же это такое – Гиблое место? – пробормотала она. – Может, это ад?

– Может быть, – сухо отозвался Глеб. – А может быть, и нет. Боюсь, что этого никто не знает. Нам нужно идти, Евдокия. Как мальчик?

– Ноги все еще не слушаются его, но ему уже лучше.

– Это хорошо. Плохо то, что мне придется и дальше тащить его на своем горбу.

Он двинулся к мальчику, но Евдокия взяла его за руку и остановила.

– Можно тебя спросить, Первоход?

Глеб пожал плечами:

– Валяй.

– Зачем ты ходишь в Гиблое место?

Несколько секунд Глеб молчал, потом закатал рукав на левой руке и показал Евдокии предплечье:

– Видишь эти шрамы?

Она взглянула на белесые клинышки шрамов, похожие на зарубки, и кивнула.

– Да.

– Сколько их?

– Шесть.

– Семь, – поправил Глеб. – Один шрам бледнее других, видишь?

– Да.

– Так вот, когда-то их было десять. Как только не останется ни одного, я вернусь домой и забуду Гиблое место, как кошмарный сон.

– Но...

– И хватит вопросов, – отрезал Глеб. – Нужно двигаться даль...

В кустах орешника послышалась какая-то возня, а в следующую секунду на полянку выскочил большой темный зверь.

– Чудище! – вскрикнула матушка Евдокия.

Она быстро опустилась рядом с мальчиком, взяла его за тощие плечи и прижала его голову к своей груди.

Глеб положил пальцы на рукоять меча, но вдруг замер, а потом улыбнулся и выпустил рукоять из пальцев.

– Дружок! – окликнул он.

Быстро пробежав через полянку, пес остановился перед Глебом, поднялся на задние лапы, положил охотнику на грудь мощные передние и лизнул его в лицо.

– Ну-ну-ну! – засмеялся Глеб. – Что еще за телячьи нежности? Ты ведь парень, а парню это негоже!

Матушка Евдокия с изумлением смотрела на собаку. Даже мальчик, казалось, вышел из своего забытья и тоже взглянул на невесту откуда взявшегося пса.

– Охотник, – негромко окликнула Евдокия.

Пес подбежал к матушке, обнюхал ее колени, затем взглянул ей в лицо и вильнул хвостом.

– Не бойся, Евдокия, – сказал ей Глеб. – Это мой друг. Зовут его Дружок. Он охотничий пес.

Проповедница неуверенно протянула руку и погладила пса по темной, ушастой голове.

– Ты оставил своего пса одного в Гиблом месте? – удивленно спросила она.

Глеб кивнул.

– Да. Я вынужден был это сделать.

– Но темные твари...

– Дружок умеет за себя постоять, – заверил ее Глеб. – Уж ты мне поверь. Гиблое место для него – дом родной. Правда, Дружок?

Он достал из сумки-ташки, притороченной к поясу, кусок мяса и швырнул его псу. Лязгнув зубами, пес на ходу поймал мясо и принялся с аппетитом уплетать его.

Пес был большой, темно-бурый, с длинными мускулистыми лапами и большой головой. Обычный охотничий пес. И все же что-то в этом псе показалось матушке Евдокии странным. Однако что именно – она пока не смогла для себя определить.

6

Молодой ходок Ставр решительно шагал по утреннему лесу. В голове его теснились разные мысли, и все они были неприятны.

Должно быть, теперь Первоход думает, что он подлец. Ну и пусть. Тот удар мечом – он ведь произошел совершенно случайно. У Ставра и в мыслях не было колоть безоружного противника. Да он скорей бы умер, чем позволил себе ударить человека, отбросившего меч!

«Боги, боги, боги! За что вы так наказываете бедного Ставра? За что вы так жестоки?»

Ставр вздохнул – бесполезно взывать к богам. Они наверняка сейчас смотрят на него с осуждением. Так же, как смотрела на него матушка Евдокия. И как посмотрел бы Глеб Первоход, не будь он так горд и снисходителен.

Ставр прекрасно сознавал, что не может быть ровней Первоходу. Но насмешливый взгляд Глеба, его снисходительный тон, его привычка небрежно пожимать плечами в ответ на вопросы Ставра – все это сводило молодого ходока с ума. И тем не менее, даже в эти моменты он боготворил Первохода. Даже вызывая Глеба на бой, Ставр всего лишь хотел понравиться ему. Добиться от него хотя бы намек на уважение.

Шагая по влажному валежнику, Ставр усмехался, но улыбка его была полна горечи и сожаления. «О, боги, боги, почему вы так жестоки? За что вы так наказываете Ставра?»

Ну, ничего. Он еще все исправит. Поймает самого матерого оборотня, выставит его на бои и посвятит его Глебу Первоходу! Первоход поймет, как сильно рисковал ради него Ставр, и простит его. Он поймет, что Ставр – не какой-нибудь там подлец или трусишка, нападающий с мечом на безоружных, а смелый и сильный воин.

Ставр слегка приободрился. Все еще можно исправить. Только бы не погибнуть в этом лесу раньше времени. «О, боги, дайте Ставру время на то, чтобы исправить ошибку, а потом делайте с ним все, что хотите!»

Ставр улыбнулся своим мыслям и принялся было напевать песенку, но вдруг умолк и резко остановился. От того, что Ставр увидел, сердце его отчаянно забилося, в горле пересохло, а по спине пробежала ледяная волна. Парень сжал рукоять меча так сильно, что у него побелели костяшки пальцев. Прямо перед ним, на расстоянии десяти сажен, стояли три рослых, мощных волколака.

До сих пор Ставр ни разу не видел волколаков. Старшие ходоки рассказывали, что всех волколаков убил ядовитый туман, выползший из земли полтора года назад. Но вот – оказывается, не убил.

Воочию твари выглядели даже страшнее, чем их описывали. Каждый из них был раза в два крупнее самого огромного пса. Шерсть у волколаков была темная и густая, а не бурая и

клочковатая, как бывает у оборотней. Лапы мощные и когтистые, морды – плоские, очень похожи на человеческие, только черные.

Старшие ходоки рассказывали Ставру, что клыки волколаков остротой и крепостью могут сравниться с хуралуговым кинжалом. А сила челюстей этих чудовищ такова, что они перекусывают человеческую руку, как сухую тростину.

Волколаки стояли с наветренной стороны и не видели Ставра. Ветер лениво перебирал длинную шерсть на их мощных загривках. Чудовища поводили мордами из стороны в сторону, раздувая ноздри и пытаясь уловить запах добычи.

Ставр помнил, что солнечный свет невыносим для их глаз, а потому днем они обычно отлеживаются в темных местах. Но рассвет еще едва забрезжил, да и небо было обложено тучами. Если волколаки заметят или почуют Ставра, смерти ему не миновать.

Не спуская глаз с волколаков, парень стал потихоньку пятиться. От старших товарищей он слышал также, что волколаки ненавидят запах оружия. Может, запах меча-всеруба отпугнет их?

Ставр слегка вынул меч из ножен и продолжал пятиться к вековым пихтам, надеясь скрыться за их мощными стволами. До деревьев оставалась всего пара саженей, когда ветер вдруг переменялся и подул от Ставра к волколакам.

Одна из черных тварей вздернула голову, втянула ноздрями воздух, затем повернулась и взглянула на замершего Ставра. Черная губа твари приподнялась, до ушей Ставра донеслось глуховатое рычание, а в следующее мгновение три пары налитых кровью, свирепых глаз уставились на него.

Волколаки бросились все сразу – сорвались с места со скоростью выпущенных из лука стрел и крупными скачками понеслись на Ставра.

Поняв, что убежать не удастся, Ставр выхватил из ножен меч.

Лишь на мгновение Ставр испытал досаду из-за того, что придется погибнуть, так и не доказав Первоходу, что он не трус. Но уже в следующее мгновение Ставр издал боевой клич и, поудобнее перехватив рукоять меча, отважно ринулся навстречу своей гибели.

Первым ударом меча Ставр разбил переднему волколаку морду, затем увернулся от его когтей и рубанул второго волколака по ребрам. Он слышал, как хрустнули под клинком кости чудовища, но тут третий волколак ударом лапы сбил его с ног и навалился на него всем телом.

Зубы чудовища залязгали в трех вершках от лица Ставра. Однако, будучи гибким и ловким парнем, он и на этот раз сумел извернуться, проскользнул у волколака между лапами и откатился в сторону, сминая сухие стебли травы. Потом вскочил на ноги и снова рубанул волколака мечом.

На этот раз удар пришелся в пустоту, а следующего удара не последовало – самый рослый из волколаков, подскочив к Ставру, махнул когтистой лапой и выбил у него из рук меч.

Волколак легко повалил обезоруженного ходока на землю и положил ему на грудь когтистую лапу. Двое других волколаков сделали попытку отнять у него добычу, но он рыкнул на них, и они, пригнув головы, отошли в сторону.

Волколак снова воззрился на полупридушенного Ставра. Его небольшие желтые глаза пылали злобой и голодом.

– Чего ждешь, тварь! – крикнул Ставр. – Давай! Сожри меня!

И вдруг волколаки, как по команде, подняли морды и шумно втянули воздух ноздрями.

Тяжелая лапа сошла с груди Ставра. Твари резко повернулись и зарычали. Приподняв голову, Ставр увидел в пяти саженях от себя огромное черное чудовище, описать которое он никогда бы не смог, потому что не нашел бы для этого подходящих слов.

Чудовище было раза в полтора крупнее самого крупного из волколаков, шерсть его – клочковатая, грубая – была так черна, что отливала синевой. Из бесформенного тела, похожего на один огромный напряженный мускул, торчали в разные стороны лапы – толстые и тонкие. На одних были человеческие пальцы, другие заканчивались огромными

черными когтями, длиною превосходившими метательные ножи.

И вдруг Ставр понял, кто стоит на краю поляны. Это была та самая тварь, которую они с Глебом продали Крысуну Скоробогату.

Волколаки снова зарычали – громко, угрожающе. Шерсть на их мощных холках встала дыбом, глаза запылали огнем, с клыков закапала слюна. Они не собирались отказываться от своей добычи просто так. Однако чудовище тоже не отступило.

И тут волколаки ринулись на чужака. Они не стали окружать чудовище, выжидать момент для прыжка, а просто набросились на него, вцепившись зубами в его лапы и бока, и стали грызть их.

Ошметки окровавленной шерсти летели во все стороны. Несколько мгновений чужак молча глядел, как твари грызут его тело, словно был ошеломлен их наглостью, затем, резко выбросив вперед одну из лап, схватил самого крупного волколака за глотку и одним рывком вырвал ему кадык.

Покончив с вожаком, чудовище схватило оставшихся волколаков за загривки, приподняло их в воздух и с силой столкнуло головами. Удар получился настолько сильным, что черепа волколаков сплюснулись, как яичные скорлупки.

Чужак отшвырнул обмякшие тела тварей и повернулся к Ставру. Ставр стоял возле пихты, сжимая в руке меч и угрюмо глядя на чудовище. Лицо его было испачкано кровью, порванная одежда висела клочками.

Чужак прищурил маленькие глазки, почти неразличимые среди пучков шерсти и складок черной кожи. Затем принялся. Что-то в поведении ходока ему не нравилось. Слишком твердым был взгляд этого молокососа, слишком уверенной была его осанка.

Чужак чуял опасность, но не мог понять, от кого или от чего она исходит.

– Ну? – хрипло крикнул Ставр. – Чего встал, ублюдок? Испугался? И правильно сделал! Это ведь я поймал тебя! Я опутал тебя цепями и продал Крысуну! Помнишь?

Чужак свирепо взревел и устремился к ходоку мощными скачками, как до этого бежали к нему волколаки. Но Ставр и на этот раз не сдвинулся с места. Еще во время схватки с волколаками он заметил трос из переплетенных корней, натянутый между двумя подпорками, спрятанными у нижних ветвей пихты.

Заметил он и небольшой – сажень на сажень – участок земли, покрытый пожухлым дерном, уровень которого был чуть ниже окружающей его почвы.

Убегать от чудовища не имело смысла. Оставалось надеяться на то, что боги помогут Ставру, как помогали уже не раз, и старая ловушка сработает.

Прыжок... Еще один... Как только чудовище оказалось на пожухлом пятачке земли, Ставр бросился к дереву и ударом меча разрубил канат, одновременно пнув сапогом по высокой подпорке, похожей на рычаг.

Что-то громко ухнуло в воздухе, и резкий порыв ветра вздыбил Ставру волосы. А вслед за тем земля разверзлась под ногами у чужака, а на голову ему рухнула тяжелая решетка из обструганных березовых стволов, с торчащими из звеньев острыми колышками.

Тварь рухнула на дно неглубокой ямы, и решетка с кольями крепко припечатала его ко дну, пронзив черное тело чудовища в полудюжине мест. Чудовище взревело от боли, задергалось и заскребло когтями по решетке, но все было бесполезно.

Приглядевшись, Ставр с изумлением разглядел на острых концах деревянных колышков напайки из белого железа. Тот, кто поставил эту ловушку, поставил ее не на зверей, а на темных тварей.

Скорей всего, это были нелюди. Ставр слышал от старых ходоков, что в былые времена нелюди – так же, как и люди, – отлавливали оборотней и волколаков и продавали их хозяину Порочного града. Богатый купец не брезговал вести с ними дела.

Впрочем, напайки из белого железа говорили о том, что нелюди не хотели поймать тварь, они хотели ее убить. Как бы то ни было, но ловушка оказалась весьма кстати.

Уже второй раз за последние несколько дней чужая ловушка спасала Ставру жизнь. «Может, боги берегут меня для чего-то?» – подумал он.

Тварь на дне ямы издала горлом жуткий, гортанный звук, отчасти похожий на человеческую речь.

– Ворчи, ворчи, – утрюмо проговорил Ставр. – Меня ты уже не напугаешь.

Он вложил меч в ножны, повернулся и зашагал по лесу, держа путь к меже и думая о том, что больше никто не посмеет назвать его неопытным юнцом.

Глава седьмая

1

Два часа Глеб и Евдокия брели по чащобе. Мальчика они несли на носилках, сделанных из ивняка и соснового лапника. Каждые полчаса останавливались на пять или десять минут, чтобы передохнуть и восстановить силы.

Пес неумоимо бежал впереди и даже во время краткого отдыха не сидел у ног Глеба, а наматывал круги вокруг импровизированного лагеря, обнюхивая кусты, деревья и траву.

Наконец, раздвинув в очередной раз кустарник, Глеб улыбнулся и сказал:

– Теперь мы сможем отдохнуть по-настоящему.

Евдокия увидела перед собой небольшую хижину.

– Что это? – спросила она удивленно. – Откуда она здесь?

– Не знаю. Но когда я пришел в Гиблое место в первый раз, хижина уже была.

В отдалении угадывался берег реки, густо поросший осокой, стрелолистом и рогозом. Чуть в стороне поблескивал водоем с крутыми, густо заросшими лесом и высокой травой берегами.

– Жутковатое озеро, – негромко проговорила матушка Евдокия. – Не люблю таких.

– Бобры сделали запруду и перегородили ручей, – объяснил Глеб. – Бобров давно нет, а озерцо осталось. Дружок, иди разведай, что там и как!

Пес ринулся вперед. Добежав до хижины, он обнюхал гнилое крылечко, затем поднял нос по ветру и несколько секунд нюхал воздух. Потом – посчитав, по всей вероятности, что никакой опасности для хозяина нет, – вернулся и завертелся у ног Глеба, виляя хвостом.

– Все в порядке, – сказал Глеб. – Идем к хижине.

Взойдя на крыльцо, Глеб распахнул дверь, и они вошли.

– Опускаем носилки на пол, – распорядился Глеб.

Они опустили носилки со спящим мальчиком на пол, и матушка Евдокия с облегчением перевела дух. Она была совершенно измотана тяжелым переходом. Прихрамывая, она направилась к лавке, а Глеб прошел к двери и закрыл ее на дубовый засов.

Усевшись, Евдокия перевела дух и огляделась. Хижина была прочная и сухая, но выглядела страшно запущенной. В воздухе стоял запах затхлости и гнили, а пол, лавка и стол были загажены мышами.

Глеб отошел от двери. Он все еще чувствовал себя плохо, но теперь это была слабость выздоровления. Пес сразу же лег у порога, всем своим видом показывая решимость встретить незваных гостей острыми клыками.

Под такой защитой Глеб и матушка Евдокия невольно почувствовали себя уверенней.

– Мальчик! – воскликнула вдруг проповедница, вскочив с лавки. – Он открыл глаза!

Присев возле лежащего на полу мальчишки, Евдокия помогла ему приподнять голову и оглядеться. Худое личико его выглядело усталым. Темная челка прилипла к потному бледному лбу.

– Где я? – хрипло спросил вдруг он.

Лицо проповедницы осветилось радостью.

– Боже, он заговорил! Ты в Гиблом месте, мальчик. Тебе стало плохо, и вещунья велела отнести тебя сюда. Ты понимаешь, что я говорю?

Мальчик кивнул.

– Как ты себя чувствуешь? – спросила Евдокия.
Мальчик улыбнулся и ответил слабым голосом:
– Не очень.
– Ты знаешь, куда нам идти дальше?
Он кивнул:
– Да.
– И куда же?
Мальчик поднял руку и указал вдаль.
– Туда... – хрипло сказал он.
Рука мальчика бессильно опустилась на хвойную подстилку, и он снова закрыл глаза.
Евдокия взглянула на Первохода.
– Он показывал на мертвый город?
– Да, – ответил Глеб. Он присел рядом с мальчишкой, наклонился к нему и спросил: – Ты слышишь меня, малыш?
– Да, – пролепетал мальчик, не открывая глаз.
– Ты был в Кишень-граде? Ты прошел через него в одиночку?
Мальчик молчал. Глеб нахмурился и снова спросил, чуть повысив голос:
– Зачем мы туда идем? Что мы там ищем, парень?
Бледные губы мальчика разомкнулись, и он прошептал:
– Сумка.
Голова мальчика свесилась набок, и он вновь забылся сном. Глеб выпрямился. Обхватил пальцами подбородок и глубоко задумался. Евдокия поправила голову мальчика, взглянула на Первохода и сказала:
– Он упомянул какую-то сумку.
– Да, я слышал.
Евдокия немного помолчала, нервно кусая губы и о чем-то размышляя, потом снова посмотрела на Глеба и сказала:
– Могу я спросить тебя кое о чем, Первоход?
Он кивнул:
– Легко.
– Зачем ты пришел в Гиблое место? Что ты тут ищешь?
Глеб сел на лавку и вздохнул.
– Это долгая история. Если вкратце: я должен вернуть то, что забрал здесь.
– Забрал? У кого?
– В Гиблом месте находится старинное святилище. Называется Нуаран. В святилище есть черная плита с письменами. Эту плиту охраняют жрецы.
– Жрецы? – вскинула ломкие брови Евдокия.
Глеб кивнул:
– Да. Жрецы нелюдей. Они уверены, что надписи на плите оставил бог, который упал с неба.
– И что ты у них забрал?
– Камень, выпавший из плиты. На этом камне – недостающая буква.
– И ты отправился в Гиблое место, чтобы вернуть камень на место?
– Да.
– Гм... – Евдокия задумчиво нахмурилась. – И где находится святилище Нуаран?
Глеб усмехнулся:
– Спроси чего полегче. Я и сам толком не знаю. Меня туда принесла птица спуржун. Только не спрашивай, как это произошло, – рассказывать придется слишком долго.
Евдокия обдумала его слова и вдруг рассмеялась.
– Почему ты смеешься? – удивился Глеб.
– Потому что это смешно! – ответила Евдокия.
– Что именно?

– Ты идешь в святилище, но не знаешь, где оно находится. Я веду мальчика «туда, куда он хочет», но тоже не знаю, что это за место. Расскажи мы какому-нибудь здравомыслящему купцу о наших планах, он бы поднял нас на смех!

Глеб улыбнулся:

– Да уж. Но мы в Гиблом месте, матушка. А тут все не так, как за межой. Самая сложная и зыбкая цель может стать простой и доступной. А любая определенность – стать неопределенной и туманной.

Евдокия поднялась на ноги, но вдруг покачнулась и схватилась рукой за край стола. Глеб быстро шагнул к проповеднице и поддержал ее под локоть.

– Чашоба измотала тебя, – сказал Глеб. – В углу есть кровать. Она не слишком крепкая, но одну тебя выдержит. Попробуй уснуть.

– А ты? – вскинула бровь Евдокия.

– Я тоже посплю.

– Где?

– Здесь, на полу. Идем, я уложу тебя.

Глеб повел Евдокию к кровати. Матушка хотела было возразить, но противиться у нее не было сил. Тюфяк был пыльный и сильно погрызенный мышами, но матушка с наслаждением прилегла не него. Все ее тело ныло от усталости.

Уложив проповедницу и укрыв ее куском рогожи, Глеб предложил:

– Если хочешь, могу спеть тебе колыбельную.

Евдокия улыбнулась и качнула головой.

– Нет... Не хочу.

– И правильно делаешь, – кивнул Глеб. – Одна моя знакомая говорила, что от моего голоса дохнут кошки. Развлечение не для слабонервных. Ладно, ты спи, а я устрою себе лежанку на полу.

Глеб отошел от кровати, поправил на полу сумку и улегся на нее головой. Рядом с ним стояли носилки, на которых спал своим странным обморочным сном мальчик.

– А что, если темные твари проберутся в дом, пока мы будем спать? – спросила сонным голосом Евдокия.

– Мой пес почует их раньше, чем они приблизятся к хижине, – заверил ее Глеб. – Спи и ни о чем не беспокойся.

Глеб закрыл глаза. Муторно был на душе у Первохода. Неприятные предчувствия томили его и не давали дышать спокойно. Как всегда в трудные минуты, перед глазами у Глеба встало лицо охотника Громола.

«Громол, Громол, где же ты? – прошептал он про себя. – Мне так нужен твой совет. Без тебя мне никак не разобраться в том, что происходит».

Что бы ему сейчас ответил Громол?

«Я не могу действовать в вашем мире, Глеб. Не могу, ибо принадлежу иному».

Да. Наверное, так бы он и сказал. Эх, Громол, Громол... Кто же ты теперь? Призрак? Дух? Добро ты или зло? И придешь ли мне на помощь, как приходил всегда?

Глеб зевнул. Затем беззвучно прошептал одними губами:

– Боги Хорс и Семаргл, помогите мертвому охотнику, чье имя Громол, выбраться из страшного царства Нави. Пошлите его ко мне. Пусть расскажет, что творится в Гиблом месте.

2

Лес притих и из-за этой предугртенней тишины казался пустым и мертвым. Но стоило первым солнечным лучам пробиться сквозь густые ветви деревьев, как лес ожил. Где-то заухала сова – последним отголоском ночи. Потом откуда-то из дебрей донеслось тьяканье лисы. Зацокали на соснах белки, застрекотали за озерцом голубые сойки.

Наконец рассвело настолько, что можно было ставить капканы и ловушки. Глеб

Первоход, как и любой охотник, знал, что вся лесная дичь ходит по тропам, протоптанным лосями и оленями. На этих тропах Глеб и ставил свои капканы. Идти было тяжело, поскольку приходилось тащить на себе не только капканы и ловушки, но и приманку, провизию и оружие.

Выбрав подходящее место, Глеб снял с плеч тяжелую непромокаемую сумку и поставил ее в неглубокую лужицу, чтобы оставить поменьше человеческого запаха. Затем достал из сумки западню и туесок с воском. (Поставив западню, он всегда натирал веревки и штыри воском, чтобы забить запах человека.) Однако едва он взялся за работу, как в отдалении послышался громкий треск.

Глеб быстро сошел с тропы и спрятался за большой, поросший мхом валун. Треск становился все громче, и вскоре Глеб увидел большого темного зверя. Зверь был почти скрыт лесной порослью, но Глеб отлично разглядел огромную рогатую голову.

Он потянулся было за ольстрой, но передумал. Обрез охотничьего ружья годился лишь для ближнего боя, а такого громадного зверя, как лось, нужно было держать на дистанции. Если лось придет в ярость, он легко затопчет Глеба, и спрятаться от него будет негде.

Рассудив так, Глеб снял с плеча охотничий лук и вынул из сагайдака тяжелую стрелу с железным наконечником. Пришлось слегка выдвинуться из-за валуна, чтобы кустарник не мешал прицелиться.

Лось, огромный, как корабль, выплыл из-за деревьев и остановился, уловив запах опасности. Стрела со звоном слетела с тетивы.

Лось взревел и зашатался. Вторая стрела, выпущенная твердой рукой Глеба, завершила дело. Лось завалился на кустарник, громко захрустев ветками. Упал, дернул головой, разметав ветвистыми рогами грязь и валежник, затем снова опустил голову на землю и затих.

Используя сложную систему веревок и деревянных рычагов, сооруженных из срубленных твердых веток, Глеб поднял тушу лоса на дерево от волков и прочего кровожадного зверья и принялся свежевать ее, пока туша не остыла. Работа заняла много времени. Наконец Глеб остановился, чтобы передохнуть.

И вдруг он увидел что-то в траве. Что-то серебристо мерцало среди полыни и кошачьего корня, и это серебристое мерцание настолько не вязалось с окружающей действительностью, что Глеб почувствовал волнение.

Глеб нагнулся и осторожно раздвинул траву. Лицо его вытянулось от изумления, когда он понял, что это за вещь. Мобильный телефон!

Глеб закрыл глаза, думая, что это всего лишь галлюцинация, и снова открыл их. Телефон не исчез. Он по-прежнему лежал на траве.

Дрожащей рукой поднял Глеб телефон и, помедлив секунду, осторожно нажал на кнопку меню. Дисплей телефона озарился голубоватым светом. От неожиданности Глеб едва не выронил трубку из пальцев.

Осторожно, словно обращаясь с хрупким предметом, сделанным из тончайшего стекла, Глеб нажал на правую клавишу, вызвав список имен. И тут пальцы его снова дрогнули. Ведь это был *его список*. И это был *его телефон*.

«Ну, конечно, – сказал сам себе Глеб. – А чего ты, собственно, ожидал?»

Глеб почти нажал на верхнюю клавишу, и квадратик света высветил имя – «Яков Фендель», стоявшее в телефонном справочнике последним. Глеб нажал на клавишу связи. Дрожащей рукой поднес телефон к уху.

– Слушаю вас! – отозвалась трубка хрипловатым голосом Яшки Фенделя.

– Фендель... – Горло Глеба пересохло от волнения. – Фендель, привет!

– И тебе салам. А кто это?

– Это я, Глеб!

– Глеб? Орлуша, ты, что ли?

– Да!

– Чего трезвонишь в такую рань?

– Да я, понимаешь...

– Ладно, не напрягайся. Я все равно уже не спал. А ты, морда, кстати, когда в Москву? Я бутылку текилы держу, сам не пью и детям не даю. А Германа все нет. Это я в метафорическом смысле.

– Я... – Глеб почувствовал, как по щеке сбежала слеза. Он крепче стиснул в пальцах трубку... – Как ты поживаешь, Яшка?

– Ну, сложно выразить одним словом. Старшего в школу отправляю, так что уже геморно. Да и работа задолбала, ищу новую. А в остальном жизнерадостно. Слушай, а ты когда в Москву-то?

– Я... – Глеб облизнул пересохшие губы. – Яшка, слушай меня внимательно. Я попал в прошлое! Примерно в девятый век от Рождества Христова!

– Чего?

– В прошлое! Как было у Твена, помнишь? «Янки при дворе короля Артура»!

– Какого еще Артура? Артура Вершинина?

– Да нет! Вершинин тут ни при чем! Я в настоящем прошлом! В *настоящем*, понимаешь! Тут у них все почти как в нашем веке! Ты меня слушаешь?

– Орлуша, кончай стебаться.

– Я не стебаюсь! Это правда! Я сейчас в Гиблом месте, а это...

– Чувак, прости, у меня Турук на второй линии. Повиси пять секунд, о'кей?

– Нет! Яшка, я не...

В трубке заиграла музыка.

– Черт! – выругался Глеб.

Он отнял трубку от уха и взглянул на зеленый прямоугольничек в левом углу дисплея. Аккумулятор был почти разряжен. И вдруг кто-то громко окликнул Глеба:

– Первоход!

Глеб вздрогнул, быстро переложил телефон из правой руки в левую, а правую положил на рукоять меча и обернулся. Прямо перед ним стоял высокий человек в охотничьей куртке, с мечом на боку и с охотничьим луком за спиной. В длинных волосах его и в стриженной бороде поблескивала седина.

– Громол! – выдохнул Глеб.

Охотник Громол улыбнулся.

– Ты звал меня, и я пришел.

– Громол, как я рад, что ты...

– Алло! – бормотнула трубка в руке у Глеба. – Алло, Орлуша!

Глеб взглянул на телефон, перевел взгляд на охотника и виновато проговорил:

– Громол, прости, но у меня тут важный разговор.

Он хотел поднести трубку к уху, но Громол шагнул к Глебу, быстро протянул руку и сжал пальцами его запястье. Затем покачал головой и сказал:

– Нет, Глеб.

Глеб удивленно взглянул на охотника.

– Громол, аккумулятор садится! – проговорил он, нервничая. – Я только отвечу Яшке, а потом мы поговорим, хорошо?

Громол вновь качнул головой:

– Нет. Ты должен выбрать. Духи усыпили тебя. Если ты не избавишься от этой штуки, сон окончательно затянет тебя, и ты никогда не проснешься.

Глеб неуверенно взглянул на трубку.

– Но это мой телефон, – пробормотал он. – Я не могу без него.

– Ты должен выбрать, – повторил Громол. – Избавься от этой штуки, и я покажу тебе все, что ты хотел увидеть.

– Алло, Орлуша! – надрывалась трубка. – Ты куда пропал? Если не ответишь, я отключу связь!

Глеб хотел поднести телефон к уху, но Громол вырвал мобильник из пальцев Глеба, швырнул его на землю и растоптал сапогом. Глеб побледнел, губы его затряслись.

– Что ты наделал! – яростно воскликнул он.

– То, что должен был сделать ты.

Глеб сжал кулаки и бросился на охотника. Однако ярость подвела его, он проскочил сквозь Громола, споткнулся о комель дерева и растянулся на земле.

– Ты забыл, что я не человек, Глеб, – спокойно произнес над ним Гроمول. – Я всего лишь призрак, помнишь?

Глеб поднялся на ноги и отряхнул одежду.

– Ты по-прежнему хочешь разобраться в том, что происходит? – спросил Гроمول.

Глеб вытер мокрые глаза рукавом куртки и процедил сквозь зубы:

– Да. Я хочу разобраться. Если уж ты сломал мой телефон, то хотя бы объясни, какого черта я здесь делаю? И какого черта нужно этому проклятому мальчишке!

Гроمول прищурил серые глаза и сказал:

– Этот мальчик попал сюда по ошибке. Так же, как и ты.

– Как это случилось?

Охотник повернулся к лесу и, подняв правую руку, указал на что-то.

– Смотри!

Глеб взглянул туда, куда указывал Гроمول. Взглянул и тут же прикрыл глаза ладонью. Сумеречное небо озарила радужная вспышка, а затем что-то огромное и темное рухнуло на поляну и развалилось на куски. По траве пробежали белые всполохи – Глеб невольно попятился, споткнулся о гнилой пень и едва устоял на ногах. Всполохи погасли, и Глеб увидел мальчика, лежащего на траве. Он хотел броситься на помощь, но Гроمول удержал его:

– Подожди. Смотри дальше.

Мальчик исчез, но в стороне от него появился еще один человек. Это был рослый парень с рыжей шевелюрой. Отплевывая грязь и пыль, парень поднялся на ноги и, покачиваясь, огляделся.

Глеб положил пальцы на рукоять меча и тихо спросил:

– Он нас не видит?

Гроمول покачал головой:

– Нет.

Рыжий и впрямь скользнул взглядом по Глебу, но не удостоил его внимания. Но вдруг его взгляд остановился. Рыжий облизнул разбитые губы и двинулся к какому-то темному предмету, лежащему на траве. Прищурившись, Глеб узнал в предмете небольшую сумку, навряд ли той, в которой он сам когда-то носил на тренировку боксерки и перчатки. Рыжий поднял сумку, расстегнул замок и заглянул в нее. Лицо его осветилось улыбкой.

Но вот в лесу что-то громко щелкнуло. Рыжий мгновенно согнал улыбку с лица, быстро застегнул сумку, забросил ее на плечо и зашагал с поляны. Вскоре он исчез за деревьями.

Глеб повернулся к охотнику, но тот приложил палец к губам и снова на что-то указал.

Теперь на поляне появился третий человек. Этот был пониже, чем предыдущий, но широкоплечий и крепкий, как дубок. Светлые, почти белокурые, волосы. Холодный прищур синих глаз. Жесткое лицо профессионального ловчего. На плече у него была небольшая сумка, а на поясе – такой же серый чехол, как был у рыжего незнакомца. Оглядевшись, он тщательно осмотрел траву, нахмурился, прикинул что-то в голове, затем поправил на плече сумку и быстро зашагал в том же направлении, что и рыжий. Вскоре и его фигура скрылась за деревьями.

Гроمول сделал рукою широкий жест, будто стирал пыль с оконного стекла, и тут же темный предмет исчез с поляны, и все вернулось на круги своя.

Глеб слегка качнул головой, приходя в себя, потом взглянул на Громола и спросил:

– Кто они?

– Чужие, – ответил Гроمول. – Такие же, как и ты.

– А что в сумке?

– То, что вы ищете, – спокойно ответил Гроمول. – И то, чего здесь не должно быть.

– Мальчик ведет нас к этой сумке?
Охотник кивнул:
– Да.
– И что мне с ней делать, когда мы ее найдем?
– Ты сам это поймешь.
Глеб обдумал слова охотника, затем сказал:
– Есть еще кое-что. Я должен вернуть жрецам камень власти.
– Да, я знаю, – спокойно отозвался Громол.
– Но как мне найти их святилище?
– Тебе не нужно его искать.
– Как это?
– Арио. Калоста. Тахеоп. Повтори эти слова.
– Арио, калоста, тахеоп, – послушно повторил Глеб. – Но зачем они мне?
Охотник нахмурился и ответил:
– Жрецы Нуарана – не просто жрецы. Они маги.
– Среди нелюдей полно уродов, умеющих такое, что и не снилось простым людям, – сказал на это Глеб. – Но что дальше?
– Дальше? – Охотник улыбнулся. – А дальше тебе пора просыпаться.
– Но...
– Просыпайся, Глеб!
Громол развел руки и громко хлопнул в ладоши.

3

Глеб открыл глаза, чувствуя себя отдохнувшим и посвежевшим. Матушка Евдокия сидела на кровати и смотрела на закутанного в одеяла мальчика, спящего на носилках.
– Как он? – спросил, зевая, Глеб.
– Спит, – ответила матушка Евдокия.
– Что ж, похоже, это его нормальное состояние. А ты сама? Спала?
– Да. Немного.
Глеб поднялся на ноги и огляделся.
– А куда девался пес? – удивленно спросил он.
– Не знаю, – ответила Евдокия. – Когда я проснулась, его уже не было.
– Гм... – Глеб нахмурился и поскреб ногтями горбинку на носу. – Странно. – Затем качнул головой и бодрым голосом заявил: – Но не важно. Главное, что мы целы и невредимы. Готова выйти в путь, матушка?
– Да. – Евдокия поднялась с кровати и оправила платье. Затем взглянула на мальчика, перевела взгляд на дверь и спросила: – Мы не будем ждать Дружка?
Глеб покачал головой:
– Нет. Он догонит нас.
– Не слишком-то ты дорожишь своим псом, – заметила проповедница. – Он силен, но не сильнее оборотня, высок, но не выше волколака.
– Зато у него быстрые ноги, – сказал Глеб. – Нужно заняться мальчишкой. Я обвяжу его ремнями, а ты поможешь мне взвалить его на плечи.
Евдокия посмотрела на Глеба с сомнением.
– Ты все еще слишком бледен, – сказала она. – Может, снова понесем его в носилках, как делали это до сих пор?
Глеб покачал головой:
– Нет.
– Но твоя рана...
– Рана затянулась. Остался лишь небольшой шрам.
– Ты уверен?

Глеб быстро скинул охотничью куртку и приспустил с плеча рубаху. Рана и в самом деле совершенно затянулась. Даже шрам был почти незаметен.

– Поистине удивительны дела Твои, Господи! – воскликнула Евдокия.

– Господи? – Глеб насмешливо прищурился. – А ты уверена, что это сделал Он?

– Я на это надеюсь, – ответила матушка Евдокия. – Потому что, если это не дело рук Господа...

– Тогда это дело рук дьявола, – с усмешкой договорил за нее Глеб. – Что до меня, то мне не важно – бог это сделал или дьявол. Меня устраивают оба варианта, лишь бы силы не покинули меня.

На это Евдокия ничего не сказала. Пройдя в середину комнаты, она присела рядом с носилками, протянула руку и коснулась плеча мальчика. И вдруг рогожа слетела с мальчишки, и что-то темное вскочило с носилок.

Глеб в мгновение ока выхватил из ножен заговоренный меч и рубанул им темную фигуру. Фигура рассыпалась на части и обрушилась на пол дождем грязи. Грязь, студенистая, черная, стала быстро впитываться в щели между досками.

Глеб, сжимая меч в руке, одним прыжком достиг двери, распахнул ее и выскочил на улицу.

Евдокия стояла, прижавшись спиной к заплесневелой стене, ни жива ни мертва от страха. Лишь когда Глеб – хмурый, бледный – вернулся в хижину, вытер меч-всеруб куском пыльной тряпицы и снова вложил его в ножны, она решилась заговорить:

– Ты... – чтобы закончить фразу, ей пришлось сделать над собой усилие, – ты убил его?

– Да, – ответил Глеб.

– И что... – Матушка сглотнула слюну. – Что это было?

– Одна из тех тварей, которых породил ядовитый туман, – ответил Глеб. – Она может принимать любую внешность. Тварь втекла мальчишке в нос или рот, пока он спал. Потом его вырвало этой гадостью, и она стала расти, принимая его облик.

Евдокия пошатнулась и медленно сползла по стене на пол. Губы ее задрожали, на глазах выступили слезы.

– Бедный, бедный мальчик... – тихо и горько запричитала она. – Я не смогла его уберечь. Я не должна была смыкать глаз.

– Во-первых, не казни себя раньше времени, – мрачно проговорил Глеб. – Возможно, он еще жив. А во-вторых... – Первоход замолчал, нахмутив лоб и собираясь с мыслями.

Проповедница всхлипнула, взглянула на Глеба с надеждой и робко спросила:

– О чем ты задумался?

– Во-вторых, мы не знаем, когда именно эта тварь подменила мальчишку, – отчеканил Глеб, выходя из задумчивости. – Это не обязательно случилось здесь и сейчас.

Лицо Евдокии еще больше побелело, в глазах появился испуг.

– Ты хочешь сказать, что с самого начала...

Глеб покачал головой.

– Нет, это исключено. Когда мы входили в Гиблое место, он еще был мальчиком. Призрачные твари не могут выбраться за межу. Их охотничьи угодья – Гиблое место. Думаю, тварь могла вползти в него, пока мы выясняли отношения со Ставром.

– Я все время была рядом с мальчиком, – напомнила Евдокия.

– Это ничего не значит, – отрезал Глеб. – Ты подбрасывала в костер дрова, ворошила палкой угли, высматривала нас со Ставром. В конце концов, ты просто могла задуматься. Чтобы заползти в глотку мальчишке, призрачной твари хватило одного мгновения.

Евдокия вытерла рукавом платья мокрые глаза и сказала, стараясь говорить твердо и спокойно:

– Перед тем как уснуть, мы разговаривали с мальчиком. И он рассказал нам про сумку. Это все была ложь?

Глеб на секунду задумался, потом качнул головой и ответил:

– Нет. Призрачная тварь копирует человека, но не привносит в его облик ничего своего. Кроме лютой злобы и жажды убийства, конечно. Она вбирает в себя все его мысли и воспоминания. Думаю, тварь – умышленно или по неосторожности – рассказала нам то, о чем сам мальчик не мог или не хотел рассказать.

Глеб немного помолчал, поскребывая ногтями переносицу, затем задумчиво произнес:

– Во всем этом есть еще одна странность.

– Какая? – быстро спросила Евдокия.

Глеб посмотрел ей в глаза и медленно выговорил:

– Дружок.

– Дружок? Ты говоришь про своего пса?

Он кивнул:

– Да. Почему, черт его дери, он не унюхал призрачную тварь? И куда он подевался? Всему этому может быть только одно объяснение.

– Какое?

– Видишь ли... Я не рассказал тебе про Дружка самое главное. Дружок – он не совсем пес. Вернее даже, совсем не пес.

– Я не понимаю, – растерялась проповедница. – Кто же он?

Глеб вздохнул.

– Вообще-то, Дружок – такая же призрачная тварь, как и та, которая подменила собой мальчишку. Полгода назад Дружок здорово помог мне. Да что там помог – я жив только благодаря ему! Он – темная тварь, но сам ненавидит темных тварей. Полгода назад он рвал их на части, когда они пытались добраться до меня.

Матушка Евдокия уставилась на Первохода холодным, неприязненным взглядом.

– Ты позволил темной твари приблизиться к мальчику, – медленно произнесла она, и голос ее подрагивал от негодования. – И теперь тварь утащила его. Утащила, а взамен подложила эту... эту... – Она сжала кулаки и выдохнула: – Ты должен был рассказать мне про пса!

Глеб виновато нахмурился.

– погоди, не горячись. Мы не знаем, что произошло.

Евдокия подняла руки, тряхнула крепко сжатыми кулаками и с ненавистью пообещала:

– Если я когда-нибудь увижу твоего пса, я убью его!

4

Дружок бежал по лесу, стараясь не потерять след. Своим собачьим умом он понимал, что совершил ошибку, и чувствовал стыд. Он подвел хозяина. Что-то просочилось в щель под дверь и одурманило его. И не его одного. Хозяин и его спутница тоже уснули. И они тоже не услышали и не почувствовали, как что-то темное ввалилось в хижину, схватило мальчишку и утащило его в чащобу.

Все это происходило словно в каком-то тумане. Дружок чувствовал сквозь сон что-то страшное, но ничего не мог с собой поделать. Дурман, который он вдохнул, был сильнее его. Он сумел подняться на лапы, лишь когда дверь за похитителем закрылась. Несколько секунд Дружок стоял, широко расставив лапы, и тряс мордой, пытаясь прийти в себя. Проковыляв затем к двери, он заметил краем затуманенного глаза темную тварь, которая укладывалась в носилки вместо мальчишки, но не стал возвращаться, чтобы не потерять время.

Тот, кто построил эту хижину, закопал в землю под полом несколько амулетов. Дружок с самого начала почувствовал их запах. Он даже знал половицы, под которыми покоились эти амулеты. Обе – как раз посередине между носилками и ложем, которое устроил себе хозяин.

Тварь не сможет переступить через половицы и растерзать хозяина и его спутницу во сне. А когда хозяин проснется, он разделается с тварью. Хозяин храбр, силен и умен. Ни одна темная тварь не сумеет справиться с ним.

Рассудив так, пес не стал тратить силы на схватку с призрачной тварью, занявшей место мальчишки, а вышел из хижины и устремился в погоню за тварью, похитившей настоящего мальчика.

Бежать было тяжело. Дурман все еще гулял в голове Дружка, и лапы плохо слушались его. Однако пес не позволял себе расслабиться. Он бежал по валежнику и мокрой траве неровной рысью и все время держал нос по ветру.

Похититель искусно заметал следы, и запах его был слаб – он словно бы растворялся в запахах леса, будучи его неотъемлемой частью. Но гиблая чащоба, какой бы хитрой она ни была, не могла заглушить другой запах – запах бледного, темноволосого мальчика.

Неподалеку были болота, и по земле стлался белый туман, пропитанный его ядовитыми испарениями. В некоторых местах туман доходил Дружку до груди, а кое-где поднимался еще выше, так, что над поверхностью тумана торчал только его черный, мокрый нос.

Пробежав пару верст, Дружок вдруг остановился и прислушался. Затем вильнул хвостом и бросился сквозь колючие кусты навстречу едва слышному голосу, который негромко бормотал:

– Я ем, чтобы жить, а не живу, чтобы есть... Отличное правило... Но когда ты проголодался и устал, кусок копченой курицы и стакан красного вермута кажутся тебе единственной целью и единственным смыслом жизни. Правильно я говорю, малыш?.. Интересно, почему ты для них так важен? Что в тебе такого?

Дружок выскочил из кустов и остановился. В багровых сумерках он увидел человека, сидевшего на бревне и поедающего освежеванного кролика. Окровавленная кроличья шкурка валялась у его ног, а ноги эти были замотаны в грязные онучи и обуты в дырявые, разношенные опорки, явно снятые с какого-то бродяги.

Рядом с бревном лежал на земле мальчик.

Завидев пса, человек отнял ото рта кусок мяса, слизнул с губ кроличью кровь, усмехнулся и сказал:

– А, это ты, Дружок. Где ты шляешься, бродяга?

Это был голос хозяина. И глаза, смотревшие на Дружка, были глазами хозяина. Лицо хозяина, фигура хозяина... Но хозяин не мог здесь быть, потому что он остался в хижине. Дружок был сбит с толку. Он мотнул головой, затем снова принялся.

Запах тоже был запахом хозяина, но он был очень слаб, и в запахе этом были странные вкрапления.

– Ну, что же ты встал, балбес? – улыбнулся человек. – Иди ко мне!

Он протянул руку. Дружок угрожающе зарычал. Уши пса прижались к голове, шерсть на загривке встала дыбом.

– Да что с тобой, парень? – удивился человек. – Какая муха тебя укусила?

Пес стоял, широко расставив ноги, и угрюмо смотрел на человека. Тот несколько мгновений молчал, разглядывая пса, потом кивнул сам себе головой, будто о чем-то догадался, и с улыбкой воскликнул:

– Ну, конечно! Ты ведь голоден. А ну – лови! – Он оторвал клочок сырого кроличьего мяса и швырнул Дружку.

Мясо шлепнулось в траву пред носом пса, но тот к нему даже не притронулся. Дружок по-прежнему угрюмо смотрел на странного человека, как две капли похожего на его хозяина.

Псевдохозяин нахмурился.

– Ладно, как хочешь, – недовольно проворчал он. – Проголодаешься – съешь.

Дружок взглянул на мальчика. Тот лежал на земле неподвижно, с закрытыми глазами и был очень бледен. Но он был жив, а это главное. Если Дружок спасет мальчика, хозяин простит его.

– Ну?! – гаркнул самозванец. – Чего уставился? Не хочешь дружить – вали отсюда! – Он поморщился и добавил: – Ей-богу, парень, мне сейчас не до тебя.

Дружок не уходил. Его длинные уши были по-прежнему прижаты к голове, из глотки доносилось тихое рычание, а глаза пристально разглядывали самозванца.

Псевдохозяин вздохнул.

– Ладно, – сказал он. – Черт с тобой. Ты меня раскусил. Я вовсе не Глеб. Но я ничем не отличаюсь от него, верно? Посмотри на меня! У меня то же лицо, те же глаза, те же руки. Я знаю все, что знает он. Но я крепче, чем он! И я умнее!

Дружок зарычал громче и сделал шаг навстречу двойнику. Тот сдвинул брови и гневно проговорил:

– Да кто ты такой, чтобы рычать на меня? Ты – такая же тварь, как и я! Что ты о себе вообразила, грязная шавка?

Пес бросился на двойника. Однако тот ожидал атаки. Ловко увернувшись, он прыгнул псу на спину, обхватил его левым предплечьем за шею, а правой рукой подхватил с земли обломок ветки и с размаху всадил его Дружку в пасть.

Пес замотал головой, пытаясь вырваться, но псевдохозяин держал крепко. Силою и ловкостью самозванец не уступал настоящему Первоходу, и острый обломок ветки все глубже входил в горло Дружку.

Черная кровь из разорванной глотки полилась псевдохозяину на руку. Пес снова задержался, пытаясь ослабить нажим ветки, но самозванец, навалившись на Дружку всем телом, прижал его к земле и лишил возможности для маневра.

– Видишь, что бывает с непослушными собаками... – прохрипел он. – Их отправляют в собачий рай... Хотя ты туда не попадешь, тварь.

Вдруг за бревном тихо хрустнула ветка. Самозванец вскинул голову и увидел молодого, широкоплечего парня, застывшего возле дерева с ошарашенным видом.

– Первоход! – изумленно выдохнул парень.

– Он самый, – хрипло проговорил самозванец. – А мы знакомы?

Парень захлопал глазами.

– Конечно. Я ведь Ставр.

Самозванец дернул потной щекой.

– Ладно, забудь. Вижу, ты хороший парень... Помоги мне справиться с этой тварью.

Парень перевел взгляд на корчащегося под телом самозванца пса.

– Ты хочешь, чтобы я помог тебе убить собаку? – удивленно спросил он.

– Это не просто собака, – хрипло отозвался самозванец. – Это призрачная тварь, которая вообразила себя собакой... Слушай, чудак, ты так и будешь стоять или поможешь мне!

– Да. – Ставр сдвинулся с места, но снова замер с растерянным видом. – Но... что мне делать?

Дружок сделал еще одну попытку вырваться, но псевдо-Глеб усилил нажим, и пес сдавленно заскулил.

– У меня заняты руки... – глухо проговорил он. – Достань меч и прикончи эту тварь. Ну!

Ставр взялся за меч.

– Но ведь это всего лишь пес, – неуверенно произнес он. – Зачем нам его убивать?

Самозванец побагровел от ярости.

– Я ведь Первоход, верно? – прохрипел он.

– Верно, – кивнул Ставр.

– А Первоход никогда не ошибается. Прикончи эту тварь, парень! Прикончи, если хочешь быть моим другом!

Ставр больше не сомневался и не рассуждал, он выхватил из ножен меч, шагнул к псу и с размаху ударил его мечом в бок. Пес заскулил, и тогда Ставр ударил еще раз. Пес дернулся под самозванцем и затих.

Псевдо-Глеб поднялся с земли, отряхнул испачканную рубаху и сел на бревно.

– Уф-ф... – устало вздохнул он, вытирая рукавом пот со лба. Потом взглянул на Ставра лукавым взглядом и насмешливо проговорил: – А ты, я вижу, мастер махать мечом. Как-нибудь потом мы устроим с тобой поединок. На мечях. Как настоящие крутые парни.

– На ме... – На лице молодого ходока промелькнуло удивление. – Но ведь мы уже...

Но человек, сидевший на бревне, его не слушал. Он нагнулся к мальчику и прижал палец к его худенькой шее. Рукав на руке самозванца задрался, обнажив ровный ряд шрамов.

– Пульс есть, – проговорил псевдо-Глеб, задумчиво хмуря брови. – Этот мальчишка – настоящая сомнамбула. Интересно, он вообще когда-нибудь просыпается?

Самозванец убрал руку от шеи мальчика, и в это мгновение Ставр шагнул к нему и ударом тяжелого охотничьего сапога сбил самозванца с бревна. Затем прыгнул псевдо-Глебу коленями на живот, взмахнул мечом и с размаху вогнал клинок в грудь самозванцу.

Псевдо-Глеб заорал от боли и заскреб пальцами по клинку, пытаясь вырвать его из своей груди.

– Белое железо! – хрипло скулил он. – Это белое железо!

Ставр сильнее нажал на меч, с хрустом вталкивая его в грудную клетку твари.

– Ты... – Из рта самозванца вырвался фонтанчик черной крови и ударил Ставру в лицо. – Ты... Сволочь... Вынь меч...

Ставр вытер лицо плечом и покачал головой.

– Нет.

– Я... Первоход... – Самозванец мучительно поморщился. – Ты... меня знаешь...

– Ты не Первоход, – отчеканил Ставр, с ненавистью глядя на искаженное мукой лицо самозванца. – Ты призрачная тварь. Я слышал про таких, как ты.

– Что ты несешь, дурак?... – Самозванец отплюнул кровь, заполнившую ему рот. – Я Глеб... Глеб Первоход...

– Нет, – снова отчеканил Ставр. – У тебя на руке семь шрамов. Твой седьмой шрам не выпвел и наполовину. А у Первохода он почти незаметен.

– Я...

– Ты тот двойник, о котором рассказывал Глеб! Он был уверен, что расправился с тобой. Но ты выжил.

Самозванец выкатил на Ставра полные злобы, отчаяния и муки глаза.

– Слушай сюда, парень, – хрипло проговорил он. – Я такой же Глеб Первоход, как и он... Я ничем от него не отличаюсь... Ты ведь хочешь прославиться, верно?... Я помогу тебе... Мы с тобой будем одной командой.

Голос двойника звучал все глуше, он стремительно терял силы.

– Вынь меч, дружище... – взмолился он. – Освободи меня... Боже, если бы ты знал, как мне больно!

В голосе этом было столько мольбы и горя, что сердце Ставра дрогнуло. Всего на мгновение он ослабил нажим, всего на мгновение его пальцы, сжимающие рукоять меча, ослабили хватку. Но этого мгновения самозванцу оказалось достаточно. Он резко ударил Ставра растопыренными пальцами по глазам, затем ухватился за клинок и вырвал его из своей груди.

Удар по глазам ослепил и шокировал Ставра, на несколько секунд он потерял ориентацию, а когда вновь пришел в себя, самозванец уже вцепился пальцами ему в горло и навалился на него своим тяжелым телом.

Черная кровь хлестала из его рассеченной груди, и одежда Ставра быстро пропитывалась ею.

– Щенок! – гаркнул в лицо ходоку самозванец. – Ты думал, что сможешь убить меня? Первоход не смог, а ты сможешь? Щенок!

Черная кровь закапала Ставру на щеки, затекла в рот.

– Я прикончу тебя! – хрипела тварь. – Вырву тебе глаза и сожру их!

Холодные, твердые пальцы псевдо-Глеба сдавили горло Ставра. Ходок стал задыхаться, в глазах у него потемнело. Ставр понял, что теряет сознание, и тут краем глаза он уловил какое-то движение. Пес попытался подняться на лапы.

«Великий пес-Семаргл, помоги ему!» – взмолился Ставр.

Пес поднялся на ноги, тряхнул головой и уставился на самозванца.

– Давай... – прохрипел Ставр.

И пес услышал его зов. Он прыгнул самозванцу на спину и всадил клыки ему в горло. Теряя сознание, Ставр успел увидеть, как пес и самозванец упали на землю и принялись кататься по траве, разбрызгивая черную кровь и усеивая пожухлую траву безобразными ошметками, похожими на клочки черной пены, которые тут же таяли и с шипением впитывались в землю.

Потом мир в глазах Ставра подернулся желтовато-серой пеленой, и голова молодого ходока бессильно свесилась набок.

5

Глеб присел на корточки и тщательно осмотрел землю.

– Ты думаешь, он еще жив? – тихо спросила матушка Евдокия.

– Уверен, что да, – ответил Глеб. – Вот, посмотри. – Он указал пальцем на примятую траву. – Здесь похититель положил его на траву, чтобы отдохнуть. Причем не просто бросил, а именно положил – аккуратно, чтобы не зашибить.

Евдокия посмотрела на траву и вздохнула.

– Я ничего в этом не понимаю. Вижу только, что трава примята.

Глеб опустился на корточки, осторожно раздвинул траву и вгляделся в едва различимый отпечаток.

– След похож на человеческий, – сказал он. – Но это не человек. Думаю, мальчика похитила призрачная тварь.

Глаза матушки Евдокии расширились от ужаса.

– Та самая тварь, которая вышла из тумана?

– Да. – Глеб поднял взгляд, осмотрел кустарники и деревья и добавил: – Эта тварь приняла человеческий облик. Уж не знаю, зачем ей это понадобилось. Ладно, двигаем дальше.

Первоход выпрямился, поправил на спине тяжелые сумки и двинулся вперед. Евдокия зашагала следом.

– Ты не устал? – спросила она. – Я могу понести сумки.

– Прости, матушка, но ты для этого слишком хрупкая, – отозвался Глеб.

Евдокия сдвинула брови.

– Не такая уж и хрупкая, – сказала она. – Ты, кажется, забыл, какая бурная жизнь у меня за плечами.

– Отчего же, я помню. Если решу ограбить караван купцов или повтыкать в кого-нибудь ножики, обязательно обращусь к тебе за помощью.

Губы Евдокии дрогнули от обиды.

– Ты злой человек, Первоход, – сказала она. – Злой и жестокий.

– Ты мне льстишь.

– К тому же ты грубиян, – добавила Евдокия. – Не понимаю, почему о тебе говорят так много хорошего?

– Так, значит, ты и раньше слышала обо мне?

– Конечно. Кто же не слышал о Глебе Первоходе? Мои прихожане часто о тебе говорят. Особенно женщины.

Глеб ухмыльнулся:

– Матушка, от твоей лести я совсем растаял. Можешь взять меня, словно кусочек масла, и размазать по хлебу самым тонким слоем.

Евдокия нахмурилась.

– И выражаешься ты непонятно. Понимаю, что грубишь, а в чем твоя грубость – не пойму. И не пойму, почему я не могу сердиться на тебя. Ты обманул меня, а я снова тебе верю.

– Может, это потому, что я тебе нравлюсь? – поинтересовался Глеб.

Евдокия фыркнула:

– Вот еще. Мне нравятся добрые, честные и богобоязненные мужчины. А ты самонадеян, горделив и глуп.

– Верно, – кивнул Глеб, внимательно оглядывая землю и траву. – И к тому же – обожаю, когда меня гладят против шерсти. Так что давай еще, матушка. Гладь, пока я не начну мурлыкать.

Несколько шагов они прошли молча.

– Здесь недалеко – заброшенные Моревские рудники, – сказал Глеб. – Раньше там было полно волколаков.

– А сейчас? – спросила Евдокия.

– Сейчас не знаю.

Евдокия посмотрела себе под ноги и нахмурилась.

– По земле стелется белый туман, – сказала она.

Первоход кивнул:

– Да.

На лице проповедницы отобразилась тревога.

– Уж не тот ли это страшный туман, о котором ты говорил? – взволнованно спросила она.

Глеб покачал головой:

– Нет. Этот белый туман был здесь всегда. Всматривайся в него пристальней, матушка. Если увидишь что-нибудь странное, тут же скажи мне.

Туман поднимался все выше. Теперь Глеб продвигался вперед осторожно, вглядываясь в туман и держа руку на прикладе ольстры. Идти по этому туману молча Евдокии было тяжело. И тогда она снова заговорила:

– Первоход, а что будет, когда мы пройдем Моревские руд...

– Тс-с! – вдруг произнес Глеб, повернулся и накрыл губы Евдокии ладонью. Затем тревожно огляделся по сторонам.

Проповедница замерла, повинаясь его приказу, и тоже огляделась. Ничего подозрительного она не заметила. Она хотела сказать об этом Первоходу, но тут он выдернул из кобуры ольстру и прошептал:

– Волколаки!

Евдокия снова огляделась. Вокруг были только черные деревья и белый туман. В этом месте он доходил проповеднице до пояса.

– Я ничего не...

– Они пошли в атаку! – крикнул Глеб и толкнул ее в кусты. – Затаись!

Громыхнул выстрел. Черная тварь, вынырнувшая из белого тумана, с визгом рухнула назад с развороченной выстрелом головой.

Глеб выхватил из кармана охотничьей куртки горсть маленьких, темных шариков и швырнул их в туман. Туман всколыхнулся и стал быстро опадать, словно шарики всасывали его в себя.

Огромное рыкающее чудовище напало на Глеба сзади и сбило его с ног, но он резко откатился, развернулся и всадил чудовищу в брюхо меч. Затем вскочил на ноги, прыгнул самому рослому волколаку на спину, обхватил меч двумя руками и с размаху всадил клинок чудовищу в основание черепа.

Затем спрыгнул с волколака, снова перекувыркнулся и встретил еще одного волколака ударом меча в грудь. Клинок рассек широкую грудную клетку чудовища, и на одежду Глебу брызнула черная кровь. Глеб еще дважды ударил волколака в грудь. Когда волколак рухнул на землю, Глеб, тяжело дыша, огляделся.

Белый туман стлался теперь не выше травы, и в этом белом призрачном молоке чернели огромные тела поверженных чудовищ. Четыре волколака, подобно четырем огромным черным мешкам, лежали на поляне. Глеб усмехнулся и с гордостью проговорил:

– Мой личный рекорд.

Затем сорвал с земли пучок травы, тщательно отер клинок, вложил меч в ножны и повернулся к Евдокии. Проповедница сидела на траве и с ужасом смотрела на Глеба. Он усмехнулся и сказал:

– Ты так на меня смотришь, будто я сам – темная тварь.

– Ты сражался с ними, как демон, – взволнованно пробормотала Евдокия. – Мне даже показалось, что за спиной у тебя выросли черные крылья.

Глеб дернул щекой и небрежно пояснил:

– Это была тень. Между прочим, я только что спас тебя. Где овации?

Евдокия медленно поднялась на ноги и облизнула кончиком языка пересохшие от пережитого ужаса губы.

– Тебе ведь нравится убивать? – спросила она вдруг.

– Я убиваю только темных тварей, – небрежно ответил Глеб, подняв с земли ольстру.

– Я буду молить бога о том, чтобы ты не ошибся, когда будешь выбирать себе очередную жертву, – сказала Евдокия.

Глеб вложил ольстру в кобуру, взглянул на проповедницу и холодно отчеканил:

– Я не выбираю себе жертву. Я сражаюсь только с хищниками. И не я, а они выбирают меня.

Глеб втянул ноздрями воздух и нахмурился. Он вдруг понял, что еще ничего не кончилось. Что-то витало в воздухе. Что-то неуловимое и опасное.

Осмотрев деревья, Первоход перевел взгляд на Евдокию. Глаза проповедницы были расширены и поблескивали матовым светом. На щеках ее проступил легкий румянец, губы были слегка приоткрыты.

– Что за... – начал было Глеб, но осекся.

На мгновение голова его закружилась, но головокружение тут же прошло, оставив после себя странный осадок. Реальность будто бы подернулась легкой розовой дымкой. Глеб облизнул губы и снова посмотрел на Евдокию. Внезапно его охватило дикое желание.

Глядя Евдокии в глаза, он усмехнулся.

– Я не понял – а где поцелуй победителю?

Несколько секунд Глеб и Евдокия молча смотрели друг другу в глаза. Потом проповедница улыбнулась и спросила:

– Ты хочешь, чтобы я тебя поцеловала?

– Только если ты сама этого хочешь, – ответил Глеб.

Незаметно для самих себя, они шагнули друг другу навстречу.

– Здесь не самое подходящее место, – проговорила Евдокия, глядя Глебу в глаза.

– Правда? И чем же здесь плохо?

Повинуясь внезапному порыву, Глеб шагнул вперед, схватил Евдокию и стиснул ее в объятиях. Губы их встретились.

Глеб действовал торопливо и неистово, но Евдокия не сопротивлялась. Она тоже торопилась, будто боялась, что наваждение пройдет и она снова побоится сделать то, чего ей так давно и так сильно хотелось.

Оба принялись торопливо срывать с себя одежду, продолжая страстно целоваться. Густые каштановые волосы Евдокии рассыпались по белым обнаженным плечам. Подставив под поцелуй голую грудь, она запрокинула голову и засмеялась. Потом запустила пальцы в волосы Глеба.

Глеб стал осыпать поцелуями ее шею, ключицы и грудь. Потом снова впился поцелуем в ее губы. Его длинные, мягкие волосы упали Евдокии на лицо, и запах этих волос – травяной, дымный запах охотника и лесного жителя – окончательно вскружил Евдокии голову.

– Сделай это! – хрипло выкрикнула она. – Сделай!

Глеб сорвал с себя рубаху, обнажив смуглое, мускулистое тело, испещренное шрамами, и повалил Евдокию на траву, продолжая покрывать поцелуями ее грудь и ключицы.

И вдруг подул сильный порыв ветра. Оба на мгновение замерли, а затем отпрянули

друг от друга. Глеб изумленно поднял брови. Евдокия приглушенно вскрикнула, схватила с земли платок и стыдливо прикрыла обнаженные груди.

Несколько секунд они в полной растерянности смотрели друг на друга. И вдруг один из волколаков поднял голову и взглянул на Глеба.

– Первоход! – испуганно вскрикнула Евдокия.

Волколак вскочил на ноги. Глеб выхватил из брошенной кобуры ольстру, отскочил в сторону и нажал на спуск. Волколак пригнулся, и пуля, просвистев над его массивной головой, вонзилась в ствол дерева. Резко выбросив вперед лапу, волколак вышиб из рук Глеба ольстру, сбил его с ног и подмял под себя.

Всадив когти в плечи Глеба, волколак попытался дотянуться зубами до его горла, но Глеб вцепился ему пальцами в шею и отвел от себя голову твари. Мышцы Глеба вздулись от напряжения, на шее проступили жилы, на лбу заблестели бисеринки пота. Морда волколака, до жути похожая на человежье чернокожее лицо, опускалась все ниже, его клыки почти касались щеки Глеба.

– Врешь... – процедил ходок сквозь стиснутые от напряжения зубы. – Не возьмешь...

Он снова отвел от себя морду твари. Однако та, несмотря на страшные раны на боку и животе, не собиралась сдаваться. Руки Глеба задрожали, и клыки волколака вновь стали приближаться к его горлу.

– Евдокия... – хрипло позвал Глеб. – Ольстру... Подними...

Проповедница испуганно уставилась на лежащую в траве ольстру.

– Давай... – поторопил Глеб, изо всех сил удерживая нависшего над ним волколака.

Проповедница подняла ольстру с земли и наставила ее дулом на чудовище.

– Жми пальцем на крюк! – крикнул Глеб.

Евдокия зажмурилась и нажала. Пуля со свистом рассекла воздух и, пробив чудовищу черепную кость, выбила из его затылка фонтан крови. Глеб спихнул тварь с себя, вскочил на ноги, вырвал из рук Евдокии ольстру и, приставив дуло к вытаращенному глазу волколака, нажал на спуск.

Матушка Евдокия вздрогнула от грохота выстрела и, хрипло дыша, опустилась на траву. Ее крепкая девичья грудь снова была обнажена, а волосы разметались по плечам, сделав ее похожей на амазонку, но Евдокия не замечала этого.

Покончив с волколаком, Глеб сорвал пучок травы и стер со своей груди кровь чудовища. Затем поднял с земли черный платок и протянул его Евдокии.

– Прикройся, – сказал он.

Проповедница взяла платок и молча закрыла грудь.

6

Пять минут спустя, приведя одежду в порядок и повязав голову платком, Евдокия холодно взглянула на Глеба и сказала:

– Мы должны обсудить то, что между нами произошло.

– О чем ты? – спросил он.

– Что с нами было, Глеб? – спросила она. – Мы будто обезумели.

– Здесь неподалеку есть болота с ядовитыми испарениями, – хмуро ответил Глеб. – Я думаю, дело в них.

Евдокия немного помолчала, кусая губы. Потом с трудом проговорила:

– Я почти не помнила себя. Скажи, мы с тобой успели сделать... *это* ?

Глеб усмехнулся и покачал головой.

– Нет.

Проповедница облегченно вздохнула:

– Я знала это, но должна была убедиться. Нужно скорее уходить отсюда.

– Боишься, что болотные испарения снова сыграют с нами злую шутку? – прищурился Глеб.

Матушка Евдокия покраснела.

– Боюсь, – честно призналась она. – Очень боюсь.

– Эти испарения не заставляют человека делать то, чего он не хочет, – возразил Глеб. – Они лишь делают тайное явным. И если мы оказались в объятьях друг друга, значит, мы тайно желали этого.

Евдокия отвела взгляд и хмуро произнесла:

– Я не хочу об этом говорить.

Глеб пожал плечами.

– Хорошо, не будем.

Немного помолчав, Евдокия тихо сказала:

– До сих пор я думала, что бояться нужно только Гиблого места. Но теперь понимаю, что больше всего бояться следует...

– Меня? – вскинул голову от сумки с провизией Глеб.

Проповедница покачала головой:

– Нет. Себя. – Она перекрестилась и зашептала распухшими от поцелуев губами: – Помилуй мя, Боже, по велицей милости Твоей, и по множеству щедрот Твоих очисти беззаконие мое.

– Твой бог заставляет тебя быть лицемеркой? – с холодной насмешливостью поинтересовался Глеб.

– Это не так, – ответила проповедница.

– Тогда будь со мной честна. Ты ведь хотела этого. Хотела, да?

Несколько мгновений Евдокия молчала, в волнении кусая губы, потом кивнула и выдохнула:

– Да. Ты мне люб, Первоход. Очень люб. И теперь это глупо скрывать. Но между нами ничего не может быть.

– Почему? – прищурился Глеб. – Ты ведь проповедница, а не черноризница. Бог не запрещает тебе любить мужчину.

– Ты язычник, Глеб. И ты пугаешь меня. Ты слишком силен для человека.

– Я не просто человек. Я ходок.

– Об этом я и говорю. Люди боятся ходоков, считают вас такими же исчадиями ада, как оборотни и упыри.

– Людская молва лжива и пуста, – угрюмо проронил Глеб.

Евдокия качнула головой.

– Не всегда. Раньше я сама так думала. Но теперь... Первоход, я видела, с какой яростью ты убиваешь темных тварей. И эта ярость – она не от бога.

– Хочешь сказать, что во мне сидит демон?

Евдокия нахмурилась, но ничего не ответила. Глеб криво ухмыльнулся.

– Значит, ты считаешь, что я одержим демоном. Славно. И как же мне изгнать его?

– Если мы выберемся отсюда, приходи к нам в общину. Мы будем вместе молиться о твоём спасении. Я возложу на тебя частичку Святого креста, привезенного из Иерусалима.

Глеб натянул рубаху и насмешливо проговорил:

– Спасибо, но я уж как-нибудь так... Без креста и полумесяца. Своими силами.

– В тебе говорит гордыня, – с упреком сказала матушка Евдокия. – В сочетании с гневом это страшная смесь.

– Эта «смесь» позволила мне прикончить тварей и спасти тебе жизнь! – резко отчеканил Глеб. – А меня опасаться тебе не стоит. Я никогда не залезу под юбку черноризнице. Если, конечно, снова не нанюхаюсь ядовитых испарений.

Евдокия вспыхнула, но удержалась от резкого ответа. Глеб застегнул ремни кобуры, поправил на поясе меч и ножны-соты с метательными ножами.

– Пора выдвигаться, – сказал он. – Впереди кишеньский жалник. Судя по всему, призрачная тварь потащила мальчишку туда.

Губы Евдокии слегка побелели.

– И давно там не хоронили? – спросила она.
– Людей – лет двести или триста, – ответил Глеб. – Насчет нелюдей ничего сказать не могу.

Проповедница вздохнула и с явным облегчением заявила:

– За триста лет любое тело сгниет и превратится в труху.

– Только не в Гиблом месте, – холодно возразил Глеб.

Евдокия хотела что-то сказать, но он вдруг насторожился и знаком попросил ее помолчать. Несколько секунд Глеб напряженно вслушивался, затем прошептал:

– Сюда кто-то идет. Спрячься за дерево.

– А ты?

– А я встречу незваного гостя как полагается. Ну же!

Евдокия быстро поднялась на ноги, прошла к дереву и укрылась за ним. Глеб вынул из кобуры ольстру, выгреб из широкого кожаного кармана, пришитого к кобуре, несколько патронов и забил магазин ольстры под завязку.

Затем присел на одно колено, прижал приклад ольстры к плечу и направил дуло в сторону чащобы. Кто-то приближался, хрустя валежником и шурша ветвями.

7

Высокая фигура вышла из орешника и рухнула на траву. Глеб опустил ольстру и крикнул:

– Евдокия, оставайся там!

Затем выпрямился и быстро подошел к распростертому на траве парню. Схватил его за плечо и тряхнул.

– Ставр! Ставр, ты слышишь меня?

Парень приподнял голову и чуть слышно пробормотал:

– Первоход... Боги, как же я устал.

И снова ткнулся лицом в траву. Глеб быстро осмотрел тело Ставра, но, кроме синяков на шее, никаких ран не обнаружил. Судя по всему, молодой ходок был просто предельно измотан.

– Глеб, я могу выйти? – окликнула из-за дерева Евдокия.

Первоход отрицательно мотнул головой.

– Пока нет.

Затем устремил взгляд на чащобу, выпрямился и, держа ольстру наготове, двинулся к деревьям, из-за которых вышел Ставр. Чем бы ни была тварь, с которой вступил в схватку Ставр, она могла преследовать ходока и прийти сюда вслед за ним.

Пройдя несколько шагов, Глеб на мгновение остановился, затем опустил ольстру и бегом побежал к лежащему на земле мальчику. Осмотрел его, пощупал пульс, затем осторожно поднял мальчика на руки и вернулся на поляну.

Ставр уже сидел на траве, обалдело уставившись на матушку Евдокию, а она хлопотала возле него, натирая его ссадины мазью и приговаривая слова утешения.

Завидев мальчика, Евдокия вскочила на ноги и подбежала к Глебу. Губы ее затряслись, на глазах выступили слезы.

– Он жив? – взволнованно спросила она.

– Да, – ответил Глеб. – По крайней мере, он дышит.

Первоход осторожно положил мальчишку на траву. Затем взглянул на Ставра и спросил:

– Где ты его нашел?

– В лесу, – ответил парень. Затем взглянул на трупы волколаков и спросил: – Это ты их убил?

Глеб молча кивнул.

– Может, нам стоит убраться отсюда? – спросил Ставр. – Честно говоря, мне здесь

немного не по себе.

– Среди мертвых волколаков мы в относительной безопасности, – заверил Глеб. – Оборотни сюда точно не сунутся, да и упыри поостерегутся. Кто на тебя напал?

– Сперва волколаки. Потом... – Ставр нахмурился и нехотя договорил: – ...Твой двойник.

– Кто? – не понял Глеб.

– Твой двойник, – повторил Ставр. – Тот самый, про которого ты мне рассказывал. Ты думал, что убил его, но этот гад выжил.

Лицо Глеба потемнело.

– Это он похитил мальчика?

Ставр кивнул:

– Да.

– Как ты на него наткнулся?

– Я услышал собачье рычание и чей-то голос. Пошел на звук и увидел тебя. Ну, то есть... его. Он пытался задушить собаку.

– Собаку?

Ставр кивнул.

– Да. Большого коричневого пса. – Заметив, как изменилось при этих словах лицо Глеба, парень уточнил: – Знаешь его?

– Это Дружок, – ответил Глеб. – Мой пес. Он жив?

Ставр покачал головой.

– Нет. Твой двойник позвал меня на помощь. Я помог ему прикончить пса.

– Мальчик был там же?

– Да. Он лежал возле пня. Я сразу заподозрил неладное, но никак не мог понять, что меня смущает. Но потом... Потом я догадался.

– И что же тебя смутило?

– Шрамы, – выдохнул Ставр. – На твоей руке седьмой шрам почти выпцвел. А у того он был как новенький.

Глеб нахмурился, кивнул и повернулся к Евдокии.

– Как мальчик? – спросил он. – Цел?

– Да, – ответила проповедница.

– Достань свой костяной компас и посмотри, куда нам двигаться дальше, – распорядился Глеб.

Матушка Евдокия вынула из сумки лешью указку и положила ее на ладонь. Немного поколебавшись, костяная стрелка замерла, указывая заостренным концом на чащобу.

– Что там? – спросила Евдокия.

– Мертвый город, – ответил Глеб.

– И сколько еще до него идти?

Глеб взглянул на багровое солнце и ответил:

– Если поторопимся, то до заката будем там. – Он перевел взгляд на Ставра и спросил: – Ты как? Можешь идти?

– Да, – ответил парень. – Я уже отдохнул. Если нужно, я даже могу понести мальчика.

– Это вряд ли, – усмехнувшись, сказал Глеб. – Мальчик для тебя сейчас слишком неудобная ноша. Но если ты настаиваешь, я разрешу тебе понести сумки.

Глава восьмая

1

Зря он выпустил из рук выжигатель. Ой, зря. И спать не нужно было. Но кто бы мог подумать, что этот простоватый с виду здоровяк окажется таким тертым калачом?

Глянув на острие меча, прижавшееся к его горлу, Рах перевел взгляд на хмурое лицо воеводы Видбора и спросил:

– Какого черта ты делаешь, ратник?

– Я собираюсь отсечь тебе голову, охоронец, – последовал ответ.

– Но почему? За что?

– Ты шептал во сне.

– Да ну? – Рах нервно облизнул губы. – И что, в вашем княжестве это запрещено законом?

Воевода нахмурился и неприязненно ответил:

– Здесь Гиблое место, парень, и закон здесь один – закон чащобы.

– То есть кто сильнее, тот и прав?

Видбор мотнул головой:

– Нет. Закон Гиблого места гласит, что подлецы и мерзавцы здесь помирают первыми. Скоро мы нагоним Евдокию и мальчика, охоронец. И пред тем, как это свершится, я хочу узнать, что ты задумал?

Рах снова облизнул губы.

– Видбор, я ведь уже рассказывал тебе. Я хочу найти чудные ве...

– Неужто ты и впрямь считаешь меня дураком? – гневно перебил его Видбор. – Ты подсел ко мне в кружале, завел со мной разговор, потом навязался ко мне в спутники. И все это ради пары амулетов?

– Да пойми же, я...

– Во сне ты говорил про какую-то сумку, – оборвал его Видбор.

Рах захлопал глазами.

– Правда?

– Правда. Что это за сумка, Рах? Что в ней?

– Это всего лишь сон. Не думай, что я...

Видбор чуть вдавил острие клинка Раху в шею. Тот осекся и поморщился. Затем облизнул губы и выдохнул:

– Хорошо! Я скажу! В этой сумке – золото. Много золота!

– Откуда оно?

– Я украл его у разбойников. Ты ведь слышал про шайку Вичкута Шкуродера? Я был в этой шайке. Потом я стащил сумку с золотом и сбежал. А потом... потом я заблудился в лесу. Золото – штука тяжелая, я устал его нести и зарыл в землю.

– Где?

– Недалеко от мертвого города.

– Как ты там оказался?

– Я же говорю – заблудился, когда убегал от разбойников.

Видбор прищурил тяжелые веки и глухо проговорил:

– Соврешь еще слово, и я срежу тебе голову, словно кусок сыра.

– Но я говорю тебе правду! – воскликнул Рах. – Разбойники преследовали меня, и я понял, что не смогу от них уйти. Тогда я и свернул к Гиблому месту. Я знал, что туда они не сунутся, поэтому спрятал золото там.

Несколько мгновений Видбор размышлял, недоверчиво глядя на конопатую физиономию Раха, затем сказал:

– Хорошо. Допустим, что я тебе поверил. Но как быть с мальчиком?

– А что с мальчиком? – насторожился Рах.

Видбор приблизил свое угрюмое лицо к конопатой физиономии Раха.

– Ты шептал во сне про мальчика, – сказал он, вперив в лицо Раха холодный, жесткий взгляд. – Ты ведь знаешь, кто он?

– Мальчик? Да ты что, Видбор. Я никогда прежде о нем не слышал.

– Что ж... Тогда пеняй на себя. – И воевода еще чуть-чуть нажал на меч. Острие проткнуло Раху кожу, и струйка теплой крови стекла ему на ключицы.

– Стой, Видбор! – испуганно закричал Рах. – Остановись!
Воевода ослабил нажим.
– Ну? – хрипло спросил он.
– Мальчишка тоже был в шайке разбойников Шкуродера! – быстро проговорил Рах.
– Что ты несешь? – сдвинул брови Видбор.
– Но это правда! Мальчишка был приманкой. Вичкут оставлял его на большаке, а сам поджидал в засаде. Сам посуди – у какого гада не дрогнет сердце при виде заблудившегося сиротки, который просит помощи?
Воевода задумался.
– Твои слова похожи на правду, – неохотно признал он после паузы.
– Конечно, похожи! Потому что это правда! Этот мальчишка... – Рах вновь облизнул губы. – ...Он хитер, как лисенок. Вичкут Шкуродер посылал его нищенствовать по селам и весям. Малец просил подаяние, а попутно выведывал, куда и по каким дорогам купцы отправляют свои караваны.
Видбор глубоко задумался. По всей вероятности, слова Раха показались ему убедительными. Наконец, он пробасил:
– Допустим, ты не врешь. Но ведь мальчик заболел. По-твоему, он притворяется?
– Конечно! Думаю, мальчишка заманивает Евдокию в ловушку!
– Поясни, – потребовал Видбор, хмурия густые брови.
– А что тут непонятного? Вичкут Шкуродер послал мальчишку разведать, что и как. Тот прознал про сумку, а потом притворился больным. Лекаря и вещунью мальчишка подкупил, чтобы те заставили Евдокию отвезти его в Гиблое место.
– Да как же он разузнал-то? – удивился Видбор.
– Как-нибудь разузнал, – убежденно заявил Рах. – Говорю тебе: этот мальчишка хитер, как лис. А я болтлив, ты сам это знаешь. Я видел Евдокию и мальчишку в кружале «Три бурундука». Может быть, там я и сболтнул лишнего.
Видбор обдумал его слова и тряхнул головой:
– Чушь! Откуда малец знает, где искать твою сумку с золотом?
Рах нахмурился.
– Не хотел я тебе говорить, Видбор, да, видно, придется. Ты мне все равно не поверишь, но я скажу. Этот малец... он не просто мальчишка. Он – ведьмин выкормыш. Слышал про таких?
– Что-то слышал. Но что, не помню.
– У ведьминых выкормышей, словно у гофских троллей, нюх на золото. Запусти его в огород, где зарыта кубышка с золотом, и ведьмин выкормыш тут же укажет тебе нужное место.
– Гм... – Долго и тяжело раздумывал Видбор и, наконец, опустил меч. – Извини, что я тебя мечом, – слегка смутившись, проговорил он. – Но уж больно гнусные да непотребные вещи шептал ты во сне.
Рах облегченно вздохнул, потер пальцами горло и ответил:
– Это у меня с детства. Кошмары мучают, вот я и злюсь. Специально твержу гадости, чтобы отпугнуть нечисть.
– И как? – заинтересовался воевода. – Помогает?
– Мне – да.
– А я после того, как вернулся из Гиблого места, совсем плохо сплю. Только усну, а твари тут как тут. Просыпаюсь в поту.
Видбор вложил меч в ножны.
– А ты зачем сюда ходил-то? – спросил его Рах.
– Другу-приятелю одному помогал.
– Уж не Глебу ли Первоходу?
Видбор кивнул:
– Ему. За нами тогда по пятам шло чудище. Пришлось мне Глеба и его спутников

отослать, а самому встать на заслон. Чудище было страшное, сажени четыре ростом, не меньше. А ревело так, как и десяти лосям не прореветь.

– И как же ты с ним справился?

– Как справился? – Видбор мрачно усмехнулся. – Да я и не справился. Кружил вокруг него и мечом разил. Да только все без толку. Одно хорошо – задержал я эту гадину. А потом вырвало у меня чудище меч из рук, а меня самого хвостом так садануло, что я через два дерева перелетел да в сугроб упал. Плечо себе выбил и руку сломал. До сих пор в непогоду ноет.

Рах улыбнулся.

– Но ты выжил, а это главное.

– Верно, выжил, – неохотно признал Видбор. – Не стало чудище меня искать, вдогонку за моими друзьями бросилось. А я доковылял до охотничьей хижины, отлежался там ночь, день да еще полночи, а потом вернулся к меже.

– Ты все правильно сделал, – убежденно произнес Рах.

– Да, – кивнул воевода, – знаю. Но на сердце до сих пор кошки скребут. Может, зря я тогда за друзьями не пошел? Гложет меня это, охоронец. Вина перед ними сердце сосет.

– Ты уверен, что Глеб Первоход погиб?

Видбор пожал могучими плечами.

– Кто знает. Может, да. А может, нет. Только я его с тех пор ни разу не видел. – Воевода помолчал, потом покосился на Раха и сказал: – Я пытался его отыскать.

– Правда? Где?

Воевода вздохнул и признался:

– Я ходил в Гиблое место еще раз.

Рах взглянул на него удивленно.

– Вот это да! Один?

Видбор покачал головой:

– Нет. Я нанял хорошего ходока. Четыре дня мы ходили с ним по Гиблому месту. А на четвертый его задрал оборотень, и я остался один.

– И как ты выбрался?

– Я многому научился у того ходока. Читать по следам, избегать ловушек... В Гиблом месте один день идет за десять.

– В этом я уже убедился, – признал Рах.

– Я ходил по чащобе еще несколько дней, – продолжил глуховатым голосом Видбор. – Перебил кучу тварей, сам побывал в зубах у волколака... Но Глеба так и не нашел.

– И что было потом?

– Ничего. Несколько дней спустя я вернулся в Хлынь и зажил своей жизнью. – Воевода помолчал. Глянул на Раха и вдруг спросил: – А знаешь, что я иногда во сне вижу?

– Что?

– Будто бросаются на Первохода огромные твари, а я вынимаю меч и бегу ему на подмогу. Рублю тварей до последнего, а опосля того падаю наземь и помираю. – Видбор улыбнулся. – И так мне, знаешь, хорошо... Будто не помер я, а родился заново. Ладно.

Он вздохнул и поправил ножны.

– Ты, Рах, здесь постой. А я вперед пройду да посмотрю, что там и как. Да гляди, не высовывайся, пока не разрешу.

Воевода повернулся и неторопливо двинулся в сторону чащобы. Глядя на широкую спину ратника, Рах положил руку на выжигатель. На лице его отобразилась глубокая задумчивость. Выстрелить Видбору в спину или нет? С одной стороны, без него в Гиблом месте не обойтись. Но с другой... Что, если этот верзила снова что-то заподозрит? Что, если он снова приставит к его горлу свой проклятый меч?

«Однажды снова заболтаю во сне, а проснусь от того, что этот верзила перерезал мне горло», – хмуро подумал Рах.

Он вздохнул: что ж, видать, иначе никак. Из двух зол нужно выбирать меньшее. Рах

расстегнул пуговку чехла и бесшумно вынул из него выжигатель.

– Бог Хорс, прикрой меня своим щитом! – крикнул вдруг Видбор, выхватил из ножен меч и бросился навстречу вышедшим из-за деревьев упырям.

Рах изумленно уставился на упырей. Их было восемь, все рослые, со свирепыми лицами, и вовсе не такие медлительные, как предполагал Рах, насмотревшийся в детстве фильмов про зомби.

– Рах, не подходи! – крикнул Видбор. – Спрячься за дерево!

Меч ратника обрушился на голову ближайшего упыря. Второго Видбор рассек надвое, а третьему отрубил ноги, и тот рухнул на землю. Четвертого ратник двинул локтем в лицо и сбил с ног, а затем довершил дело, вонзив тому в грудь меч.

Оставшиеся четыре упыря повернулись и скрылись в лесу.

Видбор не стал их преследовать. Могучая грудь воеводы вздымалась, из горла вырывалось хрипкое дыхание. Переведя дух, воевода тщательно отер свой широкий сверкающий меч пучком травы и вложил его в ножны.

– Сбежали, – презрительно протянул он. – Гнилое отродье. Где вам справиться с хлынским дружинником! Эй, Рах, ты цел?

Видбор повернулся к рыжему охоронцу и застыл с удивленным лицом. Рах сжимал в руках огнестрельный посох, и черное дуло посоха смотрело воеводе в грудь.

– Ты чего? – удивленно спросил Видбор.

Рах улыбнулся.

– Прости, воевода. Но я не могу иначе.

Он положил палец на спусковую панель и надавил на нее.

2

Крев стиснул зубы от боли. Эта боль – жгучая, невыносимая – сводила его с ума. Штыри, обитые белым железом, пригвоздили его к земле, и он не мог пошевелиться.

Крев понимал, что его состояние нельзя назвать жизнью, но что-то не давало ему умереть до конца. Возможно, он был слишком силен, и чтобы убить его, понадобилось бы кое-что покрепче этих штырей.

Однако и жизни Крев в своем теле не чувствовал. Тело словно бы превратилось в туманное облако, и по этому облаку пробегали сверкающие всполохи боли. Звериное тело Крева было сковано штырями и болью, но его разум, как вырвавшаяся из силков птица, заработал на полную мощь и вновь обрел черты человечности.

Минуты тянулись долго и томительно, и все, что Крев мог противопоставить нескончаемому потоку боли, это размышления и воспоминания. Он вспомнил себя молодым. Сколько надежд, желаний, амбиций... И где все это теперь?

Будучи молодым, ты счастлив, потому что у тебя есть перспектива, долгий-предолгий путь, в конце которого тебя ждет схватка с драконом и победа. А заканчивается все тем, что в конце пути ты не обнаруживаешь никакого дракона. А немного поразмыслив, с ужасом осознаешь, что ты и есть – тот самый дракон.

Пока ты молод, ты счастлив даже в своем несчастье. А когда ты прожил большую часть жизни, даже твое маленькое счастье отдает привкусом огромного несчастья.

Дьявол Стогнум, прочь эти мысли!

Крев дернулся в своей ловушке и взвыл от пронзившей все тело боли. Белое железо! Будь проклят тот, кто изобрел его! Стиснув зубы, Крев заставил себя успокоиться. Нужно искать выход. Темные твари погибают от белого железа. Если он, Крев, до сих пор не умер, значит, его тело способно противостоять белому железу. Этому могут быть лишь две причины. Первая – он вовсе не темная тварь. Вторая – он *больше, чем просто темная тварь*. А если так, то и выход из этой ловушки, рассчитанной на заурадных тварей, должен найтись.

Крев открыл глаза и попытался осмотреть свое тело. Черная, покрытая жесткой

шерстью масса была проткнула штырями как минимум в десяти местах. Лапы тоже оказались пригвожденными. Если попытаться расшатать штыри...

Крев слегка двинул лапами и тут же взвыл от боли. Нет, не годится. Крев расслабился и перевел дух. Он вдруг заметил, что на толстых корнях пихты, торчащих из мокрой земли, сидят какие-то зверьки. Должно быть, местные падальщики. Пять или шесть. Дожидаются, пока он сдохнет, чтобы начать свою мрачную трапезу.

Крев усмехнулся безобразным круглым ртом, усеянным по окружности острыми клыками, и негромко позвал:

– Эй, вы!

Зверьки насторожились. Они походили на крыс, но их бурая кожа была совершенно голой, а челюсти, крупные, массивные, будто у крошечных бульдогов, были усыпаны острыми зубками, слегка загнутыми внутрь – видимо, для того, чтобы удобнее было рвать на части падаль.

– Эй, вы... – снова позвал Крев, преодолевая боль. – Бритые крысы...

Сравнение с бритыми крысами показалось Креву смешным, и он издал горлом резкий звук, отдаленно напоминающий человеческий смех. Он думал, что падальщики убегут, но они лишь склонили набок бурые безобразные головки и уставились на него черными, злыми глазами.

Эти не убегут. Эти дождутся его смерти. Обязательно дождутся. А потом обглодают его тело до самых костей. Хотя... может, у него и костей-то никаких нет? Может, весь он – сгусток мускулов, силы и гнева? Слепое порождение ада! Ну да, слепое. Вот ведь и крысят этих он видит вовсе не глазами. Их образы – всего лишь переплетенья издаваемых ими запахов.

Крев снова усмехнулся и попробовал приподнять голову. Боль прожгла его тело дюжиной раскаленных стрел и заставила снова опустить затылок на дубовую доску. Крев расслабился и закрыл слепые глаза, которые лишь имитировали зрение, обманывая окружающих и его самого.

Внезапно он заметил, что один из падальщиков сдвинулся с места и стал осторожно к нему подбираться. Крев затаил дыхание. Если эта дрянь приблизится к его голове, он схватит ее зубами и откусит ее мерзкую башку! Мысль об этом доставила Креву мрачное удовлетворение.

Падальщик тем временем продолжал медленно и осторожно подбираться к Креву. Остальные твари сидели на корнях дерева, с интересом и волнением наблюдая за своим сородичем.

Ближе... Еще ближе... Вот крысеныш поднял свою бульдожью мордочку и принялся. Крев затаил дыхание. Только бы тварь полезла к его голове. Тогда он хоть что-то сможет сделать. Но если падальщики начнут обед с его лап или живота – они просто сожрут его заживо, и все, что ему останется, это выть от дикой боли.

Падальщик опустил мордочку и засеменил к голове Крева. И тут Крев резко дернул головой, схватил крысенышка зубами и принялся с хрустом перемалывать ему кости.

Он был уверен, что сумеет этим отпугнуть остальных зверьков, но маленькие твари остались на местах. Они с любопытством наблюдали, как Крев пожирает их собрата.

И тут что-то произошло. По телу Крева пробежала теплая волна, и он вдруг ощутил прилив странных сил. Даже боль стала не такой изматывающей. Повинуясь необъяснимому импульсу, Крев напрягся – и вдруг из его сплюснвшейся под тяжестью решетки груди вырвался наружу крохотный черный отросток, похожий на лапку. Лапка сжала пальцы-коготки в кулак и снова их разжала.

Крев попытался сообразить, что же все это означает? Он сожрал падальщика, и тело его, быстро переварив пищу, заставило белки жертвы служить себе? Молниеносный метаболизм. Лапка пока мала, но если он сожрет еще пару этих тварей...

Крев облизнул тонкие губы черным языком и осторожно взглянул на падальщиков. Теперь он боялся, что они разбегутся, лишив его единственной возможности на спасение. Но

зверьки, похоже, не думали убегать.

Крев напрягся, мысленно досчитал до трех и сделал выпад. Его лапка метнулась к беспечным падальщикам, схватила пару зверьков и быстро швырнула их в рот.

Крев разжевал тонкие кости падальщиков и хотел схватить еще одного зверька, но мерзкие твари с отвратительным писком разбежались.

Что ж, придется работать с тем, что есть. Крев сосредоточился и послал своему телу мысленный приказ. И тотчас лапка его стала расти. Не прошло и десяти секунд, как тонкий стебелек, выросший у Крева из груди, превратился в черную человеческую руку. Пальцы новоиспеченной руки судорожно сжались, затем разжались снова. Она была готова к действию.

Так. Крев слегка расслабился и перевел дух. Легкое онемение прошло, и теперь он ощущал свою руку так, будто она была у него всегда. Но это только начало работы. Основная ее часть впереди.

Отдохнув и собравшись с силами, Крев протянул руку к ближайшему штырю, крепко обхватил его и потянул вверх. Адская боль пронзила все тело, но Крев не сдался и не ослабил хватку.

Медленно, но верно страшный штырь выходил из тела. Секунда... Еще одна... И вот наконец из белого железа с чавканьем вышел из черной плоти.

Крев полежал неподвижно, ожидая, пока острый приступ боли утихнет... Так. Теперь можно продолжать.

Осторожно, словно боясь спугнуть удачу, протянул он руку ко второму штырю... Усилие... Еще одно... И второй штырь вынырнул из окровавленной плоти.

Так – медленно, неторопливо и осторожно – вынимал Крев из своего тела ядовитые жала. Наконец последний штырь покинул бедро Крева. Хрипло вздохнув, Крев вытянул измученное тело и замер, ожидая, пока боль из острой и обжигающей превратится в тупую и тянущую.

Через пару минут он почувствовал облегчение. Тело его было изранено, но свободно. Однако он потерял много крови, и теперь телу нужно восстановиться. Но как?..

Сильнейший спазм скрутил его желудок, и Крев пережил приступ невероятного голода.

Голод! Как только Крев вспомнил о нем, все человеческое стало уходить из него. Не прошло и минуты, как голод, заслонив собою остальные чувства, снова превратил его в огромного, свирепого, безжалостного зверя.

Крев поднял морду к небу и, сотрясаясь от голодных спазмов, хрипло провыл, цепляясь за остатки человеческого разума:

– Господи, помоги мне!

И почти сразу же услышал странное похрюкивание. Опустив голову, он втянул трепещущими ноздрями воздух и оскалил пасть. К нему приближались темные твари. Отвратительные, пропахшие гнилью и разложением, полные злобы, ярости и такого же нечеловеческого голода, как и он.

Крев поднялся на ноги, с трудом удерживая равновесие, и, слегка пошатываясь, направился навстречу тварям. Он уже знал, что их четверо и что все они похожи на людей.

Силы стремительно покидали Крева, и он понимал, что если не примет битву и не победит тварей, то умрет. А потому готов был биться насмерть.

Не успели его ослабевшие ноги прошагать и двух саженей, как из леса вышли четыре упыря. Увидев Крева, они на мгновение остановились, затем оскалили безобразные рты и торопливо двинулись к нему. Запах крови, все еще сочащейся из ран Крева, привлек и раззадорил упырей. В нем они увидели не опасного зверя, а истекающую кровью жертву.

Крев усмехнулся: что ж, ребята, подходите.

Новый голодный спазм заставил его ускорить шаг. Через несколько секунд Крев с ревом бросился вперед и сошелся с четырьмя голодными, злыми упырями в смертельной схватке.

Лес вокруг становился все мрачнее и непригляднее. Под ногами чавкала мокрая земля и трещали влажные ветки. Глеб шагал чуть впереди, оглядывая лес и изучая траву под ногами, что не мешало ему яростно спорить с матушкой Евдокией.

– Твой бог умер, – заявил он угрюмо. – Умер, понимаешь?

– Бог не умер, – возразила Евдокия. – Его убили.

– Не все ли равно?

– Нет, это не все равно. Но не об этом я постоянно думаю, а о том, что он воскрес. И эта мысль помогает мне жить, когда я вижу, как люди убивают людей и втаптывают друг друга в грязь. Воскрешение доступно всем. Даже самым заклятым злодеям. Нужно только не вертеть головой по сторонам, а взглянуть вперед – дорога видна и открыта.

Глеб поморщился.

– Опять эти банальности. Нет никакой дороги, матушка. А если и есть, то приводит она не в рай и не в царство божие, а в очередное Гиблое место.

– По-твоему, любая дорога ведет в Гиблое место?

– Человека – да.

– А кого нет?

Глеб дернул плечом:

– Ну, не знаю. Зверя... Ангела... Но для человека никакого другого места, кроме гиблого, нет.

Евдокия посмотрела на Глеба с недоверием и тревогой.

– Как же ты можешь жить с такими мыслями? – спросила она.

– Да вот – живу, – усмехнулся Глеб. – А когда у меня в кармане есть деньги, то совсем неплохо живу. В сущности, мне много не надо.

– А я думала, таким, как ты, нужен целый мир.

– Может быть. Но ваш мир – это не мир. Это призрак. Морок.

– Как это? – не поняла Евдокия.

– Просто. – Глеб остановился и задрал рукав. – Видишь эти шрамы?

– Да.

– Сейчас их семь. Почти шесть. А когда не останется ни одного, я проснусь у себя в постели и пойму, что все это... и ты, и Ставр, и этот мальчишка, и вот это Гиблое место... что все это – всего лишь мой сон. Долгий кошмарный сон, которому пришел конец.

– И что будет потом? – сухо спросила Евдокия. – Что будет, когда ты «проснешься»?

– Я буду жить той жизнью, которой жил раньше.

– И чем же она так хороша?

– Тем, что она моя! – раздраженно ответил Глеб. – И хватит! Я больше не хочу это обсуждать. Ты вознамерилась спасти чью-то душу – займись своей. Того, что ты натворила, хватит на десяток грешников.

Евдокия глубоко задумалась.

– Ты прав, – сказала она после паузы. – Но разве можно спасти свою душу, не заботясь о душах своих ближних?

Глеб скривился.

– Типично русский подход. Тыкать пальцем в соринки, застрявшие в чужих глазах, и не замечать бревна, торчащего из твоего собственного глаза!

Ставр слушал их перепалку с хмурым и удивленным видом. Когда оба наконец замолчали, подыскивая новые доводы, он раскрыл рот и объявил:

– А я бы сейчас рыбы поел. Жареной. Моя тетка так вкусно жарила головней да жерехов, что пальчики оближешь. А что она делает со щукой! Готов биться об заклад, лучших запеченных щук вы во всем княжестве не сыщете!

– Была бы нужда искать, – небрежно обронил Глеб.

Покосившись на него, Евдокия горестно заметила:

– Ты слишком упрям, чтобы признать свою неправоту, Первоход. Вот почему большинству людей недоступно обновление и воскрешение. Виною всему не алчность и не злоба даже, а чистое упрямство.

– Если говорить об упрямстве, матушка, то ты дашь мне сто очков вперед, – неприязненно произнес Глеб.

– А куропатки! – продолжил мечтать Ставр, блаженно прикрыв глаза. – Моя тетка перед тем, как сунуть куропаток в печь, обмазывает их сметаной и перебродившим ягодным соком и выдерживает так с полдня. И только потом, когда куропатки пропитаются соком, она их...

– Впереди кишеньский жальник, – перебил его разглагольствования Глеб и мрачно покосился на матушку Евдокию. – Ты хотела увидеть, как воскресают люди, черноризница? Обещаю тебе, что ты это увидишь.

4

Рах нажал на спусковую панель. Полыхнула молния, и голова огромного упыря, зависшего над Видбором, разлетелась на куски. Видбор вздрогнул и обернулся.

– Эвона как, – крикнул он, уставившись на рухнувшего наземь упыря. Затем повернулся к Раху и напряженно проговорил: – А я уж подумал, что ты собрался меня прикончить.

Рах вложил выжигатель в чехол и хмуро ответил:

– Что ты, воевода. Мы ведь с тобой друзья. А друзья не убивают друг друга, верно?

– Всякое бывает, – сказал Видбор, со странным любопытством глядя на Раха и оглаживая ладонью широкую бороду. – Иной друг страшнее десяти врагов.

Рах подошел к ближайшему упырю, посмотрел на него и осторожно пнул его ногой.

– Удивительно, – проронил он.

– Что удивительно? – не понял Видбор.

– Все.

– Все?

– Все, что я вижу. – Рах дернул уголком губ и задумчиво произнес: – Я будто бы попал в страшную сказку. Но знаешь... мне это нравится. Никогда не думал, что буду чувствовать себя в Средневековье, как рыба в воде. Видимо, я слишком поздно родился.

Он оторвал взгляд от тела упыря и весело посмотрел на воеводу.

– Слушай, что-то я проголодался. Кажется, у нас еще оставалось вяленое мясо?

– Немного есть. Посмотри в сумке.

Рах отошел от упыря подальше, порывшись в сумке, достал кусок вяленого мяса, сел с мясом в руке на пенек и стал трапезничать. И вдруг по лесу прокатился страшный рев. Рах замер с раскрытым ртом и с куском вяленого мяса в руке.

– Что это было? – спросил он.

– Не знаю, – мрачно ответил Видбор, вслушиваясь в звуки леса. – Я такого рева еще не слышал.

– Может, это оборотень?

Воевода качнул массивной головой.

– Нет. Оборотни воют, но не режут. Этот рев больше походит на человеческий.

И снова чудовищный рев прокатился по лесу, заставив листья на деревьях дрогнуть. Видбор сглотнул слюну и пробормотал:

– Но это не человек.

– Определенно, нет, – подтвердил Рах.

Есть рыжему охоронцу расхотелось. Он сунул недоеденный кусок мяса в сумку и мрачно изрек:

– Не знаю, как ты, воевода, а я не хотел бы встретиться с тварью, которая издает такие звуки. Пора нам отсюда убираться. И чем скорее, тем лучше.

Видбор посмотрел на него насмешливым взглядом.

– Ты боишься, охоронец? А как же твой волшебный посох?

– Я верю в оружие, – хмуро ответил Рах. – Но в злобу, которая сильнее и выше любого оружия, я верю еще больше. Однажды я видел, как один парень, чью сестру изнасиловали, бежал к ее обидчику, чтобы задушить его. Обидчик выстрелил в парня из выжигателя и начисто снес тому обе ноги. Но парень не остановился. Он добежал до обидчика своей сестры на обрубках и вцепился ему в горло. Злоба придала ему сил и сделала его непобедимым.

Видбор внимательно вгляделся в конопатое лицо охоронца и спросил:

– И как?

– Что, как? – не понял тот.

– Задушил парень обидчика своей сестры?

Рах усмехнулся и качнул головой:

– Нет. Не смог.

Видбор нахмурился и глухо уточнил:

– Уж не ты ли был тем обидчиком?

Рах улыбнулся:

– Что ты! Я, конечно, мерзавец, но не настолько. И я не насиловал девушек на глазах у их братьев. Будь я насильником, я бы сперва прикончил парня, а уж потом бы взялся за деву. Чего ты на меня так уставился? Я ведь шучу.

Видбор вздохнул.

– Сложный ты человек, Рах. Непривычный. Я ведь человек военный. А на поле брани все просто: тот, кто рядом с тобой, твой друг. Тот, кто бежит на тебя с мечом, твой враг. Поддерживай друга и рази врага – вот и весь сказ. А как из дружины ушел, так совсем измучился. Оказывается, все, что я знал о людях, неверно. И все, что казалось таким простым, стало вдруг сложным.

Рах оглядел лес и небрежно обронил:

– А ты, оказывается, философ, воевода. Мой тебе совет: смотри на вещи проще. Иначе совсем с ума сойдешь.

– Да, ты прав, – угрюмо согласился Видбор. – Буду смотреть проще.

Воевода тщательно оглядел траву и ветки кустарника.

– Ну, как? – спросил его Рах. – Мы не сбились со следа?

– Нет, – ответил Видбор.

– Куда они идут?

– К мертвому городу.

– Ты там был?

Видбор покачал бородатой головой:

– Нет.

– Но ты знаешь, что там?

– Раньше были нелюди.

– А теперь?

– Года полтора тому назад Глеб Первоход почти всех истребил. Если и остались, то совсем немного. Но те, что остались, должны быть очень обозлены.

– И что они могут нам сделать?

Видбор вздохнул.

– Ходоки считают, что в Гиблом месте нет ничего страшнее мертвого города. Близ Моревских рудников следует опасаться волколаков. На кишеньском жальнике – упырей. Но что тебя ждет в Кишень-граде – никогда не предугадаешь.

– Значит, нужно нагнать мальчишку и его спутников до того, как войдут они в Кишень, – сказал Рах. – Сможем мы это сделать?

Видбор сдвинул косматые брови.

– Сложно сказать. С Евдокией ходоки. А по Гиблому месту они идут куда быстрее

обычных людей.

– И все же у нас есть одно преимущество, – возразил Рах. – Мы идем за ними по пятам, а не продвигаемся на ощупь. Значит, можем идти быстрее, чем они.

Видбор хмуро вздохнул:

– На словах звучит верно, но на деле... Ладно. Постараемся идти быстрее. А там пусть будет, как будет.

И вновь отдаленный дикий рев прокатился по листве. Видбор вытянул шею и напрягся.

– Рев стал чуть ближе и сместился влево, – определил он.

– И что с того?

– Эта тварь идет по нашему следу.

– Правда? – Рах прислушался. – С чего ты решил?

– Поверь старому вояке, – пробасил Видбор.

– погоди. Ты хочешь сказать, что эта тварь нас нагоняет?

Видбор покачал головой:

– Не думаю.

Рах улыбнулся.

– Ну, тогда нам нечего опасаться.

– Пока – да. Но если она нас нагонит... – Воевода оставил фразу незаконченной, но это не смутило Раха.

– Если эта тварь нас нагонит, я влеплю ей в башку такой заряд, что она просто испарится! – сказал он.

Видбор усмехнулся и насмешливо предположил:

– Надеюсь, твои боги помогут тебе, чужеземец.

5

Обглодав трупы упырей, Крев почувствовал себя сильнее и бодрее. Правда, лапы еще чуть ныли в тех местах, где были пронзены белым железом, и при беге Крев еще прихрамывал, но он надеялся, что со временем пройдет и это.

Тело Крева быстро восстанавливалось. И чем прочнее делалось тело, тем слабее становился разум. На смену человеческим мыслям и чувствам пришла всепоглощающая звериная злость.

Масла в огонь подливало то, что теперь Крев отчетливо чувствовал запах тех, кого он преследовал. Первый – запах мальчишки и двух ходоков, которые заманили его в ловушку, – был слаб. Они прошли здесь часа два или три назад. А вот запах Раха и его спутника – могучего, широкоплечего ратника, был совсем свеж. Не прошло и часа с тех пор, как прошли они по этой траве, а их плечи коснулись этих ветвей.

Крев чувствовал возбуждение. Это было возбуждение хищника, почуявшего близкую добычу. Через полчаса он нагонит Раха и отгрызет ему голову, а затем пустится вслед за мальчишкой и своими мучителями. Ходоков он разорвет на части. А вот мальчишку оставит на десерт. Его Крев будет убивать медленно и мучительно.

Крев не помнил, за что он так сильно ненавидит мальчишку. Что же касается Раха, то ненависть к нему была давней и прочной. Смутные образы, мелькавшие в звериной голове Крева, заставляли его рычать от ярости. Вот он бежит за Рахом, нагоняет его и валит на землю. А Рах, резко обернувшись, вонзает ему в грудь нож-шокер. Крев теряет сознание, а в себя приходит уже в стенах спецгоспиталя.

Вот он врывается в дом, где Рах со своими поделниками готовил новое дерзкое злодеяние, но бандитов уже след простыл, а в одной из комнат Крев находит изнасилованную и убитую женщину.

А вот проклятый Рах держит под прицелом выжигателя мальчишку, которого он взял в заложники. В памяти Крева всплывает ухмыляющаяся конопатая физиономия негодяя, и ярость, переполнившая Крева от вида этой физиономии, уже не умещается в его зверином

теле и выходит наружу свирепым рыком, от которого у любого из людей перехватило бы дыхание.

Да, Крев был ловчим. Он и теперь ловчий. И от злодея, которого он преследует уже два года, его отделяет всего несколько верст. Несколько жалких верст, которые он преодолеет за полчаса!

Злоба и близость цели придали Креву сил. Он бежал через чащобу, продираясь сквозь хлеставшие по лицу ветки. Валежник хрустел у него под лапами, ранил их, но Крев не обращал внимания ни на боль, ни на черную цепочку крови, стелющуюся за ним по пятам.

Пробежав несколько верст, Крев чуть замедлил ход, чтобы взглянуть на разбросанные на поляне тела упырей. Бородатый ратник отлично владеет мечом!

Крев на ходу вырвал из одного кусок гнилого мяса, чтобы восстановить потраченные на погоню силы.

Впереди он почуял запах мертвых волколаков. Их убили те два ходока, которые сопровождали мальчишку. Крев чуть повел головой. А вот еще один запах – отвратительный, скользкий. Это запах двух призрачных тварей. Одна из них приняла облик собаки. Вторая тварь переняла человеческий облик, но и это не спасло ее от расправы. Ходоки убили их.

Охваченный еще большей злобой, Крев снова побежал по следу. Он чувствовал нарастающую усталость. Организм слишком интенсивно расходовал энергию – это была плата за повышенный метаболизм. Однако Крев не думал останавливаться. Главное – настичь Раха и убить его, а потом можно будет и подкрепиться.

Мысли о рыжем Рахе вновь наполнили Крева гневом; не в силах сдержаться, он поднял морду к небу и яростно заревел.

6

На этот раз чудовищный рев прозвучал совсем близко. Глеб и Ставр напрягли слух, матушка Евдокия побледнела и схватилась за грудь, и даже мальчик открыл глаза и вслушался в затухающее эхо.

– Вы слышали? – тревожно спросила Евдокия, оглядывая черный, неприглядный лес. – Что это было?

– Похоже на медведя, – ответил Ставр.

Глеб нахмурился и отрицательно качнул головой.

– Нет, это не медведь.

– Тогда кто?

– Тварь. То жуткое чудовище, которое мы продали Крысуну Скоробогату.

– Но та тварь мертва! – горячо возразил Ставр. – Я сам видел, как колья, обитые белым железом, проткнули ее тело! Ни одна темная тварь не может выжить после такого!

– Эта смогла, – коротко возразил Глеб. – Идемте. Чем дольше мы стоим, тем ближе подбирается к нам тварь.

– Ты думаешь, она идет по нашим следам? – насторожилась проповедница.

– Для меня это очевидно, – ответил Глеб.

– Мы дважды одолевали ее, одолеем и в третий раз, – гордо и яростно заявил Ставр.

Глеб внимательно взглянул на него, но возражать не стал.

– Моя очередь нести мальчишку, – сказал Ставр.

Не возражал Глеб и против этого. Вдвоем они аккуратно сняли мальчика с натруженной спины Первохода и прикрепили его ремнями к спине молодого ходока. Мальчик уже не спал; по крайней мере, глаза его были открыты, однако он все еще пребывал в какой-то странной дреме.

Путники двинулись дальше.

Почти полчаса они шли по дебрям молча. Затем Глеб, шагавший чуть впереди, поднял руку, давая своим спутникам сигнал остановиться. Он осторожно прошел к густым кустам бузины и раздвинул усыпанные черными ягодами ветви.

– Чашоба закончилась, – негромко сказал он.
– И что дальше? – взволнованно спросила Евдокия.
– Жальник, – ответил Глеб. – Старое кишеньское кладбище.
– А никак нельзя его обойти? – спросила проповедница.
Первоход покачал головой.
– Нет. Здесь вокруг много голодных прогалин. Некоторые из них совсем незаметны.
– Но раньше ходоки обходили погост, – возразил Ставр.
– После ядовитого тумана голодных прогалин стало в десятки раз больше, – объяснил Глеб. – И появились они в самых неожиданных местах. Мы пойдем через кладбище. По крайней мере, там мы знаем, чего ожидать.
Глеб опустил ветки, повернулся и обратился к своим спутникам.
– Не расслабляйтесь и будьте внимательны. Если заметите что-то странное, сразу говорите мне. – Он взглянул на Евдокию в глаза. – Матушка, если увидишь живого мертвеца, не пугайся и не убегай. Просто укажи на него пальцем и стой на месте.
– Ты расправишься с ним?
– Да, я расправлюсь с ним. А если не я, так Ставр. В любом случае, пугаться тебе не стоит.
– А опасаться стоит, – сказал Ставр, и от его голоса повеяло таким холодом, что Евдокии на какое-то мгновение стало не по себе. Она поняла, что молодой ходок настраивает себя на битву и что во время схватки с упырями в нем будет так же мало человеческого, как и в его восставших из земли противниках.
– Ну, с богом! – проговорил Глеб и хотел перекреститься, но взглянул на Евдокию и передумал.
– Да помогут нам Хорс и Семаргл! – торжественно воскликнул Ставр.
Он вынул из ножен меч и крепко сжал его в руке.
– Помилуй нас, Боже, по велицей милости Твоей! – помолилась Евдокия.
– Тронулись! – скомандовал Глеб и первым двинулся вперед.

По кладбищу они шли медленно и осторожно. Глеб – чуть впереди, с мальчиком на спине. За ним – Евдокия и Ставр. Большое это было кладбище и разноликое. Над иными могилами были водружены домовища, над другими – каменные идолы со страшными рожами, были и такие могилы, над которыми возвышались каменные христианские кресты.

Глядя на все это разнообразие, Глеб невольно задумался о том, какой же странный народ жил несколько веков назад в Кишень-граде. Это был не просто город, а настоящее «большое яблоко», плавильный котел племен и народов. Легенды гласили, что несколько столетий назад через Кишень проходило множество торговых путей, но теперь все они поросли лесами и запрудились озерами.

– Первоход, слева! – крикнул вдруг Ставр.

Глеб резко повернулся влево и увидел, как огромный упырь восстал из земли и, стряхнув с себя прах, с бесстрастным, изъеденным червями лицом двинулся к ним.

Глеб вскинул ольстру и нажал на спуск. Голова упыря разлетелась в пыль, а сам он снова рухнул в могилу.

– Глеб, впереди!

Еще один упырь вышел из-за домовища и, вытянув руки, быстро пошел на проповедницу. Вскрикнув, она попятилась и угодила в лапы третьему упырю, со скоростью землеройки выкопавшемуся из земли и ринувшемуся на Евдокию сзади.

Глеб выстрелил в того, что был впереди. Упырь остановился и изумленно уставился на свою развороченную выстрелом грудь. Ставр рубанул мечом третьего и отсек ему голову. Евдокия с криком вырвалась из гнилых лап упыря, споткнулась, но удержала бы равновесие, но тут почва ушла у нее из-под ног, и она, подняв облако пыли, вместе с осыпающейся землей рухнула в черный зев могилы.

Ставр, прыгнув вперед, успел схватить ее за руку. Глеб, движения которого были

стеснены из-за привязанного к спине мальчика, расправился еще с одним упырем – древним, как сам Кишень-град, давно превратившимся в груды окаменелых костей. Ударом приклада Глеб снес упырю нижнюю челюсть, а вторым ударом разможил ему грудную клетку.

Услышав отчаянный визг Евдокии, он обернулся и увидел лежащего на земле Ставра, который изо всех сил старался вытянуть проповедницу из могилы. Упирь висел у нее на ногах и, цепляясь костлявыми пальцами, пытался добраться до ее шеи.

Глеб шагнул к могиле, вскинул ольстру и выстрелил твари в изъеденное червями лицо.

Вместе со Ставром они легко вытянули Евдокию из могилы и огляделись. В трех саженях от них еще один упирь выбирался из земли.

– Никак не угомонитесь, твари? – яростно крикнул Глеб и сшиб ближнего упыря выстрелом из ольстры.

Еще несколько упырей закопошились среди домовин, крестов и древних надгробий.

– Бежим! – крикнул Глеб и, схватив белую от страха Евдокию за руку, подтолкнул ее на заросшую травой тропку.

7

Все страшнее и темнее становился лес по мере приближения к мертвому городу. Шагая по гнилому валежнику, Рах с неприязнью и опаской поглядывал на деревья и был готов в любую секунду выхватить из чехла выжигатель.

Воевода Видбор шел вперед, не глядя по сторонам. Его широкая спина, облаченная в рубаху и блестящую, как чешуя, кольчугу, маячила перед Рахом, подобно мерцающему столпу, который вел евреев по пустыне.

Видимо, где-то неподалеку были болота, потому что по земле стлался белесоватый туман. Местами он так густо покрывал землю, что Рах не видел не только своих сапог, но даже собственных коленей.

Они долго шли молча, потом воевода остановился и указал Раху на темные груды, лежащие на поляне тут и там.

– Что это? – удивленно спросил Рах.

– Мертвые волколаки, – ответил воевода. – Здесь недалеко Моревские рудники. Там их логово.

Рах положил руку на чехол с выжигателем.

– Ты уверен, что они мертвы? – спросил он, нахмутив лоб.

– Давай подойдем, и ты сам удовлетворишься.

– Я бы не...

Но Видбор уже сошел с тропки и зашагал к волколачьим трупам. Рах вздохнул и нехотя поплелся за воеводой.

– Хорошая работа, – похвалил Видбор, осмотрев труп самого большого волколака. – Одно могу сказать точно: Евдокию и мальчика ведут отличные ходоки.

– Да, похоже на то, – согласился Рах.

Он взглянул на одного из волколаков и вдруг нахмурился.

– Странно... Видбор, посмотри. Кажется, этого волколака убили не мечом... Дьявол! Да ведь у него огнестрельная рана!

Видбор подошел к волколаку, присел на корточки и оглядел его рану.

– Ты прав, – сказал он. Внезапно щеки Видбора порозовели. – Я знаю только одного человека, который мог это сделать! – взволнованно произнес он и быстро огляделся, словно человек, о котором он говорил, мог все еще находиться здесь.

Рах прищурил холодные зеленые глаза.

– Ты говоришь о Глебе Первоходе?

– Да! – выдохнул Видбор.

– Но ведь ты утверждал, что он погиб.

– Как видно, я ошибся. И, леший меня задери, я рад этому! – Воевода пришел в

необычайное волнение. Поднявшись на ноги, он возбужденно заявил: – Похоже, мой друг жив! И теперь я пойду в два раза быстрее, чтобы поскорее его нагнать!

– Постой, – остановил его рыжий охоронец. – Подожди.

– Что еще? – недовольно спросил воевода.

– А если Первоход изменился? Если он не тот, что прежде?

На хмуром лице Видбора появилась рассеянность.

– Как это?

– Ты сам говорил, что Гиблое место меняет людей. Что, если он стал темной тварью?

Видбор сдвинул густые брови и презрительно проговорил:

– Ты глуп, охоронец. Олстра Первохода стреляет белым железом. И меч, которым он разил тварей, тоже выкован из белого железа. Будь он тварью, он бы не смог держать его в руках.

– Но ты сам говорил, что он умен, – не сдавался Рах. – Первоход мог что-нибудь придумать. Он мог, например, охмурить Евдокию.

– Как это? – вновь не понял простодушный воевода.

Рах усмехнулся:

– Я слышал, что Глеб Первоход молод, красив и силен. И что по нему сходили с ума все хлыньские бабы – и молодые, и старые.

Видбор положил могучую руку на рукоять меча и, грозно сверкнув глазами, пробасил:

– Думай, что говоришь, охоронец!

– Ты не горячись, воевода. Рассуди сам. Они в пути уже несколько дней. Вместе едят, вместе спят. Первоход для Евдокии – светлый лучик в этом темном царстве. Ее надежда и опора. У нее на глазах он расправился с волколаками и оборотнями. Как, скажи на милость, в такого не влюбиться?

Видбор набычил голову и прорычал:

– Все равно не понимаю, к чему ты клонишь?

– Да что же тут непонятного! Я думаю, что с Первоходом что-то произошло. Недаром он не показывался в Хлынь-граде несколько месяцев. Сердцем чую, что нечисто тут дело.

– И опять я тебя не понимаю. О каком нечистом деле ты говоришь?

Рах облизнул губы и негромко сказал:

– Думаю, Первоход пошел с Евдокией и мальчишкой в Гиблое место, чтобы прибрать к рукам мое золото.

Несколько секунд Видбор молчал, обдумывая слова рыжего охоронца, затем недовольно пробасил:

– И какого лешего ты мне все это рассказываешь?

– Чтобы ты был настороже и не кидался Первоходу на шею, когда увидишь его. Ведь случись с тобой что, Евдокию совершенно некому будет защитить. Понимаешь, о чем я?

Видбор вздохнул.

– Ты прав. Ей не на кого положиться, кроме меня. Но знаешь что... – Глаза ратника блеснули холодным огнем: – Если Первоход задумал что-то нехорошее, я своими руками сверну ему шею!

– Вот это уже другой разговор! – удовлетворенно кивнул Рах. – Это слова умного человека, а не простака, которого любой мерзавец может обвести вокруг пальца. Я горжусь тобой, воевода. А теперь идем! Нас ждут великие дела!

Рах поправил на плече сумку и бодро зашагал к тропе.

Глава девятая

1

Ратник Видбор был не единственным в гиблой чащобе, кто испытывал радостное

волнение и нетерпение, предвкушая встречу со старым знакомцем. В нескольких верстах позади воеводы и рыжего Раха бежала по тропке, втягивая трепещущими ноздрями воздух, огромная черная тварь.

Почувяв ее приближение, прочие обитатели Гиблого места – мелкие падальщики, зловонные, бесформенные зверьки, походившие на зайцев, бескрылые уродливые птицы – прятались в траву или поспешно уносили ноги.

Рослый оборотень вышел на тропу, понюхал воздух, рыкнул и, повернувшись, быстро скрылся в чащобе, не желая связываться с огромной незнакомой тварью.

Казалось, сама трава, темная, дрожащая, будто бы живая, расступалась перед чудовищем, и даже деревья, нависшие над тропкой, испуганно отдергивали свои корявые ветви, уступая чудовищу дорогу.

Крев бежал бодро и быстро, не замечая или не желая замечать того, что дыхание его стало хриплым и неровным, а ноги все больше сковывала усталость. Метаболизм ускорялся, и теперь Крев постоянно испытывал голод. Однако даже болезненные спазмы в желудке не могли остудить его пыл и возбуждение при мысли о скорой встрече с давним врагом.

Пробегая мимо мертвых волколаков, Крев замедлил шаг, раздумывая – не подкрепиться ли? Однако через секунду он снова продолжил бег, слабея с каждым шагом, но не желая этого признавать. Крев запретил себе думать о еде до тех пор, пока не схватит Раха и не разделается с ним.

В голове его теснились образы прошлого. Постепенно из чехарды лиц и событий сложилось одно лицо и одно событие – то самое, которое привело его сюда, в этот странный, отсталый и примитивный мир.

В тот день он настиг Раха после двух недель поисков. Эти две недели прошли, как в бреду. Крев чувствовал, что идет за врагом по пятам, но никак не мог опередить Раха хотя бы на шаг. И вдруг все получилось! Помог случай. Хотя... нет. Случай здесь ни при чем. Все дело в выдержке и опыте. Только выдержка и опыт помогли Креву настигнуть Раха и прижать его к стене.

Стоял тогда Рах твердо, широко расставив ноги и направив дуло выжигателя на вжавшегося в угол мальчишку.

– Брось оружие и подними руки, Рах! – властно приказал Крев.

На конопатом лице негодяя появилась презрительная усмешка.

– Кто со мной говорит? – осведомился он сквозь губу.

– С тобой говорит Крев Вессан, ловчий первой категории! Подними руки, падаль, пока я не выжиг в тебе дыру размером с твою тупую голову!

Рах ухмыльнулся.

– Ты не выстрелишь, Крев. Здесь ребенок. А за его спиной – ускоритель. Если заряд попадет в ускоритель, мы все взлетим на воздух!

Крев перевел дух, еще крепче стиснул выжигатель в побелевших пальцах и жестко проговорил:

– Я гоняюсь за тобой больше десяти месяцев, тварь. И, если понадобится, я убью тебя, даже если при этом погибнут все дети земли.

Несколько секунд Рах раздумывал, а затем ощерил желтоватые зубы, крепче прижал к себе мальчишку и сказал:

– Давай – стреляй! Убей нас обоих! Но чем ты тогда отличаешься от меня?

– Я не получаю удовольствия, убивая людей, мразь! – отчеканил Крев.

– Да ну? – Ухмылка Раха стала еще шире. – И поэтому ты так жаждешь моей смерти?

Крев, продолжая держать рыжего маньяка на прицеле, стал просчитывать возможные варианты. Рах заметил сомнение, мелькнувшее в его глазах.

– Ты блефуешь, Крев, – издевательским тоном заявил он. – И ты жалок. Опусть ствол и убирайся отсюда к черту.

Рука Крева начала подрагивать от ярости.

– Не вынуждай меня, Рах, – процедил он сквозь стиснутые зубы. – Если бы ты знал, как

мне хочется нажать на спусковую панель и очистить от тебя мир!

Усмешка сползла с губ Раха, а голос его стал холодно-презрительным.

– Ты слишком много о себе возомнил, ловчий, – отчеканил он. – Позови ко мне своего начальника. Я не разговариваю с холоуями. А что касается тебя, то...

Договорить Рах не успел. Легкое нажатие на спусковую панель, и реальность, окружающая Крева, превратилась в пылающий ад.

Это все, что помнил Крев. А теперь... Кусты и деревья, проносящиеся мимо, влажное похрустывание валежника под лапами, спазмы в желудке и невыносимая жажда крови – вот она, его новая реальность.

Тоска сжала сердце ловчего железным обручем, он поднял кверху морду и, не прекращая бег, издал долгий, пронзительный, тоскливый вой.

2

Жуткое кишеньское кладбище осталось позади, и теперь путники шагали по влажному лесу. Лес здесь был малорослый. Там и сям на фоне редких, скрюченных пихт и елей белели тощие березки. После встречи с упырями Евдокия и Ставр не скрывали облегчения.

Что же касается Глеба Первохода, то он выглядел в точности так же, как всегда, – спокойным и сосредоточенным. Он продолжал нести на спине мальчика, и походка его не была усталой. Ставр и Евдокия едва поспевали за ним.

– Слышь-ка, Первоход, – окликнул его Ставр, улыбаясь во весь рот и доставая из сумки-ташки флягу с водой. – А я уж думал, нам конец. Эти проклятые упыри лезли отовсюду. Клянусь Велесом, я никогда такого не видел!

– Ты много чего не видел, – отозвался Глеб, не оборачиваясь.

– Да, – согласился молодой ходок. Он отхлебнул из фляги, поморщился и вытер рот рукавом. – Но такие битвы дорогого стоят. Мы ведь первыми прошли через этот жальник, верно, Первоход?

– Верно.

– Прошли и остались живы. А мне Жерец с Ясенем рассказывали, что любой, кто сунется на кишеньское кладбище, превратится в уродливого нелюдя.

– Они не ввали, – сказал Глеб.

– Чего? – не расслышал Ставр.

– Они не ввали, – повторил Глеб.

Ставр захлопал глазами:

– Как это?

– Да так. Разве ты не заметил рогов, которые выросли у тебя на голове?

Лицо Ставра вытянулось от изумления. Он вскинул руку к голове и торопливо ощупал ее.

– Все шутишь... – Ставр усмехнулся и снова отпил из фляги. – Ладно, шути. Я не в обиде. Ты ведь тоже испугался, только не подаешь вида.

Глеб на это ничего не ответил. Он шагал вперед спокойно и уверенно, бросая по сторонам быстрые взгляды. Ставр тоже шел молча, но затем не выдержал тишины и заговорил снова:

– А видели, как я прикончил того бородатого упыря? – блеснув глазами, спросил он. – Р-раз – и готово! А того тощего! Срубил ему башку с плеч – он даже охнуть не успел!

– Не шибко-то резвись, – посоветовал парню Глеб. – Путь еще не закончен. – Он оглянулся, искоса посмотрел на Евдокию, несущую в руке костяной компас, и спросил: – Верно ли идем?

– Верно, – ответила проповедница.

– «Верно», – передразнил Ставр. – Только и слышишь от тебя, что «верно» да «верно». А конца и краю нашему походу не видно.

Парень снова отпил из фляги и передернул плечами. Глеб замедлил шаг и

подозрительно покосился на флягу.

– Что это у тебя там? – спросил он.

– Это? – Глаза Ставра забегали. – Так, ничего. Водичка.

– Говоришь, водичка? А не водка?

Ставр хотел нахмуриться, но вместо этого расплылся в улыбке и погрозил Глебу пальцем.

– А ты и вправду видишь людей насквозь, Первоход. Расскажи, как ты это делаешь?

Евдокия возмущенно взглянула на парня.

– Ты притащил в Гиблое место водку? – не поверила она своим ушам.

– Ну да, – кивнул Ставр. – А что тут такого? Старые ходки всегда так делают. Разве нет?

– Я не беру водку в Гиблое место, – жестко возразил Глеб. – По крайней мере, сейчас у меня ее с собой нет. А ну, дай сюда!

Глеб вырвал флягу из пальцев парня и с размаху зашвырнул ее в кусты.

– Ну зачем ты! – возмущенно воскликнул Ставр. – Знаешь, сколько она стоит!

– У нас впереди мертвый город, – сухо отчеканил Глеб. – А ты уже пьян.

Ставр качнул головой.

– Я не пьян. Я просто... немного навеселе.

Глеб сплюнул под ноги, повернулся и зашагал дальше. Молодой ходок пару секунд стоял, хмуро глядя на удаляющегося Глеба и нагоняющую его Евдокию, вздохнул и пошел за ними.

– Плюнул, да? – пробормотал он. – Ну и плюй! Я не обижусь. Я вообще человек не обидчивый.

Глеб глянул на него, усмехнулся и сказал:

– Я это заметил.

– Нешто не так? Дерусь я редко, а коли дерусь, так только с сильными. И то сказать, в поединке на мечях мне нет равных во всем княжьем граде!

Глеб хмыкнул.

– Не веришь? – возмутился Ставр. – Меня дядька Видбор сызмальства учил. А он – первый ратник в княжестве. С десяти лет учил и спуску не давал. А кончил учить, когда я его самого побил да к дереву мечом прижал.

Глеб покосился на парня.

– Ты одолел в поединке Видбора? – недоверчиво спросил он.

– Одолел, – кивнул Ставр. – Не веришь, спроси у него, когда вернемся. Да ты и сам видел. Нешто плохо я с тобой сражался?

Глеб не ответил. Некоторое время Ставр шел в молчании, но потом зуд словоохотливости вновь одолел его. На сей раз он избрал своей мишенью матушку Евдокию.

– Матушка, а матушка! – окликнул проповедницу Ставр. – А тебе кто-нибудь говорил, что ты настоящая красавица?

– Говорили, – сухо ответила она. – Очень многие.

Ставр улыбнулся.

– Видишь ли, Евдокия... Я парень молодой, но о будущности своей уже пекусь. Скажу еще короче – подыскиваю я себе, Евдокия, жену.

– Да ну?

– Точно, – кивнул Ставр. – И знаешь... я к тебе всю дорогу приглядывался. И теперь могу сказать, ты мне подходишь.

– Вот как? – насмешливо вскинула брови Евдокия. – Значит, подхожу?

– Да, – кивнул Ставр. – Талия у тебя осиная, а грудь высокая. А я, слышь-ка, люблю, когда грудь высокая. Да и не малая она у тебя. Есть, за что подержаться!

Ставр развязно хохотнул. Матушка Евдокия вдруг остановилась и с размаху влепила Ставру подзатыльник.

– Ты чего? – изумленно воскликнул он. – Ты чего дерешься?

– Драть тебя надо, Ставр, – сказала Евдокия спокойно и назидательно, как взрослые говорят с расшалившимися детьми. – Драть как сидорову козу.

Она повернулась и быстро нагнала Глеба. Ставр постоял на месте, потряс головой, потом заспешил за ними.

– Ну и зря, – сказал он. – Я парень видный. Гляди, во второй раз предлагать не стану.

Вдруг Глеб остановился, да так резко, что Ставр едва не налетел на него, наклонился и сорвал с земли какую-то травяную веточку.

– Что это ты сорвал? – спросил Ставр.

– Травку-остроедку, – ответил Глеб.

– И что она делает?

– Все.

– Как это?

Глеб потер веточку между пальцами, осторожно ее понюхал, поморщился и сказал:

– Эта дрянь действует только на темных тварей. И на каждую по-разному. Однажды я сунул стебель остроедки в пасть волколаку, и волколак обмяк, будто из него выпустили воздух. А один упырь, когда я заставил его сожрать листок остроедки, обратился в тощую, немощную тварь, похожую на червя.

– И что ты с ней сделал?

– Размазал сапогом по земле.

Ставр и Евдокия переглянулись.

– И зачем нам эта трава? – осторожно спросил Ставр.

– Пригодится, – ответил Глеб и сунул веточку в карман охотничьей куртки.

Поправив на спине сплетенный из ремней кокон со спящим мальчиком, Глеб зашагал дальше. Ставр двинулся за ним. Прошел несколько шагов, хмурия брови, а затем окликнул:

– Слышь, Первоход. Позволь мне нести мальчика.

– А не уронишь?

Ставр обиженно нахмурился.

– Что ты. Нешто я так слаб?

Глеб остановился:

– Ладно. Готовь спину.

Ставр и Евдокия осторожно сняли мальчика со спины Первохода и положили на траву, чтобы дать ему чуток отдохнуть. И вдруг случилось чудо – мальчик открыл глаза, посмотрел на матушку Евдокию, разлепил тонкие, спекшиеся от долгого бездействия губы и что-то прошептал.

– Он что-то говорит! – взволнованно воскликнула Евдокия.

Глеб и Ставр изумленно уставились на мальчишку, а проповедница низко склонилась над ним и приставила ухо к его губам.

– Что? – тихо спросила она. – Что ты хочешь сказать?

Мальчик снова зашептал. Голос его был так тих и слаб, что разобрать его можно было лишь с большим трудом. Но с каждой минутой голос этот становился все громче и тверже. Мальчишка будто бы оживал, как цветок, распускающий свои лепестки навстречу утреннему солнцу.

– Ну? – нетерпеливо спросил Ставр. – Чего он говорит?

Евдокия глянула на парня и радостно сообщила:

– Он сказал, что его зовут Ростих!

– Весьма ценное сообщение, – иронично изрек Глеб. – Что еще?

– Ростих прибыл издалека. Он говорит про огонь... и что-то еще... – Евдокия снова прислушалась. – Кажется... кажется, он говорит, что с ним прибыли еще двое...

– Двое? – изумился Ставр. – И где ж они?

– Он говорит, что они... они опасны!

Теперь Глеб и сам мог разобрать шепот мальчика.

– Рах... – шептал тот. – Захватил... Еще один... Сумка...

Мальчик замолчал, утомленно перевел дух и снова закрыл глаза.

– Он говорил про какую-то сумку, – сказала Евдокия.

Глеб кивнул.

– Да, я слышал. Кто-то кого-то захватил. Или – что-то.

– И еще он сказал «Рах», – хлопая на Евдокию глазами, подал голос Ставр. – Интересно, что это значит?

– Может быть, он говорил про «страх»? – предположила Евдокия. – Как думаешь, Первоход?

– Может быть, – задумчиво отозвался Глеб. – Но, по мне, это больше похоже на прозвище. Если это так, то Рах – явный враг мальчишки. Заметили, как дернулось его лицо, когда он произнес это имя?

Мальчик снова открыл глаза и прошептал обескровленными губами:

– Рах... рыжий...

Тут силы покинули его, и он снова впал в свое странное беспамятство. Евдокия вздохнула:

– Знать бы, о ком он говорит.

– По крайней мере, теперь мы знаем, что Рах – рыжий, – заявил Глеб.

– Рыжий? Рыжий-рыжий... – Матушка о чем-то задумалась, и по ее сосредоточенному лицу пробежала тень. – Кажется, я знаю... – Она снова замолчала, не закончив фразу.

– Что? – нетерпеливо спросил Ставр. – Чего знаешь-то, Евдокия?

Матушка качнула головой, словно выходя из забытья, взглянула на Глеба и сказала:

– Я знаю, о ком он говорит. Я видела его в кружале у Озара. Он вошел с улицы – грязный, оборванный, будто несколько дней шел по лесу. Попросил чего-нибудь попить. А потом поссорился с бездельниками, которые бражничали в кружале, и перебил их.

– Как это «перебил»? – изумился Ставр.

– У него есть чудная вещь. Навроде твоей ольстры, Первоход. Эта вещь мечет молнии.

– Гм... – Глеб задумчиво поскреб ногтями горбинку на переносице. – Что ж... по крайней мере, теперь нам многое известно.

– Да чего известно-то? – удивился Ставр. – Мне вот, ничего неизвестно.

– Нам известно, – продолжил спокойно Глеб, – что мальчик, рыжий Рах и тот парень, который превратился в тварь, прибыли к нам из единого места. Рах и тот, второй, были вооружены. Они захватили какую-то сумку.

– А при чем тут мальчишка? – нетерпеливо спросил Ставр.

– Мальчик боится Раха, – продолжал рассуждать Глеб. – Возможно, Рах и тот, второй, похитили какую-то сумку. Их кто-то преследовал, и они взяли мальчишку в заложники.

– Но как оказались они в Гиблом месте? И откуда они прибыли?

Глеб нахмурился:

– Спроси чего полегче, ходок.

Мальчик снова открыл глаза и снова что-то пролепетал. Евдокия быстро наклонилась и припала ухом к его губам. Когда мальчик замолчал, она взглянула на Глеба и сказала:

– Он говорит, что уже близко.

– А что показывает наш костяной компас? – поинтересовался Глеб.

Матушка Евдокия достала из кармана лешью указку, положила ее на ладонь и взглянула на кошачью косточку. Косточка немного подождала и замерла.

– Показывает, что идем верно, – сказала Евдокия. – То, что мы ищем, прямо впереди.

– Прямо впереди, – повторил Глеб, задумчиво поскребывая ногтями переносицу. – А прямо впереди у нас Кишень-град. Мертвый город, в который не сунет нос ни один ходок.

– Подумаешь! – фыркнул Ставр. – Я слышал, что в мертвом городе не осталось ни одного нелюдя. Чего нам бояться?

– Считается, что нелюдей там уже нет, – согласился Глеб. – Но я бы на это особо не рассчитывал. Если нелюди уцелели, то теперь они стали вдвое осторожнее, чем прежде.

– И вдвое злее, – заметила Евдокия.

– Верно, – кивнул Глеб. – Нелюди и раньше были настоящими мастерами по части разных ловушек. Теперь же, когда выживать стало труднее, навыки их должны возрасти десятикратно.

Глеб вздохнул, глянул на взволнованное лицо Ставра, затем перевел взгляд на Евдокию, спокойную, хмурую, сосредоточенную, и сказал:

– Я прошу вас быть предельно осторожными. Ни одного шага в сторону от тропы. Ни одного резкого движения. Если увидите какую-нибудь странную или привлекательную вещь, ни в коем случае не трогайте ее. Это может быть ловушкой. Я пойду вперед. А вы держитесь в паре саженой от меня. Договорились?

– Договорились, – хором ответили Ставр и Евдокия.

– Вот и славно. А теперь – вперед.

3

Окровавленный обломок ветки торчал из ноги Раха, словно красный отросток.

– Дьявол Стогнум! – выругался Рах. – Что, если у меня будет заражение крови? Видбор поморщился.

– Хватит тебе ныть, охоронец. Это всего лишь царапина.

Рах сверкнул на него гневным взглядом.

– Хорошо тебе говорить, ратник. Это ведь мне ветка проткнула ногу, а не тебе.

Видбор обхватил пальцами конец ветки и сказал:

– Я буду считать до трех. На счет «три» выдерну ее из твоей ноги. Готов?

– Да. Начинай.

Видбор склонился над ногой и раскрыл рот, чтобы сказать «раз», но вместо этого резко дернул ветку на себя и вырвал ее из ноги Раха.

– Дьявол! – вскрикнул тот. – Какого хрена, ратник!

Видбор отшвырнул окровавленную ветку в сторону, быстро обмотал ногу Раха тряпицей и крепко ее стянул.

– Ну, вот, – пробасил он, – теперь хоть на пляски.

Воевода выпрямился и огляделся.

– Я что-то слышу, – сказал он вдруг.

– Что? – Рах оторвал взгляд от своей ноги и завертел головой. – Что ты слышишь?

Видбор долго вслушивался, затем вдруг обхватил рукоять меча и с лязгом вытянул его из ножен.

– Ты чего? – удивленно спросил Рах. – Зачем тебе меч, воевода?

– Оно приближается, – глухо ответил Видбор, всматриваясь в черную стену деревьев.

– Что? – Рах тревожно посмотрел на лес. – О ком ты говоришь? Я ничего не слышу.

– Чудовище... – тем же глухим, напряженным голосом проговорил Видбор. – Оно идет за нами.

– Идет? Значит, нам надо уходить? Видбор, какого черта ты стоишь! Надо скорее уносить отсюда ноги.

Воевода, глядя в черную, неприступную стену деревьев, покачал головой и сказал:

– Поздно. Оно уже рядом.

– Черт!

Рах поспешно поднялся на ноги, быстро расстегнул чехол и вынул выжигатель. Затем глянул в ту сторону, в какую глядел Видбор, и взволнованно спросил:

– Оно придет оттуда?

Воевода кивнул:

– Да.

Рах поднял выжигатель и направил его на лес.

– Ничего, – холодно процедил он сквозь сжатые зубы. – Пусть приходит. Я его встречу.

Устрою ему вечеринку с салютом и фейерверками.

Из леса донесся треск ломаемых веток.

– А эта тварь большая, – прошептал Рах. – Как думаешь, Видбор, она большая?

– Сейчас сам увидишь, – глухо отозвался воевода. Облизнул губы языком и добавил: – Когда она выйдет, сразу не стреляй. Сперва присмотришься.

– Зачем?

– Затем, что ты в Гиблом месте. Стреляй только, когда поймешь, с кем имеешь дело.

Рах сдвинул рыжеватые брови и кивнул:

– Договорились.

Оба замолчали, пристально вглядываясь в чащобу и сжимая в руках оружие. Шум ломаемых веток нарастал. Рах почувствовал, что руки его мелко подрагивают, и, злясь на себя за это, свирепо сжал зубы.

– Давай, – беззвучно прошептал он. – Выходи, тварь.

Где-то громко хрустнула ломаемая ветка, затем кустарник раздвинулся, и чудовище выкатилось на поляну.

– Дьявол! – хрипло воскликнул Рах.

Тварь, вышедшая из леса, была похожа на огромного черного паука. Небольшая, плотно сидевшая на плечах голова была разрезана вертикальным слюнявым ртом, сжимавшимся и разжимавшимся, подобно огромным клешням. Черная кожа на лице чудовища была грубой и морщинистой, жесткие волосы росли на ней пучками. От твари за несколько саженей разило потом, несмотря на то что кроны деревьев теребил резкий и холодный ветер.

Тело гигантского уroda было изрезано ветками и покрыто струпьями, а растущая на животе и боках черная шерсть слиплась от черной крови и желтоватого гноя.

– Стрелять? – севшим от ужаса голосом пробормотал Рах.

– Давай! – кивнул Видбор.

Рах тщательно прицелился и нажал на спусковую панель. В выжигателе что-то щелкнуло, но выстрела не последовало. Рах, взмокнув от ужаса, снова нажал на панель. Но и на этот раз белый всполох огня не вылетел из дула.

– Дьявол! – выругался Рах. – У меня заклинило выжигатель! Что нам делать?

– Спрячься за мою спину! – крикнул Видбор и поднял меч. – Быстро!

Раз поспешно нырнул за широкую спину ратника. Видбор медленно двинулся вперед.

– Ну! – хрипло проговорил он. – Иди сюда, паучок! Посмотрим, у кого из нас гуще кровь!

Тварь стояла на краю поляны, свирепо глядя на Видбора. Челюсти ее сжимались и разжимались, но с места она не двигалась, будто чего-то выжидала.

– Боишься, что мы заманиваем тебя в ловушку? – догадался вдруг Видбор. – А ты осторожная, тварь. Да помогут мне боги! – крикнул он вдруг и понесся вперед.

Тварь тоже рванулась с места и кинулась на Видбора. Мохнатые лапы быстро и бесшумно несли ее громоздкое, отвратительное тело над землей. Они сошлись на середине поляны. Видбор увернулся от лязгнувших челюстей твари, махнул мечом и отсек чудовищу лапу. Тварь, рыкнув, отдернула обрубок. Видбор снова махнул заговоренным мечом и снес зверю вторую лапу. Лапа упала в траву и задергалась, как черная змея.

Третьим точным ударом воевода вспорол твари бок, но в то же мгновение чудовище махнуло лапой и рубануло его когтями по руке и груди. Видбор, пошатнувшись, упал на землю и выронил меч.

Тотчас потеряв к воеводе интерес, чудовище торопливо двинулось к дереву, за которым успел спрятаться Рах. Но Видбор, извернувшись, схватил меч и вонзил его чудовищу в спину.

Тварь взвыла от боли, обернулась и бросилась на воеводу. Богатырь и чудовище сплелись в клубок и стали кататься по траве, осыпая друг друга ударами. Видбор бил врага мечом, а тварь остервенело рвала его когтями и грызла зубами.

Рах, замерев от страха, наблюдал за их схваткой из-за дерева. Казалось, сам лес в ужасе отдернул свои ветви от залитой кровью поляны.

– Получи!.. – хрипел Видбор, взмахивая мечом и нанося чудовищу рубящие удары. – Отведай!

Тварь выла от боли и ярости, вырывая из тела воеводы куски плоти. Наконец, она стряхнула с себя Видбора, поднялась на лапы и шагнула к Раху.

Но тут силы оставили ее, и она тяжело повалилась на траву, судорожно загребая когтями комья земли. За время битвы Видбор успел нанести твари не менее десятка ударов, большая часть которых была смертельна. Но обессилел и он. Истекая кровью, воевода поднял голову и позвал:

– Рах... Рах, помоги мне...

Рыжий охоронец вышел из-за дерева, сжимая в руках выжигатель, но на воеводу даже не взглянул. С выжигателем наперевес он подошел к поверженной твари. Охоронец был бледен, но на губах у него играла улыбка.

Остановившись перед чудовищем, Рах всмотрелся в его безобразную, изрубленную мечом голову и усмехнулся.

– Крев! Это ты, дружище? В какое же чудовище ты превратился. А еще недавно ты называл чудовищем меня, помнишь?

Тварь застонала на земле и дернулась, пытаясь дотянуться до Раха изрубленными лапами. Рыжий охоронец отступил на шаг и снова усмехнулся.

– Жалкое зрелище, – презрительно произнес он. – Ты был хорошим ловчим, Крев, но ты погнался не за той дичью. Прощай.

Рах направил на издыхающее чудовище выжигатель, но вдруг снова опустил его и добавил:

– Кстати, забыл сказать. Когда я вернусь домой, я навещу твою семью. Я видел твою жену, Крев. Она настоящая красавица. А твоя дочь похожа на тебя. Я развлекусь с обеими, а перед этим расскажу им, как прикончил тебя. Надеюсь, ты не возражаешь? Ну а теперь – прощай.

Крев взвыл от ярости, напряг все свои силы и вдруг взвился в воздух. Сбив охоронца с ног, он завис над ним и изрыгнул ему на лицо черную слизь. Слизь растеклась по щекам рыжего охоронца, попала ему в глаза и в рот.

Рах уперся чудовищу ногами в грудь и с силой оттолкнул его, затем вскинул выжигатель и нажал на спусковую панель. Вспыхнула белая молния, и мохнатое тело твари разлетелось на куски.

Рах, отплевываясь и вытирая язык рукавом рубахи, поднялся с земли.

– Что это за мерзость? – брезгливо пробормотал он. – Будто дерьма наелся.

Тщательно вытерев лицо подолом рубахи, Рах подошел к Видбору, лежащему в луже крови, остановился и толкнул его ногой. Видбор не откликнулся. Рах наклонился, схватил богатыря за волосы, приподнял его голову и заглянул ему в лицо.

– Сдох, – презрительно произнес он и оттолкнул от себя голову мертвеца.

Затем выпрямился и понюхал воздух. Ноздри его затрепетали, а сердце тревожно вздрогнуло в груди. «Что еще за новости?» – испуганно подумал охоронец. Сотни разных запахов ворвались ему в нос, и на секунду он словно бы ослеп.

Прошло несколько секунд, прежде чем нос освоился со своим новым качеством. Рах обалдело тряхнул головой и обвел лес ошарашенным взглядом. Он готов был поклясться, что чувствует запах десятков тварей, притаившихся в траве и в лесу.

– Да что же это... – недоуменно пробормотал Рах.

По рукам его вдруг пробежала дрожь, а затем мышцы свело судорогой. Рах взглянул на свои руки и удивленно вскинул брови. Руки его стремительно вытягивались, утолщались и обрастали черной шерстью.

– Дьявол Стогнум! – выкрикнул Рах. – Что за...

Резкий и острый приступ боли скрутил его и заставил упасть на колени. Тело Раха

завибрировало и стало стремительно трансформироваться.

– Больно... – застонал Рах. – Как же мне больно...

Кости его затрещали под кожей, череп стал вытягиваться, приобретая уродливую форму. Рах хотел взмолиться, но не смог – из глотки вместо человеческих слов вырвался звериный рык, полный отчаяния, боли и гнева.

4

Путники вышли из чащобы и замерли, раскрыв рты. Перед ними простирался Кишень-град. Белокаменные дома поражали своей мощью, храмовые башни устремились в небо, по широким мощеным улицам разъезжали удивительные телеги, груженные разнообразным товаром. А слева и справа от дорог сновали пестрые толпы людей.

Мертвый город ожил, представ глазам гостей во всем своем былом великолепии, но длилось это всего несколько мгновений. Вдруг небо озарила ослепительная вспышка, а вслед за тем ужасающий, разрушительный ураган пронесся по городу, сметая все на своем пути.

Секунда – и волшебное видение растаяло в воздухе, а на месте прекрасного города стояли теперь лишь поросшие мхом развалины.

Несколько секунд путешественники молчали, затем Евдокия взглянула на Глеба и спросила дрогнувшим голосом:

– Что это было?

– Видение, – мрачно ответил Глеб. – Время от времени мертвый город пытается казаться живым.

– Ты и раньше такое видел? – севшим от волнения голосом спросил Ставр.

– Да, – ответил Глеб.

Евдокия хотела еще что-то спросить, но вдруг задрала голову и взглянула на небо.

– О, Боже, – тихо выдохнула она. – Здешнее небо...

Глебу не нужно было задирать голову, чтобы понять, о чем говорит проповедница. Он прекрасно знал, как выглядит небо над мертвым городом. Оно было не голубым или серым, а грязновато-красным, почти бурым. Отсветы этого страшного неба придавали развалинам Кишень-града неприятный, зловещий и какой-то потусторонний вид.

– Идем, – сказал Глеб и зашагал вперед.

Ставр и Евдокия двинулись за ним. Минуту спустя они вошли в город.

– Боже, как это страшно и как это красиво, – прошептала Евдокия, оглядывая развалины храмов и домов, которые не смогло сровнять с землей даже время.

Глеб чувствовал неприятное волнение. Так бывало всегда, когда он подступал к мертвому городу. Он понимал, почему даже самые опытные и отважные ходоки не осмеливаются приходить сюда. Воздух Кишень-града буквально был пропитан опасностью. Стоило поглубже вдохнуть его, и по спине пробежал ледяной озноб, а в груди делалось тяжело от жутковатого предчувствия беды. В былые годы не меньше десятка бесстрашных ходоков сложили здесь головы.

Медленно и осторожно продвигались они среди развалин.

– Первоход! – окликнула вдруг Евдокия.

Глеб остановился и обернулся:

– Что?

– Там... Там...

Глеб взглянул на старую белокаменную кладку. Поняв, о чем речь, он усмехнулся.

– Не бойся, матушка. Это всего лишь тени.

– Но чьи они?

– Ничьи. Не обращай на них внимания.

Глеб отвернулся и снова осторожно двинулся вперед, держа ольстру наготове.

– Замрите! – приказал он вдруг.

Евдокия и Ставр остановились и замерли. Под ногами у них пронесся глуховатый гул,

будто что-то огромное прогрызало себе под землей дорогу. Но гул длился всего пару секунд, а потом стих. Ставр облегченно вздохнул и шагнул вперед. И тут что-то сверкнуло в воздухе.

Глеб, молниеносно развернувшись, нажал на спуск. Грохот выстрела потряс мертвый город, и острые осколки обрушились Ставру на голову.

– Леший! – испуганно крикнул парень, стряхивая с головы и с плеч полупрозрачные острые осколки. – Что это было?

– Ловушка, – ответил Глеб.

– Но...

– Все вопросы потом. Нам нужно двигаться дальше.

Они снова зашагали вперед. Глеб впереди, Ставр и Евдокия – в паре шагов от него.

Осторожно ступая по каменистой тропке, Евдокия услышала тихий жалобный звук. Она повернула голову и увидела на каменной плите крохотного котенка. Тощий, несчастный, со славной симпатичной мордочкой, котенок настороженно и жалобно смотрел на Евдокию.

– Боже... – прошептала она и невольно улыбнулась. – Какой славный.

Не сознавая, что делает, проповедница шагнула с тропы и двинулась к котенку, намереваясь взять его на руки.

– Стой! – крикнул Глеб.

Евдокия остановилась. Глеб подхватил с земли осколок большого камня и швырнул его на плиту. Стоило камню коснуться поверхности плиты, как плита с грохотом сложилась пополам, и обе ее половинки сомкнулись, будто огромные челюсти, подняв в воздух облако щебня и пыли.

Проповедница вскрикнула, отшатнулась назад, закрестилась и забормотала севшим от пережитого ужаса голосом:

– Помилуй мя, Боже, по велицей милости Твоей...

– Я же сказал – ни шага с тропы, – раздраженно напомнил Глеб. – Еще раз сойдешь, на мою помощь не рассчитывай.

Беззвучно выругавшись, он повернулся и зашагал дальше. Матушка Евдокия осторожно двинулась за ним.

– Кто соорудил эти ловушки? – тихо спросила она, стараясь идти точно по следам Первохода и опасаясь смотреть по сторонам.

– Не знаю, – ответил Глеб. – Может быть, уцелевшие нелюди. А может быть, само Гиблое место.

Еще минут двадцать шли они по городу, прежде чем достигли его границы, обозначенной неглубокой, поросшей густой травой канавкой. Перебравшись через канавку и ступив в царство леса, путешественники облегченно вздохнули. Кишень-град был позади.

5

Боль прошла, уступив место всепоглощающему чувству свободы. Рах стремительно шагнул по лесу, размахивая длинными, мускулистыми руками и сжимая в когтистых пальцах выжигатель. Никогда прежде он не чувствовал себя таким сильным и бодрым.

Страх покинул душу рыжего охоронца, и Гиблое место стало для него родным домом. Он знал, что отныне ни одна темная тварь не решится на него напасть. А если нападет, он расправится с ней в одно мгновение, даже не прибегая к помощи выжигателя.

Рах сильно изменился за последние полчаса. Он стал выше ростом почти на голову. Тело его оплели толстые жгуты мускулов, на голом животе и спине (рубашка разошлась по швам, когда тело начало трансформироваться) заколосилась густая рыжая шерсть. Иногда Рах с наслаждением проводил языком по острым клыкам, которые выросли у него взамен выпавших зубов.

Рах смутно догадывался, что со стороны походит на некое ужасающее подобие огромной рыжей обезьяны – что-то среднее между гориллой и орангутаном, но ни одна обезьяна не обладала такими мощными челюстями и такими крепкими когтями, как те, что

появились у него. Каждый из его десяти когтей был равен крепостью и остротой сулебскому алмазному кинжалу.

Мощный, быстрый, ловкий, неутомимый – Рах чувствовал себя совершенным оружием для убийств, и, несомненно, таковым и являлся. Трансформация, которую он пережил, отняла огромное количество энергии, и перед тем, как двинуться в дорогу, Рах был вынужден сожрать тело Крева.

Но и сейчас, отдалившись от места битвы всего на четыре версты, Рах по-прежнему чувствовал голод. Теперь он жалел, что не забрал с собой тело воеводы Видбора. Времени на охоту не было, и голодный Рах довольствовался тем, что ловил на бегу крохотных зверьков, не успевших спрятаться от него в норы, бросал их в пасть и глотал, почти не жуя.

Изредка он подумывал, не вернуться ли ему за Видбором, но каждый раз отбрасывал эту мысль как вздорную. Впереди – мальчишка и его провожатые. Настигнув их, Рах вдоволь набьет желудок свежим человеческим мясом.

Рах улыбнулся своим мыслям. Теперь он не понимал, как можно было испугаться обретенной силы? Подыхая, Крев передал эту силу ему, и то, что поначалу ужаснуло Раха, теперь казалось ему чем-то вроде высшей формы справедливости. Победитель получает все, не так ли?

Он прикончил ловчего и получил в награду его жизненную силу. Конечно, пришлось принести в жертву этой Силе свой человеческий облик, но Рах не расстраивался. Во-первых, ничто в мире не дается без жертв. А во-вторых, Раху не впервой было менять внешность.

Очередной спазм голода заставил его замедлить ход и поморщиться, но Рах вскинул выжигатель и, переключив панель на слабый заряд, выстрелил в пролетающую над головой уродливую птицу.

Птица, хлопая обожженными крыльями, упала к его ногам. Швырнув пернатую тушку в рот, Рах быстро разжевал ее и проглотил, а затем, отрывнув перья, стремительно двинулся дальше.

Впереди был Кишень-град, место опасное и смертоносное, но, втянув воздух трепещущими ноздрями, Рах учуял все его ловушки. Не так уж они были и сложны. Мысль о новых возможностях, которые даровал ему, умирая, Крев, еще больше приободрила Раха, и он убыстрил шаг, пребывая в самом отличном расположении духа.

6

Костяная стрелка лешьей указки завращалась как бешеная, потом вдруг сорвалась с иглы, пролетела с полшага и упала на траву.

– Это здесь, – проронил мальчик, взглянув на траву. – Рах зарыл сумку здесь.

– Ты уверен? – взволнованно спросила матушка Евдокия.

Мальчик кивнул.

– Да.

Он уже стоял на ногах, однако без посторонней поддержки обойтись еще не мог.

– Как ты себя чувствуешь, Ростих? – спросила Евдокия.

Мальчик слабо улыбнулся и ответил:

– Нормально. Нужно достать сумку.

Глеб вынул из ножен кинжал и присел на корточки. Несколькими точными, скупыми движениями он взрезал дерн и убрал его в сторону, затем ковырнул клинком землю. Клинок сразу же наткнулся на что-то твердое.

Глеб отложил кинжал и дальше стал копать руками. Вскоре из земли показался угол черной кожаной сумки. Ставр, стоя над Глебом, слегка присвистнул.

– Вот это да! А мальчишка-то не соврал!

Откинув несколько пригоршней земли, Глеб ухватился за ремень и потянул. Сумка медленно выползла из земли. Поставив ее на траву, Глеб поднял взгляд на мальчика и спросил:

– Ростих, ты хочешь, чтобы я ее открыл?

Мальчик кивнул:

– Да. Вам надо на это посмотреть.

Глеб опустил взгляд на сумку и, поколдовав над позолоченными замками, нешироко распахнул ее. Исследовал взглядом ее содержимое, затем, слегка отпрянув, позволил заглянуть в сумку Евдокии и Ставр.

– Что это такое? – спросила Евдокия, разглядывая странный серебристый цилиндр, лежащий на дне сумки.

Мальчик сглотнул слюну и ответил:

– Это контейнер. Ни в коем случае не открывайте его.

– Чем он так опасен? – спросил Глеб.

– Я... Я скажу это вам. Но наедине.

Брови матушки Евдокии удивленно приподнялись.

– Ты хочешь поговорить с Первоходом наедине? – неуверенно спросила она.

Мальчик кивнул.

– Да. Простите, но так нужно.

– Я не согласен! – яростно воскликнул Ставр. – Мы вместе шли сюда через все Гиблое место, и теперь я не уйду, пока не...

– Ставр! – Евдокия положила руку ему на плечо. – Мы сделаем, как он просит.

– Но...

– Мы сделаем это, – повторила проповедница.

Парень вздохнул и удрученно произнес:

– Вот так всегда... Ладно. Наедине так наедине.

Евдокия помогла Ростиху сесть на траву, затем взяла Ставра под руку и отвела его в сторону.

– Что в контейнере? – спросил Глеб, разглядывая мальчишку.

– Ваше будущее, – устало ответил тот. – Дело в том, что я... не принадлежу вашему времени.

– Это я уже понял, – небрежно проронил Глеб. – Из какого века ты прибыл?

– Из двадцать первого. Две тысячи пятьдесят первый год.

По лицу Глеба пробежала тень.

– Ты русский? – спросил он.

– Мой отец русский. Он и дал мне славянское имя. – Мальчик улыбнулся и пояснил: – У нас это сейчас модно.

– И как там у вас, в пятьдесят первом? – хрипло поинтересовался Глеб. – Россия еще есть на карте мира?

Мальчик кивнул.

– Да. Но с переходом на новые виды топлива ее положение пошатнулось. К тому же Зон стало слишком много.

– Зон? – Глеб прищурился. – О каких зонах ты говоришь?

– Несколько лет назад на одной из атомных станций произошла авария. Она спровоцировала глобальный катаклизм. По всей планете образовались жуткие места, которые мы называем Зонами. В этих местах время и пространство ведут себя не так, как нужно.

Мальчик облизнул сухие, обескровленные губы и продолжил свой рассказ:

– Я ждал отца. Мы собирались лететь на экскурсию в новый научный центр. Мой отец – важная шишка в Сообществе Первых. Он оставил меня в челноке одного. А потом... Потом в челнок ворвался Рах с контейнером под мышкой и взял меня в заложники.

– Где он раздобыл этот контейнер? – спросил Глеб, пристально разглядывая мальчика.

– Выкрал из спецхранилища. Но с территории хранилища уйти не успел. Он взял меня в заложники и поднял корабль в воздух. Мы успели только взлететь, а потом ловчие сбили нас. Челнок совершил вынужденную посадку в Зоне-ГМ. Три часа ловчие вели с Рахом

переговоры, уговаривая его отдать контейнер и освободить меня.

Мальчик перевел дух, затем продолжил слабым голосом:

– Они уговорили Раха отпустить меня. Даже согласились предоставить ему шлюпку, защищенную силовым полем. Но тут в челнок ворвался ловчий по имени Крев. Рах хотел выстрелить, но Крев его опередил и выстрелил первым. Пуля оцарапала Раху щеку и пробила силовое поле ускорителя...

Мальчик снова замолчал. Лицо его было смертельно бледным, а на высоком лбу выступила испарина.

– Необязательно рассказывать все сейчас, – сказал ему Глеб. – Если хочешь, можешь сделать это потом.

Мальчик сдвинул брови и качнул головой.

– Нет. Я расскажу сейчас. Когда Крев выстрелил, Рах засмеялся. Он швырнул мне сумку с контейнером и крикнул: «Держи крепче, щенок, если не хочешь, чтобы мы все отправились в ад!» И тогда... – Мальчик сглотнул слюну. – И тогда я открыл сумку и вскрыл контейнер. Я думал, что в контейнере оружие. Я хотел вытащить то, что там лежало, но тут что-то случилось. Сначала была яркая вспышка, а потом... Потом наступила тьма. Когда я снова открыл глаза, то увидел, что лежу на траве, рядом с пылающим челноком. А вокруг меня...

– Гиблое место, – договорил за него Глеб. – Как это могло произойти, Ростих? Почему вы оказались здесь?

Мальчик поморщился и ответил:

– Точно не знаю. Думаю, взрыв ускорителя, который приводил в движение челнок, пробил в пространственно-временной ткани дыру.

Глеб усмехнулся.

– Дыра в ткани времени? А попроще можно?

Мальчик виновато улыбнулся.

– Прости. Я не знаю, как еще объяснить. Я всего лишь ребенок. Но одно я знаю точно: наш челнок взорвался, и взрывная волна швырнула нас троих – меня, Раха и ловчего Крева – на тысячу с лишним лет назад. Так мы оказались здесь.

Глеб обдумал его слова и спросил:

– Ты сказал, что в момент взрыва челнок находился в Зоне-ГМ. Что это такое?

– Одна из аномальных зон, – ответил мальчик.

– Гэ Эм... – повторил Глеб, задумчиво наморщив лоб. – Расшифровывается как «гиблое место», верно?

Мальчик кивнул.

– Да.

– Ты знаешь, что находится в контейнере?

– Во время переговоров с ловчими Рах говорил что-то про новую форму жизни. Я слышал, что он называл ее «тайный враг». Думаю, это условное название... – Мальчик перевел дух и нахмурился, припоминая. – И еще... он что-то говорил про бессмертие. Думаю, что в контейнере лежит биологический образец, обладающий колоссальным запасом энергии.

Глеб прищурил темные глаза и сухо уточнил:

– Ты в этом не уверен, правда?

Мальчик кивнул.

– Правда. Но проверять в любом случае не стоит.

– И что же ты хочешь, чтобы я сделал?

Мальчик посмотрел Глебу в глаза и сказал:

– Ты должен унести контейнер в святилище Нуаран, о котором ты рассказывал Евдокии. Унести и запечатать его камнем.

– Вот как? – Глеб усмехнулся. – И с какой же стати?

– Это самое надежное место на земле. Оно удалено от поделщиков Раха не только в

пространстве, но и во времени. Сюда они точно не доберутся. И никто не доберется.

Глеб задумчиво поскреб ногтями горбинку на переносице.

– Допустим, мы сделаем это, – неуверенно произнес он. – Но как ты вернешься обратно?

Мальчик грустно улыбнулся.

– Никак. Я прикоснулся к вещи, которая находится в контейнере, и часть ее энергии передалась мне. Я могу жить только вблизи контейнера. Он – мой единственный источник энергии. Чем дальше я от контейнера, тем меньше во мне остается жизни. Как только ты спрячешь контейнер в святилище, мне придется умереть.

Глеб надолго задумался, бросая на мальчика быстрые, внимательные взгляды. Мальчик терпеливо ждал его решения.

– Что ж... – выдохнул, наконец, Глеб. – Один тот факт, что ты и твои «друзья» здесь, доказывает...

Белый всполох на мгновение ослепил их, а когда Глеб снова обрел способность видеть, мальчик уже не сидел перед ним. Он лежал на траве, раскинув руки.

– Красиво падала листва, красиво плыли пароходы, – насмешливо проговорил за спиной у Глеба чей-то странный, рыкающий голос.

7

– Веди себя смирно, и все будет хорошо!

Человеческие слова в устах стоявшей перед Глебом огромной, рыжеволосой твари звучали странно и дико. Чудовище было похоже на уродливого орка, но только в руке рыжий «орк» держал не меч и не копье, а черный зловеющий выжигатель.

Жуткие клыки твари не умещались в пасти. Живот и грудь были покрыты плотной серебристой коркой, похожей на панцирь, и выглядели очень крепкими. От чудовища так и веяло мощью.

Глеб отвел взгляд от чудовища и посмотрел на мальчика. Тот лежал неподвижно и на первый взгляд даже не дышал. Евдокия и Ставр лежали неподалеку в тех же позах, что и мальчик.

– Что с ними? – спросил Глеб.

– Я усыпил их, – ответило чудовище своим странным, рыкающим голосом.

– Зачем?

– Так получилось. – Тварь трянула выжигателем, который сжимала в когтистых лапах. – «Ствол» барахлит, рассчитать режим очень трудно. – Тварь усмехнулась. – А ты оказался крепче, чем они. Я удивлен.

– Они придут в себя? – хмуро спросил Глеб.

– Через полчаса. Если только я не добыю их.

Глеб сдвинул брови и качнул головой.

– Не делай этого. Возьми все, что хочешь, но оставь их в живых.

Тварь задумчиво посмотрела на Глеба.

– Ты ведь Глеб Первоход, верно?

– Да, – кивнул Глеб.

– Я так и думал. Ты слишком крепок для обычного человека. Это Гиблое место сделало тебя таким?

– Возможно. – Глеб помолчал, исподлобья разглядывая чудовище, потом спросил: – А кто ты?

– Меня зовут Рах. – Рыжая тварь прищурила выпуклые, красноватые глаза. – Я о тебе много слышал, ходок. Ты тут у них знаменитость. Думаю, со временем эти темные людишки будут слагать о тебе легенды.

– Знаешь, а ты слишком болтлив для темной твари, – сказал Глеб, украдкой глянув на кобуру с ольстрой, лежащую рядом с сумками, и оценив расстояние для прыжка.

Рыжий «орк» усмехнулся.

– Ты прав. Люблю потрепать языком. Но ты не должен на меня сердиться. Связная речь – это единственное, что отличает нас от животных, ведь так?

– В твоём случае это несомненно, – с усмешкой согласился Глеб.

Тварь засмеялась, оценив шутку. Затем, все еще ухмыляясь, вылупила на Глеба свои красноватые глаза и пролаяла:

– У нас много общего, Первоход. Мы оба здесь чужие.

Глеб молчал, просчитывая в уме свои действия.

– Я хочу предложить тебе дружбу, – продолжил рыжий «орк». – Меня эти дикари боятся. А тебя уважают. Вместе мы завоюем их мир. – Рах взглянул на сумку, в которой поблескивал серебристым боком контейнер, и, восторженно блеснув глазами, добавил: – Эта штука сделает нас богами, Первоход. Бессмертными богами!

Глеб вновь незаметно покосился на ольстру.

– Я не хочу здесь оставаться, – сказал он.

– Почему? – удивилась тварь. – Мы здесь неплохо устроимся. Зачем тебе возвращаться?

– Ты слышал такое слово – ностальгия? Считай, что это она. И потом, мне не нравится твоя морда.

Красноватые глаза рыжего «орка» насмешливо сощурились.

– Не суди о людях по внешности. Может быть, внутри меня сидит маленький мальчик, мечтающий о подвигах.

– Только если ты его сожрал, – сухо проговорил Глеб и прыгнул к ольстре.

Заряд, выпущенный из выжигателя, опалил ему лицо и волосы, но пролетел мимо. Падая, Глеб выхватил из кобуры ольстру, обернулся и нажал на спуск.

Заряд белого железа ударил «орка» в грудь. Чудовище отпрянуло назад, выронив от неожиданности свой выжигатель, метнулось в сторону и, совершив гигантский прыжок, скрылось в высокой траве. Глеб замер с ольстрой в руке, тщательно вглядываясь в траву.

Выжигатель, оброненный Рахом, лежал в траве. «Сколько до него? – размышлял Глеб. – Сажени две, наверно. Нужно подобрать его раньше, чем это сделает Рах». Глеб, низко пригнувшись и крепко сжимая в руках ольстру, двинулся вперед.

Пройдя несколько шагов, Первоход остановился и прислушался, стараясь не дышать. Тварь была совсем рядом, он чувствовал ее присутствие. На мгновение Глебу показалось, что высокая трава шелохнулась. Нервы его сдали, он вскинул ольстру и нажал на спуск. Прогрохотал выстрел. Однако ни вопля, ни крика, ни рычания Глеб не услышал.

Ощущение опасности усилилось. Шестым чувством Глеб явственно ощущал, что тварь приблизилась. Пальцы Глеба слегка подрагивали, он сделал усилие и заставил себя успокоиться. От бесцельной стрельбы проку никакого. А патроны нужно экономить, не так уж много их осталось.

И тут чудовище прыгнуло. Глеб дернулся в сторону, но Раху удалось зацепить его когтями. Из раны на боку брызнула кровь, всю левую сторону тела будто обожгло огнем.

Глеб резко развернулся и нажал на спуск. Заряд белого железа ударил «орка» в спину. Чудовище издало хриплый вопль и, рухнув наземь, покатилося вниз по склону холма, подминая траву.

Глеб снова вскинул ольстру и секунду потратил на то, чтобы найти у Раха на теле уязвимое место. Грудь, живот и спина чудовища покрыты чешуйчатым панцирем. А вот шея...

Рах вскочил на ноги, и в это мгновение Глеб выстрелил. Заряд угодил чудовищу в шею. Рах замер. Черты безобразного лица исказились от боли. Он попятился и, прижавшись спиной к дереву, взглянул на Глеба пылающими злобой глазами. Глеб выстрелил еще раз.

Рах схватился за бок, покачнулся и, вытянувшись во весь рост, упал на траву. Опуская ольстру, Глеб почувствовал, как кровь – горячая, липкая, стекает по ребрам на живот. Он подошел к чудовищу, остановился в шаге от него и спросил:

– Кто ты такой, Рах?

– Я тот, кем ты должен был стать... – прохрипел рыжий монстр, сцепив от боли клыки. – А ты?! – яростно рыкнул он. – Кто ты такой, Первоход?

Глеб усмехнулся и холодно ответил:

– Я убиваю тварей. Таких, как ты.

– Никому не удалось убить Раха... – прохрипел монстр. – И ты не сможешь... Бог бережет меня.

Несколько секунд Глеб размышлял, держа чудовище на прицеле, затем вдруг опустил ольстру.

– Ты прав, – сказал он. – Я не стану тебя убивать.

Глеб сунул руку в сумку-ташку и достал пожухлый клочок травы. Рах уставился на траву с опаской и хрипло спросил:

– Что это?

– Травка-остроек, – ответил Глеб, шагнул к монстру, быстро сунул траву между желтоватыми клыками и двинул монстра снизу кулаком в подбородок, захлопывая ему пасть.

Несколько мгновений ничего не происходило. Потом тело Раха задрожало и задергалось, глаза его выкатились из орбит, а изо рта монстра выползла зеленая пена. На всякий случай Глеб отошел от твари на пару шагов. Остроек действовала на каждую темную тварь по-разному, и одному лишь богу известно, что сейчас произойдет с Рахом.

И вдруг тело рыжего монстра стало сжиматься, словно из него выпускали воздух. Происходило это стремительно. Секунда... Две... Три... И вот уже не огромный жуткий монстр лежал перед Глебом, а крохотный, не больше крысеныша, зверек с грязновато-рыжей шерстью и свирепой мордочкой.

Глеб открыл рот от изумления. Он ожидал чего угодно, только не этого.

– Дьявол Стогнум! – пискнул рыжий зверек, поднялся на лапки и хотел юркнуть в траву, но Глеб ловко поймал зверька, сжал его в кулаке и поднес к глазам.

Несколько секунд зверек и человек смотрели друг другу в глаза. Казалось абсурдным, что в крохотной звериной мордочке может быть столько свирепости и злобы.

Глеб усмехнулся и назидательно проговорил:

– Запомни, Рах, так бывает с каждым, кто жаждет мирового господства.

– Жалкий человечек! – тонко прохрипел зверек. – Ты не смеешь...

Глеб сунул зверька в глубокий карман охотничьей куртки и затянул тесьму. Затем подошел к мальчику, положил ему пальцы на шею и попытался нащупать пульс. Рах не обманул – мальчишка действительно был жив.

Поправив мальчику голову, Глеб выпрямился и прошагал к Евдокии. Грудь проповедницы мерно и ровно вздымалась. Красивое лицо было спокойным и расслабленным.

Молодой ходок Ставр тоже спал и даже слегка похрапывал во сне. Брови его хмурились, а тело слегка подергивалось – парень и во сне с кем-то сражался.

Первоход вздохнул и отошел от своих спящих спутников подальше. Теперь ему предстояло сделать самое главное. Глеб сунул руку за пазуху и достал небольшой темный камушек. Оглядел сумеречный, неприветливый лес, затем вскинул камушек над головой и крикнул так громко, как только мог:

– Арио! Калоста! Тахеоп! Жрецы святилища Нуаран! К вам обращаюсь я! Я хочу вернуть вам камень власти! Если вы слышите меня – придите и заберите его!

Глеб замолчал и прислушался. Ничего не произошло. Однако тишина показалась ему слишком густой и зловещей.

– Арио! Калоста! Тахеоп! – снова крикнул Глеб. – Жрецы Нуарана, я жду вас!

По лесу пробежал ледяной порыв ветра. И вдруг воздух перед Глебом стал сгущаться. Одна, две, три, четыре, пять... Не меньше двух десятков темных фигур появились в воздухе и зашагали к Глебу, едва касаясь ногами травы, словно плыли в синем, сумеречном воздухе.

– Ай да охотник... – пробормотал Глеб, пристально глядя на приближающиеся фигуры. – Не обманул.

Жрецы остановились в нескольких шагах от Глеба. Одеты они были в длинные черные плащи, а лица их скрывали капюшоны. Холодный ветер развеивал широкие полы плащей, придавая жрецам потусторонний и зловещий вид.

Глеб облизнул пересохшие губы, протянул руку и показал жрецам камень.

– Я отдам вам его, – сказал он. – Но вы должны пообещать мне, что перед тем, как запечатаете бездну, бросите туда одну вещь.

Жрецы молчали, ожидая продолжения. Глеб нагнулся к сумке, вынул серебристый контейнер и показал его жрецам.

– Вот эта вещь! Она дьявольски опасна! Так же, как то зло, которое замуровано под черной плитой! Если оставить ее здесь, миру придет конец!

Несколько секунд жрецы молчали, затем их черные капюшоны слегка дрогнули, и жуткий хор голосов громко произнес:

– МЫ СДЕЛАЕМ, КАК ТЫ ПРОСИШЬ, ХОДОК!

Глеб облизнул губы и кивнул.

– Отлично. Но у меня есть еще одна просьба. Этот мальчик... – Глеб кивнул на спящего Ростиха. – ...Он погибнет вдали от этой вещи. Что, если вы возьмете его с собой? Он очень смывленный, и ему некуда деваться. Он может стать одним из вас.

Несколько секунд прошло в тишине, после чего стройный, потусторонний хор произнес:

– МЫ ВОЗЬМЕМ МАЛЬЧИКА! ОН СТАНЕТ ОДНИМ ИЗ НАС!

– Отлично, – выдохнул Глеб.

Он протянул ближайшему жрецу камень и контейнер. Тот выпростал из широких складок плаща руку, взял контейнер и камень. Ладонь нелюдя была раза в два больше, чем ладонь Глеба, – широкая, белая, как молоко, и вся перевитая синими прожилками.

Еще один жрец подошел к спящему мальчику и осторожно поднял его на руки. Затем все двадцать жрецов медленно повернулись и двинулись в сторону леса. Высокие, грузные фигуры, закутанные в черные плащи, поплыли по траве, постепенно растворяясь в воздухе.

Когда от них не осталось и следа, Глеб вздохнул и опустился на траву. Поглядывая на своих спящих спутников, он достал из сумки берестяную коробку с бутовыми самокрутками, вытряхнул одну и сунул в рот. Затем достал зажигалку и выщелкнул язычок пламени.

Ветер лениво гнал по сумеречному темному небу светлые облачка. Глеб затаился самокруткой, выдохнул дым и устало пробормотал:

– Приятно покурить после хорошо сделанной работы.

Эпилог

– Тпру-у! – сказал Глеб и остановил лошадку.

Он передал поводья матушке Евдокии и спрыгнул с телеги. Лес вокруг был светлый и дружелюбный, совсем не такой, как в Гиблом месте. В густой шевелюре ближайшей березы щебетали птицы. По тяжелым ветвям сосны прыгала огнехвостая белка.

– Может, доедешь с нами до города? – спросила Евдокия.

Первоход покачал головой:

– Нет. Здесь наши дороги расходятся.

Проповедница вздохнула и спросила уже в который раз за последние двое суток:

– Ты уверен, что жрецы Нуарана не сделают с мальчиком ничего плохого?

– Уверен, – ответил Глеб. – Эти парни не любят шутить.

– Но благое ли дело они делают?

– Благое, матушка. Они защищают мир от адской чумы.

Евдокия вздохнула и грустно произнесла:

– Я буду тосковать по нему.

– Будешь, – согласился Глеб. – Но теперь тебе есть, о ком заботиться.

Евдокия улыбнулась и пригладила ладонью растрепанные волосы воеводы Видбора. Ратник лежал в телеге и был укрыт рогожей. Он приоткрыл тяжелые веки, скосил глаза на Глеба и пробормотал:

– Я рад, что ты жив, Первоход.

– А я рад, что мы нашли тебя и вовремя приняли меры, – усмехнулся Глеб. – Не окажись поблизости родника с мертвой водой, тебе бы не выкарабкаться, старина.

Видбор выпростал из-под рогожи широкую ладонь и протянул Глебу. Глеб крепко пожал ее.

– Как твоя рана, Первоход? – спросила Евдокия, ласково поглаживая воеводу по волосам.

– Почти не тревожит, – ответил Глеб. – Мертвая вода сделала свое дело.

– Пожалуй, я тоже высажусь здесь, – сказал Ставр и легко спрыгнул с телеги. – Наведаюсь к родичам в Топлево. Соскучился по вкусной еде.

Глеб взглянул на Евдокию и сказал:

– Вам пора ехать.

– Да поможет вам бог, ходоки.

– Удачи и вам.

Евдокия отвернулась, взялась за поводья и тронула лошадку с места.

Ставр и Глеб остались стоять не перепутые.

– Куда ты теперь? – спросил Ставр, когда телега скрылась за поворотом.

Глеб улыбнулся:

– Вернусь в свой дом на берегу Эльсинского озера и продолжу выращивать овощи. Ты, наверно, не знаешь, но я отличный огородник.

– А как же Гиблое место?

– Гиблое место? – Глеб обернулся и взглянул на деревья, оставшиеся за спиной. – Честно говоря, я сыт им по горло.

В кармане замшевой крутки Глеба заворочался зверек.

– Черт, совсем забыл про эту тварь, – с досадой произнес Глеб. – Ума не приложу, что с ней теперь делать.

– А ты отдай ее мне, – попросил Ставр. – Я посажу ее в клетку и буду показывать на торжке за деньги.

– Хорошая идея, – одобрил Глеб. – Хоть какая-то будет польза от крысеныша. – Он сунул руку в карман и вытащил упирающегося зверька на свет. – Держи!

Молодой ходок крепко сжал зверька в кулаке.

– Пусти меня, щенок! – запротестовал зверек и попытался цапнуть Ставра за палец. – Пусти!

– Тебе придется надеть на этого крысеныша намордник, – усмехаясь, сказал Глеб.

Ставр засмеялся:

– Ничего! Через неделю он у меня станет шелковым!

– Дьявол Стогнум! – заверещал крысеныш. – Я сожру тебя, ходок!

Ставр поднял кулак к голове зверька и тихонько щелкнул его по носу пальцем. Зверек заткнулся, злобно глядя на Ставра маленькими глазками.

– Вот так-то лучше, – кивнул Ставр, сунул крысеныша в сумку-ташку и крепко стянул ее тесьмой. – Что ж... Прощай, Глеб Первоход?

– Прощай, ходок Ставр.

Мужчины пожали друг другу руки.

– Будь осторожен в Гиблом месте, – посоветовал Глеб. – Не рискуй понапрасну головой. Она у тебя слишком красивая и бедовая, чтобы отдавать на съедение упырям.

– Не буду, – пообещал Ставр. – А ты будь осторожен, когда выкапываешь репу. Можно

больно пораниться лопатой.

Глеб несколько мгновений молча смотрел на парня, затем рассмеялся, хлопнул Ставра ладонью по плечу, развернулся и зашагал по накатанной дороге, ведущей к Порочному граду.

Ставр вздохнул, повернулся и пошел по другой дороге – напрямик к селу Топлево. Оба были заняты своими мыслями и не заметили двух вооруженных людей, притаившихся в кустах вереса.

– Возьмем его сейчас? – спросил один из них, сжимая в руке большой боевой лук с костяными вставками.

Второй рослый, чернобородый, покачал головой.

– Нет. Она велела сделать все бесшумно. Подождем, пока молодой ходок свернет за деревья. Ядовитая стрела у тебя наготове?

– Да.

Оба замолчали, выжидая, когда молодой ходок скроется за деревьями.

– Теперь пора, – сказал чернобородый. – Да помогут нам боги!

Стрелок положил отравленную стрелу на тетиву боевого лука, тщательно прицелился в удаляющуюся фигурку Первохода и спустил стрелу с тетивы.

Фигурка на мгновение остановилась, затем качнулась и рухнула в дорожную пыль.

– Готов, – удовлетворенно проговорил стрелок и опустил лук. – Теперь можем его брать.

(Продолжение – в романе «Гиблое место: Властелин видений»).